

Григорий Александрович Шепелев

Последняя шутка Наполеона

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34339250

SelfPub; 2022

Аннотация

Пятнадцатилетняя девушка Рита, блуждая по лесу, обнаруживает в чащобе заброшенное старинное кладбище. Прочтя то, что было написано на одном из надгробий, и оглядевшись по сторонам, она понимает, что у неё появился враг, который всю её жизнь превратит в кошмар...

Содержание

Пролог	6
Часть первая	7
Глава первая	8
Глава вторая	14
Глава третья	21
Глава четвёртая	33
Глава пятая	42
Глава шестая	53
Глава седьмая	68
Глава восьмая	83
Глава девятая	93
Глава десятая	103
Часть вторая	113
Глава первая	114
Глава вторая	119
Глава третья	133
Глава четвёртая	141
Глава пятая	153
Глава шестая	160
Глава седьмая	174
Глава восьмая	184
Глава девятая	193
Глава десятая	202

Глава одиннадцатая	213
Глава двенадцатая	225
Глава тринадцатая	234
Глава четырнадцатая	242
Глава пятнадцатая	256
Часть третья	264
Глава первая	265
Глава вторая	274
Глава третья	286
Глава четвёртая	289
Глава пятая	297
Глава шестая	306
Глава седьмая	316
Глава восьмая	323
Глава девятая	336
Глава десятая	345
Глава одиннадцатая	357
Глава двенадцатая	365
Глава тринадцатая	375
Глава четырнадцатая	382
Глава пятнадцатая	390
Глава шестнадцатая	407
Глава семнадцатая	418
Глава восемнадцатая	427

Григорий Шепелев

Последняя шутка Наполеона

Все герои этой истории на страницах романа имеют вымышленные фамилии и имена. Любые их совпадения с именами и фамилиями реальных людей являются случайными.

– Я никому не пожелаю встретиться с ним,
даже если у него не будет никакого револьвера.
М. Булгаков

Пролог

– Мамочка! Представляешь, я сейчас достала из того шкафа книгу – ужасно старую книгу, «Остров сокровищ», а из неё выпало письмо! И это письмо написано по-старинному...

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, не авторучкой, а пером, с кляксами! Вот послушай, что в нём написано: «Дорогая Лизонька! Твоего отца мы похоронили, согласно воле его, на старообрядческом кладбище. Это кладбище уж давно окружено глухим хвойным лесом. Чтобы к нему пройти через этот лес...»

– Катенька, послушай! Я ведь тебя просила мне не звонить на работу по пустякам. Когда я приду домой, мы поговорим.

– Но мама! Если б ты знала, что дальше в этом письме написано! Это просто кошмар! Послушай, осталось всего пять строк...

– Катенька, приду и поговорим, – повторила мама, после чего раздались гудки. Не успела Катя положить трубку, как телефон зазвонил.

– Алло, – ответила девочка.

– Катенька, сейчас к вам придут, – сказал незнакомый голос. После этого Катю никто никогда не видел.

Часть первая

Никогда не знакомьтесь с Наполеоном

Глава первая

Некоторые думали, что Наташу Лиховскую зовут Эля. Эля Булатова. Так она представлялась тем, кто нравился ей, а также их родственникам, друзьям. Имя «Эля» она считала более романтичным. В большинстве случаев её сразу разоблачали, поскольку Олимпиаду в Атланте смотрели многие. Как было не запомнить ангельскую зеленоглазую рожицу, залитую слезами после кошмарной схватки с американкой, которая без труда поймала Наташу на болевой, сперва распластав её на татами пятками к журналистам! Так и ушла серебряная медаль. Но бронзовую Наташа вырвала у японки, поверив тренеру. Он при всей команде пообещал из самой Лиховской при помощи сковородки сделать японку, если пропустит. Победу ей присудили за незначительным перевесом. После Олимпиады из профессионального спорта пришлось уйти. На этом настаивал психиатр. Было очень обидно – в двадцать три года многие дзюдоистки планируют участвовать ещё в паре Олимпиад.

После тридцати Наталья Лиховская Элей больше не называлась и в рыжий цвет волосы не красила, решив стать глупышкой-блондинкой. Это её порядком омолодило, хотя конкретно данную цель она не преследовала. Но годы брали своё. В сорок лет Наташа уже не выглядела на двадцать

и глупенькой не казалась – слишком тяжёлым сделался её взгляд. Вдобавок, её стали узнавать не только знатоки спорта, но и любители криминальной хроники. Это всё приводило к серьёзным срывам. Порой Наташа сама их усугубляла, берясь за книги, бросающие ей вызов. Особенно её раздражали «Тысяча и одна ночь», все восемь томов. Арабские сказки грубо расшатывали реальность – весьма ужасную, но родную. Другой ей было не нужно. Эта реальность была её отражением, результатом её решений. Бронзовая призёрка Олимпиады не соглашалась перечеркнуть свою жизнь, признав их ошибочность. Гордость не позволяла ей заниматься самокопанием и уваливать от борьбы с иною реальностью. Ту, иную, навязывали ей дервиши из восточных сказок – странствующие вшивые колдуны, люто презиравшие всё красивое, светлое, выдающееся, особенно – умных женщин. Наташа дервишам отвечала полной взаимностью. Она видела их глаза на каждом лице, которое ей не нравилось, она слышала их невнятные, проклинающие молитвы из каждой пасти, которую стоило бы заткнуть. Они были всюду.

Не обошлось без них и той ночью, с которой эта история началась. Точнее, был ещё вечер. Первый осенний вечер, утыкавший чёрный шёлк золотыми шпильками так роскошно, будто под ним шумел океан, а не миллион кредитных машин. Со дня переезда минуло двое суток и два часа. Квартира Наташе очень понравилась: место тихое – переулочки-закоулочки, дверь стальная, второй этаж, внизу –

палисадник. Всё остальное было неважно. Наташа знала – ей долго здесь не прожить. Она нигде не жила дольше двух-трёх месяцев. Продолжалось это семнадцать лет. Да, уже семнадцать. Сколько их было, этих квартир? Наверное, сто. Или даже двести. Из некоторых сбегать очень не хотелось, особенно когда всё болело, а по окну хлестал снегом ветер.

Было двадцать три двадцать. Стоя под душем, Наташа пела англоязычную песню из девяностых и вспоминала тех, кто звал её Элей. Их было двое, так и не вспомнивших, где они могли видеть её лицо. Такие смешные мальчишки! Одного любила она, другой обожал её. Ей было плевать, что с ними теперь. Но воспоминания грели. Втирая гель в ягодицы, она восторженно повторила слова припева:

– Да, Stay with me! Именно! Отлично! Великолепно! Но только там, а не здесь. Сейчас он не нужен. Сейчас ему...

Мобильник подал сигнал эсэмэски. Сполоснув руки, Наташа быстро взяла его с верхней полочки, где стояли её шампуни с красками, и прочла: «Ты где, дорогая???»

Коленки дрогнули. Галька! Галька из казино! А три вопросительных знака она поставила? Да, поставила... Не из горла, не из груди, а из всего тела Наташи, от самых пяток, вырвался стон. Сев на бортик ванны, она заплакала. Почему? Почему так рано? Это невысказано! Как могло такое произойти? Квартира оплачена за два месяца, а прошло всего лишь два дня! Деньги – на исходе!

Но нужно было спешить. Галька – не из тех, кто попусту

бьёт тревогу. Ополоснувшись, Наташа ринулась в комнату. На полу оставались мокрые следы её ног. Вещи полетели из шкафа так, будто он взорвался. Утрамбовав в пакет юбку, блузку, колготки и два комплекта белья, Наташа стремительно натянула джинсы и кофточку. Документы, деньги и телефон сунула в карман, в спешке не заметив, что плохо сунула, потому что в кармане был носовой платок. Склонилась над обувью, с тоской думая, что надеть, что взять, что оставить. Этот нелёгкий выбор ей помог сделать звонок, внезапно раздавшийся.

Он чирикнул, как соловей. Наташа оторопела. Её потрясло не то, что смерть к ней примчалась быстрее пули, а то, что дервиши позвонили в дверь. Ведь не идиоты они – рассчитывать, что она возьмёт да откроет! По логике, они должны были бы организовать засаду возле подъезда. Там её взять им было бы куда проще. Позвонить в дверь могли лишь затем, чтобы побудить её в панике воспользоваться для бегства окном. Конечно – второй этаж, решётки на окнах нет! Значит, в палисаднике – целый взвод. Ну нет, она им такого праздника не подарит!

Звонок ещё раз чирикнул. Дверь была заперта на одну задвижку. Та была смазана. Босиком подойдя к двери, Наташа прислушалась, а затем прильнула к глазку. Тишина. Темно. Видимо, глазок прикрыли ладонью. Наполнив воздухом грудь, как перед прыжком в воду, Наташа выдвинула засов из дверной коробки и, нажав ручку, резко открыла дверь.

Стоявшие за порогом едва успели отпрыгнуть. Их было двое. Они решили её схватить. Это было глупо. Такая глупость могла быть объяснена разве что внезапностью вылазки. Ведь они не могли не знать, с кем имеют дело! Сообразив, который из них сильнее, Наташа минут на пять нейтрализовала его ударом под дых. Второго, вцепившегося ей в руки, она скрутила и, уложив ничком, оседлала. Рванула за волосы. Он жалобно застонал, пуская слюну.

– Ни звука, почтенный, – проворковала бывшая чемпионка, нащупав в одном из его карманов ствол, однако решив к нему не притрагиваться, – ни звука! Иначе, клянусь Аллахом, я пушу в дело нож. Внизу сколько человек?

Ножа у Наташи не было. И в угрозе не было смысла, ибо любой оказавшийся у неё в руках мечтал быть зарезанным. Но слюнявый дервиш ответил, что внизу – пятеро: двое возле подъезда, трое – под окнами.

– Молодец, – сказала Наташа дервишу. Раскrojив ему лоб о верхнюю ступень лестницы, она бросилась звонить в дверь соседней квартиры, которая выходила окнами на другую сторону дома. После визгливых увещеваний – да я, мол, ваша соседка, да у меня разболелся зуб, да нету ли анальгина, открыл мужик. Заспанный, в трусах. Сломав ему челюсть, Наташа мышкой шмыгнула на холодок, струившийся из открытой форточки кухни. Её преследовал женский визг, звучащий на одной ноте. Он доносился из дальней комнаты. О, заткнуть бы ей глотку! Но было некогда. Распахнув окно, На-

таша вскочила на подоконник. Ей стало страшно. Что там, внизу? Вдруг голый асфальт? Лучше не смотреть! Всё равно нет выбора. Она прыгнула.

Глава вторая

Матвей с двадцати трёх лет старался придерживаться только одного правила: не иди вперёд, там – могила. Он не любил бодрячков, видящих во всём позитив, этих шаблонно отдрессированных продавцов-консультантов. Бывший торгаш, он не узнавал себя в этих людях. Косясь на руки, похлопывающие его по плечу, с беспокойством думал: «Э, нет! Уж лучше на кладбище!» А потом спохватывался: «Так ведь как раз именно туда они и зовут! Выходит, могила могиле рознь? Это интересно! Над этим стоит поразмышлять». Но не размышлял. Забывал. Эпоха дикого рынка выковала его такими тяжёлыми молотками, каких у нового времени не нашлось. Чем старше он становился, тем с большим пылом взлелеивал отзвук юности, чтоб не дать ему улетучиться. Это было для него главным. Никто не мог этого понять. Потому жениться так и не получилось. После того, как власть, заботясь о мелком бизнесе, вырыла для него могилу, Матвей воспользовался последней возможностью остаться верным своему правилу, наплевав на все остальные. Подремонтировав свою «Шкоду», он стал мотаться на ней по улицам, отбирая хлеб у официальных таксистов. Его знакомые не могли понять, как он умудряется зарабатывать в таких пробках, да при такой конкуренции, да ещё и не попа-

даться в лапы налоговой. Он давал короткий ответ: везёт. Да, ему везло. Иногда. Поэтому денег было немного. Но отзвук юности звенел весело и уверенно, заглушая даже вопрос о том, почему одни могилы заманчивы, а другие – нет.

В тот вечер Матвей возвращался из Ярославской области, отвезя соседей на дачу. Денег эта поездка принесла мало, а проблем – уйму. Дважды оштрафовали за скорость, да на обратной дороге застучал шрус. Пришлось свернуть с трассы и час мотаться по деревенькам в поисках автосервиса, из ворот которого пахло бы не одной только водкой, но и закуской. Такой сарай обнаружился, как ни странно, в самой глухой деревне, куда въезжать даже было страшно.

– Сколько ей лет? – спросил автослесарь, двинув по колесу ногой в сапоге.

– Пятнадцать, – сказал Матвей. Достав сигареты, он угостил собеседника. Тот прикурил от своей, нахраписто затянулся.

– А выглядит лет на пять! Чехи молодцы, чего говорить. Шрус есть? Поменяем, дело недолгое. Загоняй её на подъёмник!

– А сколько мне это будет стоить?

– Три косаря. Вчера, кажись, водка подорожала по всей губернии. Не слыхал?

Матвей согласился. Пока двое алкашей, рыча друг на друга матом, яростно раскурочивали подвеску его машины, он у ворот курил, задумчиво глядя в сумеречную высь, где вспы-

хивали одна за другой и дрожали звёзды. Из глубины полей, дальний край которых сливался с серой линией горизонта, тянуло запахом фермы.

Шрус кое-как приладили. Расплатившись, Матвей вернулся на трассу и дал сто сорок, сгоняя с левого ряда всех лихачей. Миновав Мытищи, он сбросил газ – девок вдоль дороги стояло тьма, да все замечательные, на шпильках! Мимо одной Матвей проскочить не смог, в прямом смысле слова ударил по тормозам. Опустил стекло.

– Подвезти?

Роскошная дылда – рыжая, с многообещающим ртом, взглянула на него строго. Стряхнула пепел с «Вирджинии». Ярко-красными ноготками большой длины почесала ногу под краем юбки, из-под которой белели трусики.

– Я такси здесь, что ли, ловлю?

– А я не таксист, – возразил Матвей, – я красивых женщин вожу бесплатно, и исключительно по одному адресу.

Дылда сплюнула и зевнула, да притом так, что три проезжавших автомобиля сбавили скорость. Да, язычок впечатлял сильнее, чем трусики.

– А жена уже не навещается по этому адресу? – закрыв рот, поинтересовалась рыжая.

– Я развёлся. Пылкий мужчина с красивой внешностью – скверный муж. Так сколько мне будет стоить час обоюдного наслаждения?

Указательный палец дылды щелчком отбросил окурочок.

– Три косаря.

Вот тут Матвей и взорвался, что, разумеется, следовало бы сделать ещё вчера, когда ему предложили тащиться чёрт-те куда только за оплату бензина. Он жёстко обхамил рыжую, заявив ей, что она – дура, что на Тверской есть девки покруче и что ей надо стоять около пивного ларька, а не на шоссе.

– Езжай на Тверскую, – вяло пожалала плечами дылда, опять закуривая. Матвей предложил ей пятьсот рублей. Она громко свистнула. Из машины, стоявшей неподалёку, вылезли двое. Поняв, что переговоры зашли в тупик безнадёжно, пылкий мужчина с красивой внешностью поспешил продолжить движение. До контакта с рыжей кикиморой он рассчитывал въехать в город по Ярославке, но дылда так его раззадорила, что был принят следующий план действий: по кольцевой добраться до Ленинградки, а уж по ней – до Тверской. Благодаря пробкам на этот путь ушёл час.

Тверская его разочаровала. На второй скорости он проехал до Моховой, присматриваясь к обочине, на которой сочно белели бёдрами миниюбочные красотки, но ни одной красивее рыжей не обнаружил. Все длинноногие обитательницы Тверской были с ним в приятельских отношениях. Поболтав с двумя, стоявшими возле мэрии, он узнал, что был рейд и пару десятков девушек замели, чтоб выполнить план, причём выбирали самых красивых.

– А только здесь, на Тверской, менты беспредельничали? – с тревогой спросил Матвей.

– Нет, по всему центру, – с ноткой сочувствия обломали его девчонки, – так что езжай домой, если мы тебя не устраиваем.

Конечно, они его не устраивали! Ещё бы! Рыжая тварь стояла перед глазами, ласково повторяя: «Три косаря!» Помчался Матвей домой, решив утереть ей нос при помощи интернета, где, как известно, можно найти любую. Уже сворачивая на Волгоградский проспект, злобно передумал. Да ну его, интернет! Это уже будет совсем какая-то гнусность. Лучше выпить! Вконец расстроенный, проскочил он на красный свет под носом гаишника. Тот, по счастью, был слишком занят. Машины, двигавшиеся наперерез, разразились яростными сигналами.

Пятый год Матвей жил в Жулебино, перебравшись в этот район из более дорогого, когда возникла нужда в деньгах. Домой ему не хотелось, и он решил дать крюк через Выхино, ибо знал, что на Вешняковской также порой стоят проститутки. Близилась полночь, когда он туда свернул. Поскольку то была ночь с субботы на воскресенье, машин на юго-восточной окраине почти не было. Вешняковская, политая водой, блестела под фонарями. Остановившись на светофоре перед больницей, Матвей взглянул на обочину. И – застыл.

Рыжая растаяла. Без следа. Навеки. Куда ей было до босоногой блондинки в джинсах и свитере, что бежала прямо к нему, спрыгнув с тротуара! Да, босиком бежала к нему, по лужам! Бред? Сон? Мираж? Она была роста среднего, но

Матвей, хоть любил высокеньких, ясно понял, что все его тридцать восемь лет прожиты напрасно, ибо он прожил их без неё. Ей было под тридцать. Зеленоглазая, стройная, запыхавшаяся, с растрёпанными и влажными волосами, она была изумительна. Просто чудо! Не понимая и не желая понять, куда он попал, Матвей опустил стекло.

– Можете меня подвезти? – вскричало видение, подбежав и молящим жестом прижав к груди тоненькие ручки.

– Смотри куда и за сколько, – сказал Матвей весьма твёрдым голосом. Уж ему ли было не знать, как важно сохранять твёрдость, когда перед тобой – та, которую ждал всю жизнь! Блондинка взволнованно заморгала.

– Мне всё равно! Меня только что выгнали из дома. Мне нужно купить ботинки. Но у меня нет денег. Вы понимаете?

– Понимаю.

Вспыхнул зелёный свет. Однако, других машин рядом не было, и Матвей решил продолжать избранную тактику. Он достал сигареты и предложил изгнаннице закурить. Она закурила, после чего решительно распахнула заднюю дверь и, бросив два взгляда по сторонам, шмыгнула в машину.

– Едем! Пожалуйста! Я замёрзла! Я простужусь!

– Как тебя зовут-то? – спросил Матвей, разгоняя «Шкоду».

– Наталья.

Он удивился, поскольку именно это имя и ожидал услышать. Как странно! Белые волосы... Почему вдруг? Они как

будто просили рыжего цвета.

Выдохнув дым, она оглянулась через плечо. Матвей за ней наблюдал. Пустота дороги давала ему возможность почти не отрывать глаз от зеркала. Он заметил на её пальцах, сжимавших фильтр, засохшую кровь. Это не смутило его. Назвав своё имя, он сообщил, что живёт один, поэтому будет рад разделить с ней ужин. Эта идея ей пришлась по душе. Она улыбнулась.

– Я также рада! Отлично!

– Я где-то видел тебя, – продолжал Матвей, въезжая на Вешняковский круг, – где мы могли встретиться?

– Мы нигде с тобой не встречались.

Но ощущение тайны, струившееся, казалось, из ярких звёзд, обильно рассыпанных над Москвой, осталось. Свернув на улицу Молдагуловой, чтоб с неё вырлиться на МКАД, Матвей собирался продолжить свои расспросы, но... Тут случилось невероятное. Всё опять пошло кувырком. Нога самопроизвольно нажала на педаль тормоза. От подъезда восьмизэтажного дома, важно откинув голову, шла к проезжей части брюнетка с сумкой через плечо. Она была изумительна! Просто чудо.

Глава третья

Эту изумительную брюнетку звали Рита Дроздова. Вот уж полгода она снимала комнату в Вешняках, работая кем придётся – то дистрибьютером, то клубной официанткой, то продавщицей в салоне мобильной связи. Её единственным развлечением стали с недавних пор поездки в деревню. Там у неё был собственный дом с несколькими яблонями и сливами, о котором она лет двадцать не вспоминала. В тот звёздный вечер она решила туда смотаться. Быстренько собралась, как следует отругала свою младшую соседку, Женьку, за подростковый алкоголизм, выпила с ней водки, и, заказав такси, подалась на улицу. Такси она, следуя своей давнишней привычке, вызвала не к подъезду, а к остановке напротив дома. Шагая по двору, закурила.

Чёрная «Шкода», принять которую за такси можно было только после беседы с Женечкой, приближалась. Её водитель вдруг почему-то повёл себя весьма странно: резко затормозив, вышел из машины и так на Риту уставился, что она себя оглядела – уж не забыла ли надеть юбку? Нет, не забыла. Кофта, колготки, туфельки также были на месте. Но молодой человек продолжал таращиться. Если бы не его наружность, Рита немедленно попросила бы ей прислать другого водителя. Да, он был, чёрт возьми, хорош – милая мордаш-

ка, стильная стрижечка, пиджачок. Рита улыбнулась. Он покраснел.

– Такси? – спросила она, бросая окурок. Матвей кивнул.

– Да, да, да, такси! Отвезу недорого. Вам куда?

– Что значит – куда? – подняла бровь Рита, – я ведь сказала девушке, которая принимала заказ: Калужская область, сто тридцать пять километров от кольцевой. Мне назвали цену – три с половиной тысячи. А теперь вы спрашиваете, куда! Я не понимаю.

Она скользнула взглядом по «Шкоде», и – сквозь стекло встретила глазами с блондинкой, которая наполняла машину табачным дымом. Эта блондинка также была милашкой. Поняв, что произошло недоразумение, Рита молча направилась к остановке, чтоб сидя ждать своего такси. Матвей побежал за нею.

– Стойте! Пожалуйста, подождите! Вы говорите, сто тридцать пять километров от кольцевой? Я вас отвезу за две с половиной тысячи! Там, на заднем сиденье – моя жена. Мы с ней просто так катаемся. Отвезём. Садитесь!

– Две с половиной? – переспросила Рита. Она взглянула опять на «Шкоду», потом – опять на Матвея, – твоя жена?

Ей стало смешно. Ещё почему-то стало немного жаль расставаться и с этим странным мужчиной, и с этой женщиной, и с загадкой их отношений. Мелкое любопытство Рите не было чуждо. Что до Матвея, то им владело гораздо более сильное ощущение. Ведь глазами этой брюнетки, одна походка

которой заставила его сердце биться быстрее, смотрела ночь с привкусом тоскующего безумия!

– Не жена! – вскричал он, – подруга! Какая разница? Отвезём! Давайте отбой.

– Ах, это твоя подруга? – не унималась Рита, – какая прелесть! Она, судя по всему, не очень ревнива.

Матвей велел себе улыбнуться.

– Я потому так на тебя пялился, что ты очень похожа на Уму Турман. Когда мне было семнадцать лет, я в неё влюбился. Её портрет до сих пор висит над моим диваном.

– Тогда вези уж меня за две, – улыбнулась Рита, – не жадничай, дорогой! Первая любовь живёт в сердце вечно, горя в глазах зарёй юности. Неужели ты ей не скинешь пятьсот рублей?

– Да побойся Бога, целый косарь уйдёт на бензин! – взмолился Матвей, – ты ведь говоришь, Калужская область?

– Да, но по Симферопольке, с поворотом на Серпухов. А за ним – ещё сорок вёрст.

– А, по Симферопольскому? Так это ведь красота, шоссе скоростное! Ночью за полтора часа долетим. Две – так две. Согласен.

– Ну, и отлично.

Достав мобильник, Рита строго прибавила:

– Я на всякий случай скину знакомым номер твоей машины. Не возражаешь?

– Можешь и фотографию мою скинуть, – пожал плечами

Матвей. Рита не замедлила его сфоткать, но отправлять ни снимок, ни СМС не стала. Связавшись с Яндекс-такси, она сообщила, что у неё изменились планы, так что машина ей не нужна. Пришлось это втолковать и лично таксисту, который тут как раз прибыл. Чернявенький азиат взглянул на Матвея волком и обнаружил некоторое знание русского языка – к счастью, небольшое. Выполнив разворот, он резво вернулся на Вешняковскую. А Матвей, расположив Риту, согласно её желанию, рядом с первой своей попутчицей, устремился к южному горизонту, над коим звёзды сияли как-то особенно. До того он был окрылён сказочностью ночи, что позабыл извиниться перед зеленоглазой за то, что ужин откладывался. Той, впрочем, было вовсе без разницы, куда ехать – хоть к чёрту на именины, лишь бы подальше да побыстрее.

Транспортный поток на МКАДе ещё не полностью рассосался. Скорость левого ряда была под сто. Пристроившись за «Тойотой», Матвей включил печальную музыку, чтоб создать какой-то противовес эмоциональному всплеску и попытаться осмыслить происходящее. У него был свой индивидуальный взгляд на жизнь и на смерть – не слишком религиозный и, вместе с тем, не вполне материалистический. Смерть, которая воссоединяет с бездной непостижимого, лучше жизни с её слепыми метаниями. Однако, могила могиле рознь. Какая из двух этих безусловно чёртовых баб, притихших сейчас за его спиной, выроет удачную? Это был, конечно, вопрос.

От дыма, который полз с заднего сиденья, уже слезились глаза. Уменьшив звук магнитолы, чтобы попросить девушек опустить хотя бы одно стекло, Матвей обнаружил, что они вовсе даже и не притихли. Какое там! Быстро повернувшись на бульканье и хихиканье, он увидел, что Рита держит в руке бутылку, уже далеко не полную, а Наташа – пару стаканчиков. Обе сыпали пепел куда попало. Обе казались очень довольными.

– Вы что, пьёте там? – вознегодовал Матвей, опять устремляя взгляд на дорогу.

– Ром, – отозвалась Рита, не уловив запятую в его вопросе. Из её рта пахнуло чёрным «Баккарди». Наташа с привизгом захихикала. Они выпили и запили фантой из баночки.

Поворот на трассу Матвей чуть не прозевал, поэтому начал перестроение очень резко. Ему сигналили. Вырвавшись на прямую, чёрную линию Симферопольского шоссе, он продолжил путь с поднятыми стёклами. Ему очень хотелось слышать, о чём толкуют две его спутницы. Всё равно не услышал, так как мотор на высокой скорости шумел громко, а пассажирки беседовали вполголоса. Иногда звенели бутылкой о край стакана. Где-то уж за Подольском вдруг попросили остановить около кустов. Спрятавшись за ними, они продолжили болтовню, смеясь уже во всю глотку. Подозревая, что они ржут именно над ним, Матвей решил воспарить над разочаровавшей его реальностью и включил радио «Классик». По нему звучал скрипичный концерт Вивальди.

– Учёные доказали, что регулярное прослушивание Моцарта продлевает жизнь, – изрекла Наташа, когда развесёлый путь был возобновлён, – хотите жить вечно – слушайте Моцарта.

– Дорогая, как это соотносится с тем, что сам Моцарт прожил тридцать четыре года? – спросила Рита, – он сам себя мало слушал, что ли?

– Дура ты, дура! Он вообще никого не слушал. Он был глухой.

– Сама ты овца! Глухим был Бетховен.

Они чуть не подрались. Поняв, что к их разговору дальше прислушиваться не нужно, Матвей опять занялся своими мыслями. Уносились вдаль забегаловки, магазины, бензоколонки, посты ГАИ. Над полями, которые пересекала трасса, мерцали отсветы городов. Минут через сорок пять свернули на Серпухов. Рита чётко указывала Матвею путь. После въезда в город Наташа выбросила бутылку и объявила, что голодна. Пришлось заскочить в Макдональдс. Наевшись там до отвала за счёт Матвея, чёртовы бабы сбегали в магазин и взяли вина. Они его пили уже в машине. За Серпуховом дорога также тянулась среди бескрайних полей. Потом она углубилась в лесной массив. Мелькали какие-то городишки. Путь продолжался уж два часа. За рекой Протвой, которую переехали по мосту в посёлке Кремёнки, темнела глушь. Мрачно потянулись деревни с редкими фонарями. Машина, прыгая по ухабам старой бетонки, звенела так, что сердце

Матвея прямо-таки обливалось кровью.

– Долго ещё? – поинтересовался он, минуя очередное селение.

– Километров пять, – ответила Рита.

Большую часть этих километров двигались вдоль реки с туманными берегами. Между рекой и дорогой тянулся луг. Потом повернули на гору. На горе стояло село. Именно село – луна высветила церковь. Сотня домов, как бы озарённая с высоты тремя куполами, казалась призрачной, потому что вокруг – над краем садов, над околицей, над оврагами, над громадным простором сжатых полей, клубился туман. Пронизанный звёздами, он был страшен, хоть и прозрачен.

Когда достигли первых домов, Рита очень строго предупредила:

– Наталья! Мы тебя высадим, и ты в доме нас подождёшь. Мы съездим на кладбище. У меня там важное дело.

Матвей открыл было рот, однако Наташа опередила его.

– А какого хрена я не могу поехать с вами на кладбище? – возмутилась она так сильно, что можно было подумать – её не брали на шоколадную фабрику.

– Потому, что там, на кладбище, рома нет, – объяснила Рита, – а в доме будет его целая бутылка. Вот она, вот!

И потрясла сумкой. В ней что-то звякнуло. Босоногая скандалистка была вполне удовлетворена ответом. Когда проехали домов десять, Рита велела Матвею остановиться. Взяв сумку, вместе с Наташей вышла. Матвей следил, как

они, отперев калитку, идут через палисадник, засаженный ежевикой, к низенькому крылечку, как, сняв с двери амбарный замок, входят в дом – бревенчатый, покосившийся, с крутой крышей. Труба над нею была обложена кирпичом. В окнах вспыхнул свет. Задвигались тени.

Было так тихо, что Матвей слышал писк комара за стеклом машины. Дома с обеих сторон дороги стояли очень добротные, обновлённые или новые. Все, кроме одного-единственного. Того, в который вошли Наташа и Рита. Последняя вскоре вновь присоединилась к Матвею. В её руке вместо сумки были три пачки «Кента».

– Едем вперёд! Оно – за деревней.

Матвей послушно завёл машину и тронулся.

– У тебя родня там какая-то похоронена, что ли? – полюбопытствовал он спустя несколько минут, когда проезжали церковь. Древняя, высоченная, устрашающая, стояла она на самой высокой точке горы, откуда уж было рукой подать до околицы. Вокруг церкви были густые заросли, сквозь которые от дороги тянулась к дверям тропинка. О лобовое стекло отчаянно хлопался мотылёк. Аккуратно взяв его и спровадив, Рита ответила:

– Друзья детства. Витька, Алёшка, Танька.

– Местные?

– Да.

– Ты тоже отсюда?

– Нет, я – москвичка. Просто я в детстве здесь проводила

каждое лето со своим дедом. С Иваном Яковлевичем.

– А сколько им было, твоим друзьям?

– Алёшка и Витька – мои ровесники. Танька – старше тремя годами. Она умерла от рака, а те спились. В последнее время они мне начали сниться каждую ночь. Всё ноют и ноют – совсем ты нас, говорят, забыла! Пожалуйста, говорят, привези нам «Кент»! Они «Кент» любили. Я его привозила им из Москвы. А Танька за ним на велосипеде ездила в Протвино.

Рита говорила очень спокойно. Спокоен был и Матвей. Ещё бы – спиртом от этой девки разило так, что слёзы из глаз текли! Смущали его лишь три пачки «Кента». Где она их купила? Если в Москве, то дело серьёзное. Даже очень. А если в Серпухове, поддатая – ничего. Проспится, и будет всё замечательно.

А деревня уже была позади. Открылись просторы, пересекаемые бетонкой. На горизонте виднелся лес. До кладбища от околицы было около километра. Оно раскинулось прямо возле дороги, среди берёз. Было ощущение, что деревья растут прямо из тумана. Кованые кресты и ограды под изумительным светом неба казались отлитыми из льда.

Съехав на траву, Матвей заглушил мотор и выключил фары. Звёзды, мерцающий блеск которых вдруг перестал отталкиваться подсветкой приборов, как бы придвинулись и коснулись его своими лучами.

– Иди, – сказал он, – я жду.

– Ты должен пойти со мной, – заявила Рита, повернув голову и уставившись на него. От этого ему стало сильно не по себе, ибо её взгляд был очень внимательным.

– А зачем?

Она улыбнулась.

– Наполеону таких вопросов не задают. Ему либо верят, либо не верят. Либо иди, либо не иди. Но только не спрашивай ни о чём.

– Но ведь со мной, кажется, говорит не Наполеон, – заметил Матвей.

– Это тебе только кажется, мальчик.

Он с ней пошёл, заперев машину. Никак нельзя было не пойти. Ночные сверчки из зарослей клевера провожали его надрывно. Тихо ступая, он огляделся по сторонам. С горы открывался сказочный вид на многие километры вниз: речная долина, устланная туманом, за ней – огни деревень. Ещё дальше – хвойный лесной массив. Над ним багрянело зарево городов, которые он, Матвей, миновал сегодня, мчась по шоссе. Он так засмотрелся, что налетел на ограду.

– Тише, – злобно взглянула на него Рита, – иди за мной!

И они направились к центру кладбища. Жутковато было Матвею. Шелест берёз казался ему осмысленным, но не членораздельным, как крик немого. Пройдя за Ритой среди крестов и оград две сотни шагов, он решился с нею заговорить, дабы показать ей твёрдость своего голоса, но она внезапно остановилась.

– Вот она.

– Кто? – выдохнул Матвей, по спине которого прошёл холод.

– Могила Таньки.

Матвей взглянул на надгробие за оградой. Сталь и гранит холодно блестели под красноватой луной. Но он не успел ничего увидеть. Страшная тишина раскололась, как непроглядное небо, через которое прошла молния. Это взвыла автосигнализация.

Рита, кажется, собиралась что-то сказать ещё про могилу. Но вместо этого она что-то тихо спросила – видимо, как могло такое случиться? Матвей её не услышал. Он повернулся и побежал обратно, к дороге, не думая ни о чём, кроме одного: машина орёт!

Да, она орала – страшно, по-волчьи, мигая фарами так, что кладбище вспыхивало. Поблизости не было никого. Да откуда ж было взяться кому-то возле погоста, в туманных ночных полях? Подбежав к машине, Матвей достал из кармана пульт и нажал на кнопку. Сигнализация смолкла, фары мигать перестали. Но произошло то, чего раньше не было никогда – центральный замок не щёлкнул. «Шкода» осталась запертой.

Леденя, стоял Матвей и нажимал кнопочку. Он не мог ничего понять. Миллиард сверчков вокруг истерил. Кладбищенские берёзы вторили им, когда ветерок делался сильнее даже чуть-чуть. Замок не срабатывал. Прежде чем Матвей

вспомнил, что «Шкоду» можно открыть обычным ключом, прошло минут пять. Он уже садился за руль, когда возвратилась Рита – очень спокойная, очень бледная.

– Можем ехать, – произнесла она, усевшись рядом с Матвеем и хлопнув дверью.

– Если она ещё заведётся, – пробормотал Матвей, дрожащей рукой всовывая ключ в замок зажигания. Крутанул. Она завелась. Трава была мокрая от росы, и колёса дали свистящую пробуксовку. Добавив газу, Матвей заставил машину преодолеть подъём и сразу включил вторую, а затем третью скорость, не обращая внимания на колдобины. Огоньки деревьев впереди прыгали и плясали, будто их кто-то дёргал за ниточки.

– Что там было? – спросил Матвей, когда миновали церковь.

– Все они приходили, – сказала Рита.

– Ты сигареты им отдала?

– Отдала, конечно.

Глава четвёртая

Оставшись в доме одна, Наташа решила на всякий случай его обследовать – не из страха, что в нём могли оказаться дервиши, а из чистого любопытства. Жилая часть включала в себя две комнаты с довоенной мебелью, некоторые предметы которой – например, стол и буфет, могли бы всерьёз заинтересовать любителя старины. Имелись и прочие деревенские прелести, как то: половички, оконные занавесочки с кружевами, вагонка вместо обоев, иконостас, взбитые подушечки на диване и двух железных кроватях, ходики с гирями. Эти самые ходики всюду тикали. На них было без двадцати пяти три.

Каждый шаг Наташи сопровождался старческой жалобой половиц. В более просторной комнате была печь – огромная, русская. Любопытно, можно ли на ней спать? Оказалось, можно. Место для этого было справа. Там даже лежал тюфяк, пахнувший мышами. Комнаты были разделены сумраком сеней. Он таил в себе пару кованых сундуков, обшарпанный холодильник, лестницу на чердак, какие-то грабли, вилы, лопаты, косы, печной ухват. На гвоздях, не полностью вбитых в стену, лежали удочки. А что там, в том дальнем конце, поблёскивает? Засов? О, задняя дверь! Это интересно.

Открыв ту дверь, имевшую внизу лаз для кошки, Наташа спустилась по трём высоким ступенькам в узенький коридорчик и очутилась между тремя другими дверями. Само собой, она их нащупала, потому что мрак стоял абсолютный. Сперва был снят крючок с той, которой узенький коридор оканчивался. Тяжёлая дверь, заскрипев, открылась сама, что некоторым дверям свойственно. Опять засияли звёзды. Они роняли свой свет на сад, заросший крапивою и бурьяном. Пахло яблоками и сливами.

– Замечательно, – прошептала Наташа, – яблоки я люблю, а также и сливы! Взглянем теперь, что за правой дверью.

За правой дверью была какая-то комната. Включив свет, Наташа увидела, что она – совсем небольшая, обклеенная обоями. В дальнем углу были дверцы подпола. Также в комнате находились письменный стол, диванчик, два стула, вместительный самодельный шкаф и комод с громадными ящиками. Назвать всё это старинным было никак нельзя, даже и с натяжкой. Всё это было банально старым. Покинув комнату и открыв противоположную дверь, Наташа едва осталась жива от ужаса. На неё кто-то бросился.

Этот кто-то, судя по его натиску, был опасен. Шарахнувшись от него, она нанесла удары – сперва рукой, а затем ногой. Удары попали во что-то мягкое и должны были сразу же уничтожить его на месте – ведь у Наташи, претендовавшей на олимпийское золото по дзюдо, был и чёрный пояс по каратэ. Но они отнюдь не парализовали врага. Более того –

оно, это мягкое, даже их не почувствовало. Захрюкав, оно толкнуло Наташу так, что та чуть не проломилла спиной дверь комнаты, затем ткнуло – но уже с нежностью, в требующее нежности место между ногами.

– О, дервиш! – вырвался вопль из груди Наташи, – клянись аллахом, ты пьян!

Дервиш не был пьян. Он был поросёнком. Сообразив, что к чему, а самое главное – убедившись, что поросёнок ведёт себя дружелюбно – в меру своих представлений о дружелюбии, бронзовая призёрка Олимпиады утёрла слёзы. О, эти слёзы беспомощности, позора и унижения! Их когда-то видел весь мир. Целый миллиард дураков взахлёб упивался её, Наташкиной, болью – после того, как она не только позволила припечатать себя к татами и заломить себе руку, но и додумалась разреветься. Теперь свидетелем её слабости стал один поросёнок, который явно не был склонен к злорадству. Больше того, он хотел дружить – обнюхивал, хрюкал, тыкался пяточком в колени. Но было так же обидно. Громко по-слав будущее сало ко всем чертям, Наташа вернулась в комнату с русской печью и, сев за стол, откупорила бутылку рома. Пила она из железной кружки, достав её из буфета.

Какая-то очень странная тишина стояла и за окном, к которому присосался белый свет фонаря, и в доме. Она, эта тишина, казалась Наташе странной ввиду наличия поросёнка. На её взгляд, он должен был топать, хрюкать, что-то ещё вытворять подобное этому. Если он ушёл в сад жрать яблоки,

почему не доносится хруст и чавканье? Свиньи, вроде, жрут очень громко. Да уж, загадка! Вторая порция рома мало-помалу вернула Наташе бодрость. Выкурив сигарету, она решила слазить и на чердак. Что, если и там обитает какое-нибудь чудовище? Уж ему-то она покажет, на что способна!

Тут за окном послышался шум мотора. К дому подъехал чёрный автомобиль. Это была «Шкода».

– Там поросёнок, – зловещим голосом сообщила Наташа, когда Матвей и Рита вошли. Голос прозвучал настолько зловеще, что они поняли: рому выпито много.

– А! Это Сфинкс, – объяснила Рита, – он что, тебя напугал? Ты выпустила его?

– Как его зовут? – вскричала Наташа.

– Сфинкс.

– Поросёнка? Сфинкс? – также удивился Матвей, садясь на диван, – а почему Сфинкс?

Рита сняла туфли. Поставив их возле печки, прошлась по комнате.

– Потому, что раньше в соседнем доме жил поросёнок, которого звали Сфинкс. Он был моим другом.

– А почему того звали Сфинкс? – пристала Наташа, взяв со стола большое жёлтое яблоко и лениво его куснув.

– Потому, что я дала ему это имя.

– А почему ты дала ему это имя?

– Как – почему? Поросёнок – свин. Почти Сфинкс.

– Банально!

– А кто сказал, что я претендую на искромётность?

Сев на диван, Рита закурила. Потом стянула колготки. Ноги у неё были белые, как лицо Наташи во время встречи со Сфинксом около лестницы. Отследив, какими глазами смотрит на них Матвей, спортсменка злорадно задрала нос.

– Ого! Я вижу, на кладбище секса не было?

– Судя по торжеству в твоём голосе, здесь он был, – заметила Рита, – надеюсь, ты хотя бы предохранялась? Я с диким ужасом представляю помесь свиньи и курицы.

– Сама курица, – улыбнулась Наташа, – скажи, зачем тебе Сфинкс? Ну зачем, зачем? Ты что, любишь сало?

– Я люблю смерть.

Матвей и Наташа переглянулись.

– Ты будешь резать его сама? – спросила последняя.

– Нет. Более того – никто его не зарежет. Он будет жить, пока я жива.

– Так при чём здесь смерть?

– То есть как, при чём? Сфинкс – хранитель смерти. Он бережёт покой её самых щедрых и пламенных почитателей – фараонов.

– Но ты ведь не фараон, ты Наполеон, – напомнил Матвей, – зачем тебе Сфинкс в виде поросёнка?

– Ты плохо знаешь историю. Я Египет завоевала.

– И что с того?

– Вот ты странный! Давай я тебя спрошу, зачем тебе руль от «Шкоды», которую ты купил?

– Да это ты странная, если даже не знаешь, что тот, кем ты назвалась, потерял Египет вместе со Сфинксом! Он всё, вообще, потерял. И умер на острове.

– Это крайне невежливо – говорить о присутствующих в третьем лице, – разозлилась Рита, вытянув ноги, – тебе бы так находить, как теряю я! Тебе бы рождаться так, как я умираю. А утверждать, что я потеряла Сфинкса – это уж вовсе нелепо, поскольку я могу его предъявить.

– А кто кормит Сфинкса в твоё отсутствие? – пресекла нелепый конфликт Наташа, – мне почему-то кажется, что он просит жрать ежедневно, даром что каменный.

– Тётя Маша, соседка. Впрочем, отныне кормить его будешь ты.

Наташа от удивления чуть не выронила бутылку, взятую просто так, для ознакомления с этикеткой.

– Я?

– Ну, конечно. Разве тебе не хочется здесь пожить месяцок-другой? Продуктами я тебя обеспечу.

Где-то вддали – должно быть, на самом краю деревни, пропел петух. Ходики пробили четверть четвёртого. До зари оставалось более двух часов. Матвей, взяв бутылку из рук задумавшейся Наташи, также воззрился на этикетку.

– Матвей, не пей, – попросила Рита, пуская дым, – мы с тобой поедем сегодня, повезём яблоки на продажу. Кстати, какая у твоей «Шкоды» кукурузоподъёмность?

– О, наконец-то кто-то со мной согласился! – возликовала

Наташа, приняв, судя по всему, некое решение, – я всегда утверждала, что кукуруза – это сорт яблок, полученный путём скрещивания кукушки с арбузом!

Матвей сказал, отвечая на вопрос Риты, что грузоподъёмность «Шкоды» – полтонны, но он поедет немедленно и без яблок. С этими словами он встал, возвратив Наташе бутылку.

– Жаль, – произнесла Рита, – а я рассчитывала, что ты меня перед сном проводишь кое-куда.

– Куда? На другое кладбище?

– Именно. И оно понравится тебе больше первого, я уверена. Там могилы совсем другие.

Заметив, как изменилось лицо Матвея, Наташа прыснула.

– Она шутит! Дура она. Ты должен её проводить туда, где шляется сейчас Сфинкс.

– Он наверняка как раз там и шляется, – возразила Рита.

– Где – там? На кладбище, что ли?

Бросив окурок в печь, Рита поднялась.

– Пойду прогуляюсь в сад. Кто со мной?

Желающих не нашлось. Наташа хихикала, наполняя кружку. Матвей стоял, опустив глаза.

Через чёрный ход, обследованный Наташей, Рита спустилась в сад. Уже ощущалась близость рассвета. Было свежо. Роса на траве лежала обильная, будто дождь прошёл. Сфинкс сидел под яблоней и с печалью о чём-то думал. Увидев Риту, он хрюкнул, да этим и ограничился. Ничего ему не сказав,

Рита прогулялась к забору, стараясь не задевать голыми ногами крапиву. Яблоко валялось на земле тьма. Корыто с водой, стоявшее у смородиновых кустов, казалось бездонным. Справа задумчиво шелестели ветками три высокие сливы. Ягоды с них почти уже все попадали.

До вторых петухов простояла Рита возле забора, глядя на Млечный путь, поблёкший перед зарёй. Курила. Ей было очень тоскливо и, вместе с тем, очень радостно. Она словно прощалась с кем-то навеки, осознавая, что так оно будет лучше. Прямо над садом вспыхивали зарницы. Подбежал Сфинкс. Погладив его, Рита вместе с ним отправилась спать. Он свернул к себе. Она поднялась в верхнюю часть дома и, зайдя в комнату, никого там не обнаружила. Между тем, машина под фонарём стояла.

Глаза у Риты слипались, и она стала стелить постель. Тут они вернулись. Скрип половиц в сенях дал понять, откуда. Из нижней комнаты. Да, диванчик там, в отличие от кровати в избе и горнице, не скрипел.

– Риточка, про второе кладбище расскажи, – потребовала Наташа, садясь за стол. Матвей сел напротив. Он выглядел утомлённым.

– Я ложусь спать, – ответила Рита и, сняв с себя всю оставшуюся одежду, кроме белья, скользнула под одеяло, – я уже сплю.

– А я не смогу уснуть, пока не узнаю всё, – стукнула Наташа кулаком по столу, – ведь Матвей мне всё рассказал про

первое кладбище! Это было ужас как интересно. И очень страшно. Давай, рассказывай про второе! Где оно, где?

Рита поняла: она не отвяжется.

– Далеко в лесу, за рекой. Но ты ничего не знаешь про первое. Ведь Матвей ничего не видел.

– Он ничего не должен был видеть, поэтому и не видел. Я не хочу вникать в тайну, которая охраняется. Про второе давай рассказывай!

– А откуда ты знаешь, что эта тайна не охраняется?

– Я не знаю. Но если вдруг она охраняется, нам об этом как-нибудь намекнут.

– Ну, ладно. Матвей, и ты будешь слушать?

Матвей кивнул. Ещё бы он отказался! Закрыв глаза, Рита начала:

– Двадцать лет назад...

Глава пятая

Ранним утром Рита, которой было пятнадцать лет, сидела возле реки и удила рыбу. Солнце едва взошло над лугами. Заводь перед стремительным перекатом была недвижна, как пруд. Над нею печально склонились ивы. Слева, на мелководье, шумел камыш. Противоположный берег был очень крут. Около обрыва течение шло назад, потом возвращалось. Там уходил на страшную глубину Русалочий омут. По реке плыл прозрачный туман. Удочка лежала на деревянной рогатке, воткнутой в дно у берега. К ней же был привязан садок, в котором томились два окунька. Пузатенький поплавок, белевший среди кувшинок, минут пятнадцать бездельничал. У реки паслось колхозное стадо.

– Линя приваживать надо, – вразумлял Риту пастух по имени Трофим Фёдорович, сидевший на бугорке позади неё, – неужто твой дед Иван тебе это не втолковывал? Он ведь шибко грамотный в этом деле! А плюс к тому, линей здесь уже много лет никто не ловил. А ты, вишь, нацелилась! Да и не вытянешь ты линия, даже если клюнет. Скорее, он в реку тебя утащит. А на что ловишь?

– На выползка, – отвечала Рита, мысленно посылая дядю Трофима на все три буквы, чтоб с ней мог побыть Алёшка, его помощник, который щёлкал кнотом далеко за ивами. Но

болтливый старик опять к ней пристал:

– Да, линия здесь в последний раз поймали лет этак шесть назад! Или даже семь. А знаешь, как было дело?

– Не знаю. Как?

Сделав самокрутку, дядя Трофим чиркнул над ней спичкой. Окутавшись сизым дымом, глубокомысленно поскрёб ногтем щетинистый подбородок.

– Это произошло за Дальним песочком. Там тоже есть кувшинистые места, которые любит линь. Три дачника пили водку на берегу. Удочка стояла. Вот линь и клюнул. Стали его тащить. А он не идёт, упёрся! Один из тех дурачков взял да и полез в реку его вытаскивать. Да и начал тонуть – в ил стало его засасывать. Второй лезет его спасать, и – тоже кричит: спасите, мол, утопаю! Третий разделся, да всех их вытащил – и линия, и своих дружков.

– Обалдеть! А линь был большой?

– Да, здоровый был. Больше четырёх килограммов.

Рите стало обидно. Она не в первый раз слышала о том, что проклятый линь идёт на крючок то к каким-то пьяницам, то к мальчишкам, которые и слышать о нём не слышали, то к глупым бабам – словом, к кому угодно, только не к тем, кто страстно мечтает его поймать и изо всех сил старается это сделать.

– А тебе линь когда-нибудь попадался, дядя Трофим? – спросила она.

– Да я, честно говоря, не рыбак, – признался старик, – я

больше любитель поговорить о рыбалке, других послушать, а ловить – нет. Рыбу почему-то жалко становится.

Докурив самокрутку, пастух подался к своим коровам. Он начал громко ругать Алёшку за то, что тот подпустил их близко к болоту возле дороги:

– Если увязнет – ты её, что ли, будешь за хвост вытягивать? Отгоняй!

Становилось жарко. Поскольку клёв ушёл безвозвратно, Рита решила идти домой, чтобы не тащиться в гору под невозможным полуденным солнцепёком. Выпустив окуньков, которые ошалели от счастья так, что даже забыли сказать спасибо, она проворно смотала удочку и пошла. К дороге ей пришлось пробираться среди коров. Они её знали и потому не очень боялись, хотя она стегала их удочкой. Быки вовсе не обращали внимания на неё. Алёшку она увидела издали, уже выйдя из стада. Сидя на кочке, он выливал из ботинок грязь. Рита помахала ему рукой. Он к ней подбежал, держа в одной руке кнут, а в другой – ботинки.

– Ритка, привет! Поймала линия?

– Ага, десять штук! Ты зачем коров в болото загнал, дурак?

– Да сами полезли!

– А ты, дубина, куда смотрел?

– На тебя. На бугор залез, гляжу – ты у заводи! Загляделся.

А они, сволочи, как попрут к этому болоту! Любят, тварюги, гнилую воду лакать.

Рита засмеялась. Алёшка нравился ей – белобрысый, худенький, суетливый, всегда какой-то оборванный. Его дури хватило бы на троих. Достав из кармана «Кент», она закурила и угостила приятеля. Тот, спеша воспользоваться её сигаретной щедростью, отшвырнул и кнут, и ботинки, да вытер руки о джинсы. Прикуривая, спросил:

– А на что ловила?

– На выползка. Ой, домой их тащу! Вот дура.

Достав из сумки банку с червями, Рита их вытряхнула в траву.

– Мы сегодня ночью около церкви будем бухать, – сообщил Алёшка, – придёшь?

– А что отмечаете?

– Отмечаем покупку водки.

– Ого! Это что-то новое. Самогонные аппараты по всей деревне сломались, что ли?

– Работают. Просто Танька привезла какой-то дорогой водки из Протвино. Ведь у неё днюха была неделю назад, когда она к тётке ездила, в Керчь.

– А я и не знала! Сколько ж ей стукнуло?

– Восемнадцать.

Дядя Трофим около реки вдруг хлопнул кнутом. Около дороги залаял и заметался Полкан – более толковый его помощник. Коровы медленно побрели куда-то мимо бугра.

– Мы сейчас погоним их к броду, – сказал Алёшка, быстро надев ботинки и схватив кнут, – всё, давай, до вечера!

Рита двинулась дальше. С уловом она домой возвращалась обычно через деревню, а без улова – оврагом, мимо колхозной бани. Поскольку улов отсутствовал, ей пришлось делать крюк, хотя из-за начинающейся жары идти было тяжело. На склоне оврага её соседи – отец и два сына Тюлькины, ворошили сено. На их вопрос, идёт ли она с рыбалки, Рита ответила отрицательно. После этого ей пришлось опровергнуть их утверждение, что в её руке – удочка, а не грабли. Они немного обиделись. Ей на это было плевать. Чуть поближе к бане две молодые женщины полоскали в ручье бельё. С ними состоялся аналогичный диспут. Словом, домой Рита заявила в немного взвинченном состоянии.

Её дед, Иван Яковлевич, мгновенно это заметил. Он всё всегда замечал, чем бы ни был занят. В то утро он регулировал клапана своей старой «Волги», надев холщовую кепку с узеньким козырьком, чтоб жгучее солнце не пекло лысину. Очевидно, он приступил к ремонту машины совсем недавно, так как успел подправить перекосившиеся ворота. Эта работа была им начата на заре.

– Дед, помочь? – заставила его вздрогнуть Рита, идя к крыльцу. Её тон делал невозможным любой ответ, кроме отрицательного.

– Не нужно, – сказал отставной полковник, пристально посмотрев на внучку поверх очков, – лучше погляди, не горит ли каша. А заодно самовар включи.

И опять склонился к мотору.

– Спасибо, что не спросил, с рыбалки ли я пришла, – прокричала Рита уже с терраски, гася под кастрюлькой газ. Включив электрический самовар, прибавила, – вся деревня ко мне сейчас обратилась с этим вопросом, хоть я задами шла! Представляешь?

– Рита, твой городской снобизм не красит тебя, – заметил старик, – людей надо уважать, даже если они задают тебе странные, на твой взгляд, вопросы. Разве они тебя оскорбляли?

– За что людей надо уважать? – возмутилась Рита, – только за то, что они родились без хвостов и шерсти? Или за то, что им приходится постоянно работать, поэтому думать некогда?

– Да, в том числе и за это. Уж лучше не думать вовсе, ни при каких обстоятельствах, чем додуматься до того, что ты сейчас изрекла.

Рита огорчилась. Меньше всего на свете она хотела обидеть деда. Это был человек, который ни разу в жизни не сделал зла никому, исключая тех, с кем бился на фронте. И вот – обиделся! И понятно было, на что. Родившись в деревне, он деревенским так и остался, хоть получил два высших образования и полвека прожил в Москве, где преподавал в Академии Жуковского. Впрочем, он никогда на внучку подолгу не обижался. Она была на него похожа – мечтательные глаза, глубокая рассудительность, нос с горбинкой. Лет до шести росла Рита с мыслью, что её дед может всё. Её разочарование

было страшным, когда вдруг выяснилось, что он не умеет играть на скрипке. Чуть повзрослев, она могла целыми вечерами его расспрашивать о тяжёлой юности, о войне, о послевоенных годах и о разных людях. Очень любила слушать, как дед вполголоса напевает, что-нибудь мастера или наблюдая за поплавком. Песни «Заводь спит», «Варяг», «Путь сибирский дальний» запали в сердце ей на всю жизнь.

– Дед, а тебе лини когда-нибудь попадались? – спросила Рита во время завтрака на терраске. Завтрак был сытным, хоть не изысканным – манка, яйца, варёная колбаса, чай с бубликами. Иван Яковлевич наморщил лоб, вспоминая.

– Да, я линей ловил. Не очень, правда, больших. До двух килограммов.

– А это было давно?

– Лет десять назад. Нет, всё же пораньше – тебя ещё, вроде, не было. Здесь рыбачил, под Вязовой.

– А ты специально шёл на линия?

– Да что ты? Я специально ни на кого не нацеливаюсь. Что клюнуло, то и клюнуло. Для меня рыбалка – это приятный отдых, не больше.

Рита задумчиво отхлебнула чаю.

– Ты не усматриваешь здесь мистики?

– Мистики? – удивлённо переспросил Иван Яковлевич, – о чём ты?

– О том, что линь не клюёт у тех, кто пришёл ловить именно линия – какие бы тонкие снасти он ни наладил, какую бы

вкусненькую наживку ни приготовил, как бы ни прикормил!
Линь умнее хитрых.

– Чистые сердцем Бога узрят, – изрёк отставной инженер авиаполка. С этими словами он отодвинул свою тарелку и также начал пить чай. Теперь удивилась Рита.

– Это откуда?

– Новый Завет.

– Ты что, веришь в Бога?

– Нет. И ты это знаешь. Ни в Бога, ни в Сатану, ни в мистику. Я всю жизнь посвятил науке и верю в то, что она может дать ответ на любой вопрос. А Библию прочитал затем, чтобы убедиться в правильности своей позиции.

– И тебе это удалось?

Иван Яковлевич не успел дать ответа. В дверь неожиданно постучали, после чего она распахнулась, и на терраску вошла приятная женщина средних лет, с тарелкой блинов, краешки которых с тарелки даже свисали. Это была тётя Маша, соседка. Очень приветливо поздоровавшись и с Иваном Яковлевичем, и с Ритой, она сказала:

– Андрюшке моему год сегодня исполнился. Пожалуйста, помяните его, мои дорогие!

Муж тётки Маши в прошлом году разбился на мотоцикле. Его оплакивало не только село, но и весь район, поскольку он был хороший автомеханик и очень многим помог – кому за стакан, кому за копейки.

– Спасибо, Машенька, – произнес Иван Яковлевич, под-

нявшись принять тарелку, – как там компрессор? Работает?

– Ещё как! Уж прямо не знаю, чем отблагодарить мне вас, Иван Яковлевич! Так вы его наладили, как Андрюшка не смог бы, Царство ему небесное!

На глазах тётки Маши блеснули слёзы. Она утёрла их рукавом.

– Спасибо вам преогромное! И тебе, Риточка, спасибо. Вы приходите! Вишню пособираете.

– Непременно зайдём, – заверил старик, – только не за вишней, а просто так. Ещё что-нибудь наладим.

Рита спросила:

– А как там Сфинкс, тётя Маша?

– Сфинкс без тебя, Риточка, худеет. Ты бы почаще его проводывала! Назвать назвала, а не навещаешь.

Рита пообещала нынче зайти. На том и простились. Сразу после ухода доброй соседки пришёл чуть более дальний сосед с другой стороны – дядя Вася, плотник. Комкая в руках кепку, он пробасил:

– Иван Яковлевич, простите за беспокойство! Вы мне пилу не посмотрите?

– Что, опять не работает?

– Да работать работает, но ведь вы мне тогда, два года назад, сказали, что, мол, мотор может зазвенеть! Вот и зазвенел. Я уж прям боюсь, как бы не сгорел он вовсе, мотор-то!

– А ну, пойдём поглядим.

Риту раздражала эта готовность деда незамедлительно, по

любому зову, срывать что-то налаживать, ремонтировать, проверять. Старый человек, уважаемый, а ведёт себя как мальчишка. Свистнули – мчится! Такого рода нахальство со стороны соседей, родственников, знакомых сверх всякой меры имело место в Москве, а здесь – того чаще. Вон, даже чай не допил!

Допив свой, Рита пошла спать. Спала она в нижней комнате. Её к дому пристроил дед. Также он пристроил и мастерскую. Эти два помещения разделял узкий коридор, который заканчивался тяжёлой дубовой дверью. За ней был сад. Рита обожала нижнюю комнату. Столько было в ней интересного! Самодельный шкаф хранил три комплекта дедовой офицерской формы времён войны, столько же шинелей, какой-то старый подсачек, спиннинги, плащ-палатку и надувную лодку на антресоли, дубовый письменный стол с двумя тумбами – инструменты и рыболовные снасти, комод – журналы сорокалетней давности. В непогоду у Риты не было более интересного дела, чем их листать, зачитывая до дыр. А ещё из комнаты можно было проникнуть в подпол – очень глубокий, страшный. Рита одна опасалась в него соваться. Сейчас обе его дверцы были распахнуты, чтобы шла из земли прохлада. Казалось, что вместе с ней очень неприметно и ненавязчиво – только взглядом сквозь паутину, колеблемую дыханием, проникает в комнату дух столетнего подzemелья, все уголки которого одни крысы могли исследовать.

Да, после ранней рыбалки, вдобавок перед ночной гулян-

кой, конечно, необходимо было поспать часа три-четыре. Раздевшись, Рита легла в постель. Диван был ужасно старый, но не скрипел он ни капельки. Рита долго смотрела на потолок из досок, и слушала птиц, щебечущих за окном, в саду, и думала об Алёшке. Никак не мог он её оставить – такой смешной, белобрысый, глупый! С этими мыслями погрузилась Рита в счастливый сон.

Глава шестая

Неподалёку от церкви была когда-то сельская школа – бревенчатое двухэтажное здание. С четверть века пропустовав, она развалилась. Её руины в виде полуистлевших брёвен так и лежали на пустыре близ околицы. Остальное было растащено, когда школа ещё стояла. На этих брёвнах располагалась вечером молодёжь праздновать восемнадцатилетие Долгуновой Таньки. Сперва народу собралось много, и шум несколько часов стоял на весь край села. Но ближе к полуночи большинство разошлось, хоть водка была действительно дорогая, да и закуска сладкая – яблочки. Просто стал накрапывать дождь. Кроме именинницы, не ушли лишь Рита, Алёшка, Витька – ещё один деревенский парень, Дашка Колесникова и Димка. Димка был из Москвы, приезжал к родне на каникулы. Он оканчивал музыкальную школу по классу скрипки, но мог играть также на гитаре. Этим как раз он и занимался, сидя на брёвнах. Широкие листья клёна, который вырос среди развалин, не позволяли гитаре мокнуть. Играл будущий скрипач мастерски, но репертуар не вписывался ни в место, ни в настроение слушателей.

– Сыграй что-нибудь из Цоя, – просила Дашка, Бах для которой был всего-навсего смешным словом, – ну, или из Бутусова! Я спою.

– Пусть лучше играет он что угодно, чем я услышу, как ты поёшь! – заорала Танька, не найдя яблоко, чтоб заесть полстакана водки, – дайте мне что-нибудь! Быстро дайте!

Ей дали сливу, которая обнаружилась в чьём-то заднем кармане, так что была раздавлена.

– Надо яблок ещё добыть, – продолжала Танька, чуть отдышавшись, – или воды! Пусть кто-нибудь наберёт воды из колонки. Ведь у нас много пустых бутылок!

– Сыграй «Металлику», – предложила Рита, взяв три бутылки с подмигивающими этикетками и исполнив желание именинницы. Димка дважды просить себя не заставил. Самая знаменитая композиция легендарной группы всем пришлась по душе. Мажорная хулиганка Танька, всегда ходившая в драных джинсах и босиком, дёргала башкой, как заправский рокер. Дашка – дочь агронома, благоговейно курила «Кент», следя, чтобы пепел не сыпался на подаренные отцом английские туфли. При этом она, конечно, не забывала красиво выгибать кисть, поднося к губам сигарету, и томно щуриться на фонарь, белевший у церкви. Алёшка, сидя бок о бок с Ритой, лапал её с предельной степенью романтичности, и не менее романтичным было сопротивление: ахи, охи, мат – только шёпотом. Один Витька бездействовал. Впрочем, он зеленел. Ему нездоровилось – старший брат накануне праздновал свадьбу. С верхних полей, которые окружали кладбище, дул пронизывающий ветер. Финал мелодии слился с мощным его порывом. Когда последний флажолет

смолок, Алёшка, словивший от Риты по лбу, проговорил:

– Так и не поймала Ритка линя! Поэтому злая.

– Зачем ей линь? – удивилась Танька, – её что, дома не кормят?

– Линь нужен Ритке вовсе не для того, чтоб его сожрать, – объяснила Дашка, – он нужен ей для того, для чего Раскольникову нужна была бабка-процентщица. Она хочет Наполеоном стать.

Все расхохотались, включая Витьку с Алёшкой, которые половину произнесённых Дашкою слов слышали впервые. Длинные пальцы Димки стали выдёргивать из гитарных струн «Марсельезу».

– Ритка? Наполеоном? – переспросила Танька, сделав глоток воды, – с помощью линя? А как это будет выглядеть? И сказала Ритка Золотой рыбке: «Не хочу я быть проституткой, хочу быть Наполеоном!» Так, что ли, Ритка?

Хохот усилился. Димка ловко изобразил на первой струне сирену – дескать, всё хорошо, психиатр едет!

– Вы – идиоты, – заговорила Рита, дождавшись относительной тишины, – да, линь – Золотая рыбка. Но я не буду его ни о чём просить. Просто я – охотница по природе. Мне интересно поймать линя.

– Не ври, ты минетчица по природе, – не согласилась Танька, – поэтому у тебя большой рот. И длинный язык. И очень внимательные глаза.

– При чём здесь глаза?

– Ну, ты и овца! Когда при минете смотришь в глаза, это обостряет.

Парни смутились. Рита задумалась, как и Дашка. Дождь вдруг усилился. Так как он стал просачиваться сквозь листья, Димка был вынужден зачехлить гитару.

– Риточка, ты не хочешь мне посмотреть в глаза? – небрежно спросил Алёшка, закуривая.

– Не хочет, – дала ответ за подругу Танька, – нужен ты ей со своей избушкой на курьих ножках! Иди коровам хвосты крути, лаптем щи хлебай! Ритке подавай такого, как Димочка – из Москвы, из элитной школы, с двумя квартирами, с дачей...

– Ритке нужен золотой линь, – напомнила Дашка, – пока она его не поймает, её отсюда не выгнать. Значит, ей суждено здесь сдохнуть. Так что, Алёшка, готовься к свадьбе. Ништяк! Салатику поедим!

Молодой пастух приосанился и опять потянулся к Рите. Но в этот миг прорезался голос у его друга.

– Я знаю место, где линь берёт безотказно, – просипел Витька, с трудом подняв чубатую голову, и обвёл компанию взглядом, – там даже Ритка сумеет его поймать.

– Ага, – улыбнулась Танька, – поймала! Не слушай, Ритка, не слушай! Триппер ты с ним поймаешь, а не линия.

Опять стало весело.

– Знаю место, – упрямо повторил Витька, шмыгая носом, – и знаю, на что ловить. И знаю, когда.

– Жалко, что не знаешь, зачем, – перебила Дашка, опять начав разливать по стаканам водку, – дебил ты, по ходу! Но у тебя хватило мозгов хотя бы в десятый класс перейти, а эта долдониха из всей школьной программы запомнила одно слово: Наполеон! Ритка, тебе сколько?

– Совсем чуть-чуть. На самое доньшко.

Димка также попросил капельку. Только выпили и запили водой, с другого конца села донеслось надрывное стрекотание мотоцикла. Оно стремительно нарастало.

– Это Виталька, – сказала Дашка, глядя на пятно света, которое приближалось вскачь по бетонке, становясь ярче и расплываясь на травяные обочины, – пиво нам из Троицкого везёт.

Танька согласилась с подругой. Виталька был её бывшим парнем. Как только он, промчавшись мимо громады церкви, остановился напротив брёвен, обе девчонки к нему приблизились. Передав им сумку с несколькими бутылками пива, он развернул мотоцикл и покатил под горку на холостых. Пива оказалось более чем достаточно, так как Витьке решили не предлагать. Он спал крепким сном, завалившись набок.

– Классное пиво, – пробормотала Танька, облившись пеною, – мы ужрёмся! Ритка, так что там с Наполеоном-то? Я не въехала.

– У тебя на правой ноге – громадный паук, – спокойно сказала Рита. Быстро взглянув на свою голую ступню, стоявшую на бревне, очень хорошо освещаемом фонарём, Танька

онемела от ужаса. Прямо возле большого пальца расположилось чудовище совершенно невероятных размеров, с белым крестом на спине. Оно, судя по его неподвижности, чувствовало себя довольно неплохо. Про Таньку это сказать никак нельзя было. Если она чего-нибудь и боялась на этом свете, то разве что пауков. Но боялась до смерти. Её рот страдальчески приоткрылся, из глаз закапали слёзы.

– Девочки, мальчики, – прошептала она, страшась шевельнуться, – я умоляю, снимите его с меня! Пожалуйста, ради Бога! Mamочка! Господи, Боже мой! Я сейчас умру!

– Нашла дур, – усмехнулась Дашка, вставая, – вдруг у него клыки ядовитые? Цапнет – смерть!

Склонившись над ступнёй Таньки, она и Рита внимательно пригляделись к страшному насекомому.

– Челюсти у него, как у бультерьера! – сказала Рита, – а интересно, он самка или самец? Говорят, что самки очень опасны.

– Чёрные вдовы, – вспомнила Дашка, – чёрные вдовы! Такая тварь слона может уничтожить одним укусом!

Из левой брючины Таньки часто закапало, а затем полилось. Как назло – из левой, а не из правой, так что паук не видел причин менять местоположение.

– Эта дура обоссалась, – заметила Рита, – неудивительно! Ей осталось недолго жить. Мальчики, что делать?

– Ждать, пока обосрётся, – проговорил Алёшка, зевая, – тогда паук, наверное, убежит. Это птицевед.

– А он ядовитый? – спросила Рита.

– Да! Как змея. Как кобра.

Рита и Дашка стали ругать подругу за то, что та всюду шляется босиком. Дали подзатыльник. Надрали уши. Танька безмолвно глотала слёзы, глядя на паука, действительно, точно так же, как мышь глядит в глаза кобры.

– Скажите ей, чтоб не шевелилась, – предостерег Алёшка, зевая, – если она шевельнётся, он испугается и ужалит.

– Да хватит вам, – не выдержал Димка. Спрыгнув с бревна, он протянул руку к белой ступне страдальцы, снял с неё опасное существо и бросил его в бурьян за руинами, – птицеед! Какой птицеед? Обычный паук, вполне безобидный. Просто решил погреться.

– Погреться? – взвизгнула Танька так, что обе её подружки сами чуть не испортили свои трусики, – он ужалил меня! Палец весь распух! Он красный! Смотрите!

Стали смотреть. Признаков укуса не обнаружили. Но, поскольку Танька своих стенаний не прекращала, Рита, присев перед ней на корточки, подняла её ногу, взяла якобы ужаленный палец в рот и стала сосать, чтоб удалить яд. Смешно стало даже Таньке. Дашка просто валялась. Димке пришлось отбежать в кусты. Алёшка изо всех сил пытался разбудить Витьку, но тот стал просто бревном, а сил у Алёшки от хохота было мало.

– Ни одной ранки на пальце нет, – объявила Рита, поднявшись и отплевавшись, – иди ты в задницу, дура!

Танька вмиг успокоилась. Поглядев на джинсы, сказала:

– Мне в таком виде домой нельзя! Надо идти в баню.

Немедленно. Кто со мной?

– В какую? – спросила Рита, велев заткнуться Алёшке, который незамедлительно дал согласие.

– Как – в какую? У меня что, персональные бани есть? Конечно, в колхозную, что в овраге! Банщик сегодня её топил, вода ещё тёплая.

– Так на ней огромный замок висит!

– А Димка на что? Он любой замок отпирает гвоздиком. Правда, Димка? С нами пойдёшь? Не бойся, не изнасилуем.

– Говорите от своего имени, Портос, когда говорите подобные нелепости, – молодецки пригладив воображаемые усы, пробасила Рита. Димка, однако, её мушкетёрской прыти не испугался. Сказал:

– Пойду.

Рвался и Алёшка. Его оставили за ненужностью, поручив ему бревно-Витьку. Так вот и пошли в колхозную баню, взяв по бутылке пива, три очень пьяные девочки и интеллигентный мальчик с гитарой, который пребывал в средней степени опьянения.

Был час ночи. Дождь моросил. Деревня спала. Идя по бетонке вниз, три девушки пели звонкими голосами обычную в таких случаях песню «Виновата ли я?» Димка подпевал. Его, впрочем, было почти не слышно. Немного не доходя до спуска в овраг, где стояла баня, ночным певцам повстреча-

лись три здоровенных парня из местных – Сашка, Лёнька и Колька. Они шли вверх, грызя семечки и распространяя вокруг себя запах самогонки.

– О! Именинница! – подал голос на всё село самый здоровенный из них – Сашка Ковалёв, притиснув к груди поющую босоногую хулиганку, – а ты куда? Мы к тебе идём!

– Немедленно пошли вон! – завизжала Танька, выскользнув из его объятий, – я из-за вас вся обоссалась!

Три парня заржали. Рита и Дашка вторили им. Их спутник с гитарой за плечами робко стоял, опустив глазёнки.

– Как – из-за нас? – спросил, насмеявшись, Колька, – мы ведь тебя сейчас только повстречали!

– Все вы здесь пауки! – верещала Танька, топая пятками, – волосатые, гадкие, тупорылые пауки с длинными руками! Вон! Вон! Вон! Вон!

Три здоровяка обиженно пошли дальше. Танька и её спутники завернули к колхозной бане. Она стояла возле ручья, что тёк по оврагу вдоль всей деревни, беря начало за полем, в глухом лесу, и впадая в реку. Спустились. Замок, действительно, был огромен, но против Дашкиной шпильки в Димкиных пальцах не устоял.

– Мой прекрасный юноша, вы закончите жизнь в тюрьме, – с печалью сказала Рита, медленно потянув на себя скрипучую дверь.

– В психушке, – не согласилась Танька, – ты представляешь – он будет целый час пялиться на нас, голых, и вообще

ничего не делать! Он ведь застенчивый!

– Да мы сами ему всё сделаем.

Дверь, войдя, заперли. От чугунной печки, обложенной кирпичами, шёл сильный жар. Бак с водой был тёплым. Включив в предбаннике свет, девочки разделись, ни капельки не стесняясь мальчика, и, прошлёпав к кранам, тщательно отстирали Танькины вещи. Димка, раздев лишь свою гитару, играл в предбаннике. Когда Танька с джинсами и трусами вышла и начала раскладывать их на печке, привстав на цыпочки, он скосил на неё глаза.

– Немедленно отвернись! – вскричала она, почувствовав его взгляд на своей спине и не только, – что за наглёж? Сударыни, он таращится!

– Пусть таращится, – донеслось из зала, – главное, чтоб не трогал. Если попробует прикоснуться, будет немедленно сам раздет догола!

Димка не посмел прикоснуться. Он ограничился тем, что взял с пола прутик от веника и нашёл ему очень эротичное применение. Танька взвизгнула и опять пожаловалась подругам. Те ей ответили, что руками трогать нельзя, а прутиком можно. Вдруг они вышли и попросили Димку сыграть и спеть что-нибудь весёлое, например – «Стюардессу по имени Жанна». Димка не усмотрел причин отказать. Молотя аккорды, он пел дурацкую песенку и смотрел на трёх голых девок, которые перед ним плясали и подпевали, громко визжа от глупой девчачьей радости. А потом они пошли мыться,

его с собою не взяв. Он очень обиделся.

– Сиди там! – крикнули из зала, – у нас – интимное дело.

– Вы лесбиянки, что ли?

– Заткнись! Сиди и играй что-нибудь печальное.

Димка начал играть «Последнюю тремолу». Три подружки, впрочем, печали не поддались, плескались предельно весело. Что-то шёпотом обсуждали. Через пятнадцать минут вышли очень красные, прибалдевшие. Натянув трусы, уселись пить пиво. На Димку они внимания уже вовсе не обращали.

– Так почему же ты – не Раскольников? – обратилась Дашка с довольно странным вопросом к Рите. Та ей ответила:

– Потому, что он – идиот. Нельзя стать Наполеоном, убив старуху. Наполеон бы ограбил банк, а не бабку!

– А почему ты усматриваешь в нём принципы?

– Потому, что их видели современники. Его бюстик весь девятнадцатый век на каждом столе стоял – притом в той стране, с которой он вёл войну. Это говорит о чём-то?

– Реально, – сделав глоток, согласилась Танька, – бюстиков Гитлера ни на чьих столах я не видела.

– Гитлер – мразь. А Наполеон – достойный противник. С ним воевали цивилизованно.

– Тогда хватит ловить линия, – предложила Дашка, брезгливо дёрнув мокрым плечом, – иди на медведя.

– Ну, и пойду.

Вот уж это было для Димки, что называется, через край. Двумя быстрыми движениями убрав гитару в чехол, он

встал.

– Извините, дамы. Я вас покину.

Три полуголые поглядели на него так, будто уж давно пора это было сделать.

– Вон, – проронила Танька, ставя пустую бутылку на пол, – незамедлительно!

– Прочь, – произнесла Рита, – сию минуту!

Дашка смолчала. Но её взгляд был красноречив. Когда Димка вышел, плотно прикрыв за собою дверь, она повторила:

– Хватит ловить линия! Иди на медведя.

– Ну, и пойду, – повторила Рита, – а где медведи здесь водятся?

– За рекой. Катька Ильичёва ходила туда за ягодами и слышала там, как они режут.

– Но там – хвойный лес!

– Ну и что? Там полно малины, черники и ежевики. Медведи всё это любят.

Рита задумалась.

– Ты смотри там, не заблудись, – зевая, сказала Танька, – из того леса многие не вернулись. Дебри кошмарные! Ты про Выселки не слыхала?

– Про что?

– Про Выселки, – без большого желания продолжала Танька, перехватив взгляд Дашки, – деревня так называлась, которая в том лесу когда-то была. Её там давно уж нет. Ка-

жется, с войны. А кладбище – есть. И те, кто на это кладбище набредают, обратно не возвращаются, потому что проклятое оно.

– Да ты бы заткнулась! – ни с того ни с сего психанула Дашка, – чего городишь? Какое на хрен там кладбище? Кто тебе про него наплёл?

Танька, помолчав, почесала пятку.

– Не помню я. Кто-то, вроде бы, говорил. Тётя Нюра, кажется. А ты, ..., как будто и не слыхала! Чего дурачишься?

– Тётя Нюра! – передразнила дочь агронома, – у нас в деревне их пять, и все ненормальные!

– Ну, с Романовой Слободы которая! Мы ещё за вишней к ней лазили в том году.

Дашка разразилась таким неистовым хохотом, что в той самой Романовой слободе, которая примыкала к деревне со стороны оврага, разом залаяли все собаки.

– Вот оно что! Так ты, значит, самую ненормальную из них выбрала! И нашла кому всё это пересказать! Какое-то кладбище, черти, Выселки! Твою мать! Нужен ей медведь – пусть идёт. Чего ты её пугаешь?

– Да не пугаю я! Пусть идёт.

Рита одевалась. Дашка, следя за ней, тасовала колоду карт, а Танька курила. Дождик за окном стих. Собаки умолкли, и было слышно, как об пол шлёпается вода, капая из крана. Страшная полночная темнота привалилась к окнам, как умирающая старуха. Ох, не хотелось Рите в её объятия!

Но менять решение под влиянием идиотского страха значило объявить себя идиоткой.

– Вы до утра намерены здесь торчать? – спросила она, завязывая кроссовки. Дашка, сдавая карты, сказала:

– Да. Мы ещё здесь попаримся, поболтаем. А ты одна пойдёшь в лес?

– Со Сфинксом.

– Вот ты больная! – вскинула Танька бровь, – свинья-то тебе зачем?

– Мне свинья – для свинства.

– В смысле?

– Всё очень просто. Тебе свинья для свинства не требуется, мне – требуется.

Сказав так, Рита взглянула ещё раз пристально на подруг, уже занятых игрой, и вышла из бани.

Холод сырой и глубокой впадины, примыкавшей к реке, заставил её поёжиться. Темнота с глазами старухи даже не сочла нужным прикинуться безобидной. Но, прикрыв дверь, Рита подкралась к окошку – послушать, о чём картёжницы говорят. Те не осторожничали.

– Так я ещё и свинья, – услышался голос Таньки, – нормально!

– А что тебя удивляет? – спросила Дашка.

– Я ведь её отговаривала, хоть ты мне мешала! Но, почему-то, в итоге – я свинья, а не ты.

– Да обо мне просто не зашла речь! У неё есть цель. Все

те, кто считает эту цель странной – свиньи.

– Так значит, Сфинкс один – не свинья? – воскликнула Танька. Дашка охотно с ней согласилась. Обе заржали. Стараясь не шелестеть травой, Рита отошла от окошка и, ощутив под ногами утоптанную тропинку, почти бегом устремилаьс вверху, к огонькам села.

Глава седьмая

Августовские ночи много дольше июньских, особенно на четвёртой неделе. Прикинув, что до зари ещё часа два, а то и два с половиной, а то и больше, Рита решила её не ждать. Вернувшись домой через боковую калитку и чёрный ход, она обыскала нижнюю комнату. Целью этих исканий был офицерский парадный кортик Ивана Яковлевича. Рите казалось, что она видела его то ли на антресолях шкафа, то ли в столе. Поиски успехом не увенчались. Видимо, кортик всё-таки лежал в горнице наверху, где как раз и был основной, можно сказать, склад всякой всячины. Но ту комнату обыскать возможности не было. В ней спал дед. Пришлось удовольствоваться складным походным ножом. Своими размерами он не сильно уступал кортику, и убить им медведя при некотором везении было очень даже возможно. Рита, хоть линь ей не попадался, всё же считала себя везучей. Положив нож в карман, она вышла в сад, прокралась к забору и перелезла через него на домовладение тёти Маши.

Сфинкс жил в хлеву, деля его с курами, овцами и коровой Розой. Низкий рубленый хлев стоял неблизко к избе, под яблонями. Спала тётя Маша крепко, собаки у неё не было, так что Рита без опасений вошла к скотине. Та относилась к ней по-приятельски, с доверительностью тянула морды и клювы,

а Сфинкс – и вовсе по-родственному. Открыв его закуток, она позвала:

– Вылазь!

Он вмиг не проснулся. Пришлось ударить его по башке лопатой. Он заворочался, хрюкнул, скребя копытцами, потом вышел – сонный, упитанный, любопытный. Ткнул пятчиком в бедро – дескать, что тебе?

– Мы сейчас пойдём с тобой на охоту, – сказала Рита. Сфинкс согласился. Заперев хлев, они торопливо вышли через калитку в воротах и побрели вдоль домов, ни в одном из коих свет не горел, к реке.

Когда кончилась деревня, справа и слева стали чернеть поля, взрыхлённые после жатвы. Они стелились почти до самого берега, от которого был перекинут к другому берегу деревянный мост на железных сваях. Несколько лет назад по нему вполне можно было проехать на легковой машине, теперь идти было боязно. Поступь Риты он, впрочем, даже не ощутил, а вот под копытцами Сфинкса весь загудел, застонал, затрясся.

– Не свались в реку, – строго предупредила Рита своего спутника, – если благодаря тебе она выйдет из берегов – медведи окажутся под водой, и мы с тобой будем вынуждены заняться рыбалкой вместо охоты!

– Хрю! – сердито отвечал Сфинкс, семеня копытцами, – хрю, хрю, хрю!

Тон раскрывал смысл: «Ты чего городишь? До леса – ни-

как не менее километра, и перед ним – возвышение, на котором проложена асфальтированная дорога. Как вода сможет захлестнуть лес?»

Толстячок был прав. Луга за рекой лежали привольные, и она даже в половодье не подступала к лесу вплотную. Идя по этим лугам, охотница на медведей и её розовый спутник всей широтою родственных душ упивались ночью. Небо ясно. Холодные августовские звёзды блестели из камышей и мокрой травы, как глаза русалок. Из-за огромной тучи, которая уползала, хитро выглядывал край луны.

Под крик первых петухов, проснувшихся за рекою, перевалив возвышение, на котором чернел вдоль леса большак, парочка вошла в смолистые дебри. Путь лежал по тропинке – одной из многих, пересекавших лес. Прежде чем начать этот путь, Рита пять минут отдохнула и заодно покурила, присев на широкий пенёк.

По хвойному лесу легче идти, нежели по лиственному – поменьше валежника и травы, побольше простора между деревьями. И с тропинки сбиться куда как легче. Так вот и сбились, пройдя всего километра два. Поняв, что произошло и что невозможно определить, где север, где юг – на небе сияло всего лишь несколько звёзд, Рита не встревожилась. Ей ведь было до глубины души всё равно, куда направляться! Сфинксу – тем более. Побрели они дальше уже без всякой тропинки, весело напевая и бодро хрюкая. И застал их в лесу рассвет – холодный, сырой. Почти что осенний. К счастью,

На Рите была неплохая куртка, а её друг имел неплохой слой жира.

Заря занималась вялая. Не иначе – всю ночь пила, беря пример с Риты. Угрюмы были её глаза. Не заря, а ведьма встала над лесом! Солнце вконец испортило настроение, внеся ясность в происходящее. Не опасность встречи с медведем обескуражила Риту, как это произошло бы с любой другой протрезвевшей девочкой, а её маловероятность. Кругом стеной стояла тайга, иначе не скажешь. Как его сыщешь в таких дебрях, медведя-то? Он ведь не идиот – выходить на битву с Наполеоном! Кутузов, помня разгром под Аустерлицем, осмелился это сделать только после того, как Наполеон израсходовал половину сил, пройдя пол-России. Очень возможно, что и медведь решил его вынудить прошагать половину леса. Взглянув на Сфинкса, Рита спросила его, согласен ли он принять правила игры, навязанные врагом. Сфинкс не возражал. Более того – он вдруг побежал вперёд, подбадривая попутчицу, уже несколько утомлённую четырёхчасовой прогулкой.

Солнце уже стояло над соснами. Миновав поляну, потом – лощину, до дна заросшую ёлками, а затем перейдя ручей, друзья набрали на очень густой малинник. В нём, разумеется, задержались. Ягод на каждой ветке висели россыпи – обожраться! Сфинкс отдавал им должное с такой страстью, что даже уши поджал и перестал хрюкать. Но Рита всё же опережала его, благодаря росту и двум рукам. Ей вспомни-

лись вдруг слова – не то из какой-то книжки, не то из фильма: «В раю – малина сочная, сладкая!» Здесь был рай. Совершенно точно.

Но выходило так, что по мере наполнения животов и райские кущи редели, и ощущения притуплялись. А уж когда за малинником вдруг открылось поле, дальний край коего, примыкавший к ельнику, был покрыт высоким бурьяном, а ближний – устлан надгробиями, на память пришли другие слова: «Кладбищенской земляники крупнее и слаще нет». Они, безусловно, наелись не земляники. Малины. Но очень крупной, сладкой. Кладбищенской.

Риту вырвало, Сфинкса – нет. Пока этот поросёнок завистливо убеждался в том, что ей удалось сожрать в несколько раз больше, она с кружащейся головой поплелась взглянуть на могилы. Что её повлекло туда? Глупый страх, который внушила Танька. Ведь, по её словам, ни один из тех, кто увидел кладбище в этом самом лесу, домой не вернулся! И для того, чтобы возвращаться домой достойно, необходимо было расправиться с этим страхом, против которого даже яркое солнце на чистом голубом небе было беспомощно.

Кроме пары крестов, чудом не успевших сгнить до конца, признаками кладбища оставались одни лишь камни, лежавшие на земле, вросшие в неё. Они были плотно оплетены травой, облеплены мхом. Издалека – кочки, а не надгробные памятники. Достав из кармана нож, Рита опустилась перед одним из камней на корточки, чтобы счистить живую при-

роду с мёртвой и прочесть надписи. До сих пор ни разу не доводилось ей спасти смерть от жизни, как и наоборот. Однажды она бросилась к собаке, попавшей под мотоцикл, однако та умерла мгновенно. Смерть спасти проще. Смерть не умрёт.

Но это была иллюзия. Да, трава легко разрезалась и мох легко отходил, но дальше ждало разочарование. Ни малейших следов какой-либо информации на проклятой глыбе не обнаружилось. Одна каменная поверхность – шероховатая, серая, ледяная. Буквы и цифры от времени раскрошились. Видимо, камень хранил покой гниющих костей не век и не два. Выпрямившись, Рита бросила взгляд на его собратьев, пытаясь определить, который из них свежее. Одно надгробие показалось более ровным, чем остальные. Видимо, на нём было поменьше мха. Повернувшись к Сфинксу – не убежал ли – но даже не поглядев на него, а в тот же миг снова о нём забыв, направилась Рита к тому надгробию. На глаза ей струился пот, потому что солнце пекло уже, да и сердце прыгало, как на углях.

Нож распорол мягкую зелёную оболочку и скрежетнул по камню. Мха, точно, было немного. Тщательно соскоблив его, Рита обмахнула камень рукою, и – прочла то, что было на нём написано. Сперва надпись вызвала у неё смешок. Но не истеричный, а саркастический – дескать, о! Пивко после водочки! Поморгала. Пребольно дёрнула себя за ухо. Сдула с камня соринки – глядишь, ещё что-нибудь откроется! Не от-

крылось. И, оторвав глаза от каменных букв, Рита зарыдала. Солнышко! Где ты, солнышко? Где лучи твои, которые прогоняют дурные сны навсегда и дарят тепло счастливого пробуждения? Где ты, ветер, усиливающий не только ночную жуть, но и безмятежность летнего дня? И где же ты, лес, который манил, кружил, очаровывал? Почему по спине скользят пальцы холода? Почему из-за каждой ёлочки кто-то смотрит? Кто-то один? Слёзы часто падали и катились ручьями вниз – надгробие было наклонено. Это были слёзы такой непреодолимой тоски, такой лютой муки, что уповать даже и на смерть казалось бессмысленным. Он, конечно, сильнее смерти – тот, кто один глядит из-за каждой ёлочки. От него её не спасёт никто. А Сфинкса? Где Сфинкс?

Вновь случайно вспомнив про своего храброго товарища, разделившего с ней несчастье, Рита сморгнула слёзы с ресниц, и, скосив глаза на малинник, поднялась на ноги. Только этого ей ещё не хватало! Да, только этого! Господи, почему именно сейчас, когда нет ни сил, ни смысла? Что за насмешка?

Из зарослей выходил медведь. Да, да, самый настоящий бурый Топтыгин! Ровно такой, каким она его представляла: вот косолапость, вот шерсть, вот когти, каждый – как её нож, вот страшная пасть! Зверь двигался, соответствуя своему сказочному образу, на двух лапах, и переваливался, свирепо глядя по сторонам. Он искал врага, который посмел проникнуть в его владения и взглянуть на его малинник. Этим вра-

гом была не она, не Рита. Встретившись с нею глазами-бусинками, хозяин леса не счёл, что она заслуживает внимания. Задрав морду, стал нюхать воздух. Глядя на этого великана, о быстроте и силе которого ходит столько легенд, Рита подсознательно уцепилась за его сказочность. А за что ей было ещё цепляться? Она воскликнула:

– Миша! Мишенька, помоги! Защити меня! Он – вон там, за ёлками! Прогони его, Миша! Я прикачу тебе бочку мёда!

– Ритка! – вдруг донеслось откуда-то из-за сосен рядом с малинником, – Ритка, где ты? Откликнись!

Голос принадлежал мальчишке и был как будто Рите знаком. Но она решила не отзываться, ибо медведь, услышав её мольбы, громко заревел, и, встав на четыре лапы, двинулся к ёлкам – грозный, большой, стремительный. Кто бы смог ему противостоять? И вернулось солнце. Вернулся ветер. Вернулся лес. Вернулась свобода. Вернулось всё. Таинственный враг исчез! Медведь отогнал его. Да и сам, забыв сказать Рите, куда катить бочку с мёдом, скрылся за ёлками.

Сложив нож и сунув его обратно в карман, Рита поглядела туда, откуда кричали. К ней через поле мчался светловолосый парень с ружьём – кажется, с короткой винтовкой. Это был Димка. За ним скакал поросёнок. Это был Сфинкс. Оба были взмылены. Задыхались.

– Где он? – проорал Димка шагов за сто, – он тебя не ранил? Ты цела?

– Кто? – не поняла Рита. Слёзы ещё текли по её щекам, и

ужас во взгляде ещё стоял, но с каждой секундой таял, будто туман над рекою после зари. Приблизившись, Димка бросил по сторонам воинственный взгляд, повесил ружьё – а это и в самом деле был карабин, на плечо и взял Риту за руки. Она слабенько улыбнулась, хоть было ей не очень приятно прикосновение его рук, больших и горячих, к её рукам – болезненно-белым, ледяным, тонким. После того, что случилось, ей не терпелось побыть одной. Сфинкс, видимо, это понял, так как остановился, не добежав. А Димка не понимал.

– Да как кто? Медведь! Я слышал, как он ревел! И слышал, как ты кричала. Куда он делся-то?

– Ушёл в лес. А ты-то откуда взялся?

Он, продолжая стискивать её руки, сбивчиво объяснил, что Таньку и Дашку перед зарёй погнали из бани за слишком шумное поведение, они тут же на всю деревню стали орать, что Ритка попёрлась в лес с медведями трахаться, ну и как ему было не устремиться её спасти с отцовским ружьём?

– Иду по тропинке, и вдруг ко мне выбегает Сфинкс, перепуганный, – завершил свой рассказ скрипач, – меня увидел – затрясся, захрюкал, рылом в ногу затыкался: бежим, дескать! Ну, я пошёл за ним. И вдруг слышу издали – ты орёшь! А потом медведь как взревёт! А дальше ты знаешь.

Он ещё раз покрутил башкой.

– А это что, кладбище? Да? То самое, проклятое? Здесь раньше была деревня? Вон там, наверное, где бурьян?

– На это взгляни, – указала Рита горбатым носиком на

второй отчищенный ею надгробный памятник. Вырвав руку, Она поспешила в кусты. Сфинкс, который, как оказалось, лишь притворился скромненьким, потащился следом за нею. Пока юный музыкант разглядывал камень, хрюкающий наглец разглядывал её задницу, за что после получил в рыло. Солнце уже стояло на середине неба.

– Ну, как? – поинтересовалась Рита, вновь подойдя к могиле. Димка, сидя на корточках, изучал надгробие через увеличительное стекло, которое постоянно носил в кармане.

– Да, любопытно.

– И это – всё, что ты можешь мне сообщить?

– Вот странный вопрос! Я что тебе, справочное бюро?

– Нет. Но ты умный мальчик.

– Умные люди как раз тем и отличаются от всех остальных, что знают не всё.

С этими словами Димка поднялся, и, убрав лупу в карман, поправил ружьё на плече.

– Через двадцать лет мне будет всего только тридцать пять! – воскликнула Рита, – маму в тридцать пять лет называли девушкой! И я буду выглядеть так же.

– Вряд ли. Ты куришь.

Рита немедленно закурила.

– А мне будет тридцать шесть, – продолжал скрипач, – целых тридцать шесть! Но меня и в двадцать не будут называть мальчиком.

– Как не будут? Ты ведь не куришь!

– Но я играю на скрипке.

– А разве это так вредно?

Ответа не было. Сняв с плеча карабин, Димка огляделся по сторонам.

– Как бы косолапый опять сюда не пожаловал! Он ведь наверняка считает эту малину своей.

– Не смей его убивать! – запротестовала Рита, – это бессмысленно, ты же знаешь!

– Я никого убивать и не собираюсь. Наоборот. Отойди подальше! От камня может отрикошетить.

Рита пинками погнала Сфинкса к кустам. Когда они отошли шагов на пятнадцать, сзади раздались выстрелы. Каждый выстрел сопровождался писклявым звоном свинца о камень. Из чащи волнами шло раскатистое и гулкое эхо. Вернувшись, Рита увидела, что от надписи на надгробии и следа не осталось. Четыре пули отколотили от камня целую россыпь крошева. Карабин был мощным. С таким, подумалось Рите, точно не страшно и на медведя.

– Теперь мы можем идти, – сказал музыкант, вешая ружьё на плечо, – или для начала тебе про скрипку ответить?

– Я всё сама поняла, не дура! Уже года через три тебя перестанут называть мальчиком, потому что всё человечество будет знать твоё имя.

Они пустились в обратный путь. Идти было жарко, и Рита куртку сняла. Осталась в футболке. Сфинкс успевал собирать грибы – конечно же, не в корзину, а в свой живот.

Грибов была тьма – маслята, боровики, сыроежки, рыжики. Он искал их под ёлками и у пней, ловко подлезая под буреломины. Рита молча смотрела под ноги. Димка также долго молчал, косясь на попутчицу. Вдруг спросил, когда одолели уж полдороги:

– Ты всё психуешь из-за надгробия?

– Я – овца, что тебе его показала, – проговорила Рита, подняв глаза и оглядев бор, сквозь который шли, – просто дура! Мне нет прощения.

– Дура – да, – согласился Димка, – но поступила ты правильно. Если б я эту гнусность не уничтожил, она бы тысячу других дур довела до слёз, а то и до психбольницы.

– Ты – как мой дед! – пришла в ярость Рита, – ах, мы не верим в мистику, даже если мистика бьёт нас по лбу! Лоб весь разбит, а мистики нет! Прекрасно! Зато мы – самые умные и циничные!

– А где мистика? Я реально её не вижу. Если ты видишь, то скажи, где! Камню много лет...

– Ты лучше заткнись, – перебила Рита, – можно подумать, что ты ни капли не испугался! Ты был весь бледный, я видела. Да, надгробию много лет, ну и что с того? Таких совпадений, Димочка, не бывает!

– Пусть Иван Яковлевич тебе объяснит как можно подробнее, что такое теория вероятности, – начал вдруг горячиться Димка, – он это сделает в сто раз лучше, чем я! Если ты права – большое тебе спасибо. Каждый отдал бы всё за

то, чтобы знать, когда он умрёт. Я благодаря тебе узнал это даром. Кстати, где Сфинкс?

– Да вон, за сосной. Не бойся, он не отстанет. Димочка!

– Что?

– Зачем ты так меня мучаешь?

– Я?

– Конечно! Ты издеваешься надо мной! Ведь благодаря мне ты умрёшь через двадцать лет! И ты мне ещё говоришь какую-то глупость – вместо того, чтобы сжалиться надо мной и сказать, что ничего страшного? Урод! Хам!

С этими словами Рита остановилась и разревелась. Димке пришлось её успокаивать, получая новые обзывательства и удары.

– Немедленно прекрати истерику! – крикнул он, схватив её за руки, – двадцать лет – это большой срок! Если бы не ты, я, может быть, умер бы через десять! Или через неделю. Автомобильная катастрофа, туберкулёз, кирпич на башку...

– Кирпич на башку просто так никому не падает! – продолжала беситься Рита, – не падает! Никогда! Если бы не я, ты умер бы стариком!

– Да иди ты в жопу! Я не хочу доживать до старости.

– Почему? Умереть никогда не поздно.

– Вот это бред! Как раз с этим делом очень легко опоздать. Только мудаки стремятся к тому, чтоб сдохнуть как можно позже, делая жизнь своих близких невыносимой. Стремиться надо к тому, чтобы сдохнуть вовремя!

– Это мысль, – заморгала Рита, мгновенно перестав плакать, – ты сам додумался до такого?

Димка был горд.

– Невелика мудрость.

– А как узнать, что время пришло?

– Ты всё уже знаешь.

Этот ответ окончательно успокоил Риту. В последний раз сказав Димке, что он – дурак и трамвайный хам, она соблаговолила продолжить путь.

Уже на закате, который всё окрасил в розовый цвет, они выбрались из леса, пересекли большак, и, еле волоча ноги, через луга побрели к реке. Устал даже Сфинкс, изначально розовый и благодаря закату ставший лиловым. Когда ступили на мост, Рита предложила:

– Может быть, искупаемся?

– Где?

– На Камешках. Димочка, ну пожалуйста! Я вся потная.

Димку так умолять совсем и не нужно было. Он, как все парни, люто завидовал дураку Алёшке, с которым Рита порой шастала купаться и так бесилась в воде, что визг достигал села, где все начинали орать друг другу из окон: «Внучка Ивана Яковлевича купается!»

Камешками прозвали галечный пляж между высоченным обрывом и устьем маленького ручья, втекавшего в реку. Там, к счастью, не было никого. Поплавав без визга, Димка и Рита схватили вещи свои и вместе со Сфинксом, который в силу

своей свинячести лишь попил, взошли на обрыв. Он дыбил-ся над рекой головокружительно. Загорались на небе звёзды. Сфинкс сразу лёг и уснул. Трава была очень мягкая и высокая. Когда Рита стянула с Димки трусы, он вдруг заробел. Она поняла: мальчишка, даром что умный! Надо учить.

Глава восьмая

В полночь на Камешки притащились три восхитительные особы, равных которым во всей округе никогда прежде не было: Танька, Дашка и Вика. Вике было семнадцать. За нею бегало ещё больше мальчиков, чем за Ритой, и она вила из них верёвки. Танька и Дашка, хоть были на год постарше, видели в ней весомый авторитет. Начали особы с того, что, расположившись в паре десятков шагов от свиных ушей, торчавших из зарослей, выпили самогоночки, похрустели только что выкопанной за чужим забором морковкой, и, сняв с себя абсолютно всё, ринулись купаться. От их купания по реке пошли волны и Сфинкс повёл одним ухом. Но не проснулся. Выйдя на берег, девушки хорошенько растёрли одна другую розовым полотенцем, сели на покрывало и вновь забулькали самогонкой. Закуской им послужили на этот раз бутерброды. У Димки с Ритой, которые ничего не ели вот уже сутки, от запаха колбасы закружились головы. Но, поскольку им интересно было послушать, какой будет разговор, они продолжали лежать не двигаясь. Сфинкс, который во сне похрюкивал, создавал для них некоторую опасность быть обнаруженными. По счастью, голые девки не говорили – орали, смолкая довольно редко. И ненадолго.

– Да, меня задолбала эта деревня! – орала Дашка, сидя на

пятках между двумя подругами, что лежали ничком, белея округлостями, – мой дядя – правда, двоюродный, той весной квартиру купил в ближнем Подмоскovie, чуть ли не в Долгопрудном! К нему попробую подселиться. Почему нет? Он мне всё же дядя, не хрен собачий! И, может быть, даже лучше, что не родной, а двоюродный.

– А Алёшку с собой возьмёшь? – проорала Танька, взмахивая ногами так, будто звёзды жгли ей подошвы.

– На хрен Алёшка мне? – удивилась Дашка, – я чего, дура?

– Так вы же с ним пожениться вроде хотели!

– Прикальываешься, что ли? Он Ритку лапает! И его быки пытаются забодать!

– Да Ритка уж послезавтра в Москву уедет, если её медведи в лесу не схавали! А быки, вообще, при чём?

– По-моему, это ревность.

– К Ритке?

– К коровам! Хотя, возможно, и к Ритке. Если она к соседскому поросёнку лазит через забор по ночам, хрена ей с быками не кантоваться?

Танька заржала так, что Сфинкс сквозь глубокий сон навострил оба уха сразу. Вика, грызя соломинку, проронила:

– Ритка, бесспорно, даёт Алёшке. А вот коровы вряд ли ему дают! У них есть мозги.

Это замечание рассмешило Таньку ещё сильнее. Дашке оно также пришлось по сердцу. Но она всё же прибавила:

– Если у коров есть мозги, то и у быков они, значит, есть.

Отсюда вопрос: на хрена им Ритка?

– Мозгам?

– Нет, быкам! С мозгами её всё ясно.

– С быками тоже всё ясно. Ритка им сзади напоминает корову.

Танька уже хрипела, комкая пальцами покрывало и молотья по нему ногами. Дашка обозначала восторг немногим менее бурно. Когда чуть-чуть успокоились, Вика вновь наполнила маленькие стаканчики самогонкой. Выпили. Закусили.

– А Димка-то как помчался её спасать! – заорала Танька, щёлкая зажигалкой, – ружьё схватил! Да я, говорит, сейчас всех медведей перестреляю на хрен!

– Как бы он заодно быков не перестрелял, – усмехнулась Вика, – тоже дурак! Вот деда её мне жалко. Такой отличный старик! Вы помните мой «Зенит»?

– Фотоаппарат?

– Да. Я на это лето его сюда не взяла. Надоело фоткать. А год назад он, помню, сломался. Отец смотрел, дед смотрел, потом дядя Миша, доктор наук, стал его развинчивать – ничего не могут понять! Понесли к Ивану... как его... Яковлевичу. Тот взял, да и починил!

– Да что фотоаппарат? – опять разоралась Дашка, – он трактор нам ремонтировал! Прикинь? Трактор! Муж тётки Маши и главный механизатор гаечные ключи ему подавали! Он самолёты может чинить! Всю жизнь этим занимался. А внучка, дура, в гроб его вгонит! Где она, сука, шляется? Он

весь день сердечные капли пил. Вечером хотел идти за ней в лес. Еле удержали! Соседи вместо него пошли, Борька с Петькой.

– Эти найдут, – опять покачала ногами Танька, – бутылку они найдут! Да под куст завалятся!

– Так ведь Лёнька с Колькой тоже пошли! Сашка Ковалёв собирался. И Юрка, вроде. А Пашка Мальцев с утра прямо бродит по лесу!

– Тёти Машин деверь?

– Конечно. Но он пошёл поросёнка больше искать, чем Ритку. Они ведь думают, Ритка его с собой потащила в лес.

– У этой шизоидной скотоложницы ума хватит! Виктория, наливай.

Виктория налила. Перелили в глотки. Заели. Чиркнули зажигалками.

– Кто бы мне объяснил, ну что в ней Алёшка нашёл такого? – не унималась Дашка, пуская дым, – ну, москвичка. Ему-то с этого что? Он думает, внучка Ивана Яковлевича пойдёт замуж за дурака, который умеет только кнутом махать? Размечтался!

– Он уже видит себя в московской квартире, перед компьютером, в мягких тапках! – прыснула Танька, вновь замахав нижними конечностями, – козёл! Но жалко его.

– Пожалели бы, – предложила Вика, зевая, – взяли бы вместе да пожалели.

Танька и Дашка уставились на неё растерянными глазами.

Смотрели долго. Бросив окурки в реку, переглянулись.

– Да как? – спросила вторая.

– Откуда я знаю, как? Не я, ты с ним трахалась целый год!

Вы сами коровы, что ли? Обеим по восемнадцать уже исполнилось, и не знают, как! Может быть, мне к вам его притащить, штаны с него снять, поднять и засунуть?

– Я не об этом! – вскричала Дашка, – он ведь, дурак, всё расскажет Ритке!

– Наверняка, – согласилась Танька, – а у неё порой крышу сносит. Помнишь, она за Ромкой Фроловым с ножом гонялась, когда он щенка избил?

– Ой, дуры вы, дуры! Алёшка её боится так же, как вы. Ничего не скажет. Ну что, позвать его? Говорите!

– Да как ты его сюда позовёшь? – вконец растерялась Танька.

– Да очень просто. Свистну особым свистом, и он примчится! Правда, не только он. Другие мальчишки прибегут тоже. Но мы прогоним их, а его оставим. Готовы?

– Он уже спит, – возразила Дашка, – ему вставать на заре!

– Ничего, проснётся. И побежит, натянув штаны задом наперёд! Уж я его знаю.

– И у нас будет групповой секс?

– Конечно. Ещё какой! Только без меня. Я буду руководить процессом, так как иначе выйдет не секс, а нудное скотоложество. Вы готовы, дуры? Свистеть мне?

Дуры, поколебавшись, выразили согласие. Их подруга, от-

правив окурок в плавание, неспешно и иронично поднялась на ноги, чтобы свистнуть как можно громче. Однако, Рите видеть провинциальный групповой секс под луной совсем не хотелось. Не спросив Димку, который, вполне возможно, горел желанием поглядеть, она со всей силы двинула Сфинксу пяткой в пятак. Сфинкс мигом проснулся, и, моментально почуяв великолепные бутерброды, с дружеским хрюканьем устремился к трём голым сплетницам.

Ой, что тут началось! У Вики весь воздух, набранный в рот для свиста, вышел с прескверным звуком через другое место.

– Кабан! Кабан! – душераздирающе завизжали Танька и Дашка, вскакивая, а лучше сказать – взлетая. Дальше никаких слов уж не было, один вой на высоких нотах. Он послужил восхитительным аккомпанементом сверканию голых пяток и голых задниц, стремительно удалявшихся от реки. На кочках и бугорочках прелестные тела девушек незначительно воспаряли, будто у них на миг отрастали крылья. Достигнув вяза, который рос около колодца, перед дорогой, три безобразницы с обезьяньим проворством и поросячьим визгом вскарабкались на него и расположились все на одном суку. Других, достаточно прочных, на стволе вяза в пределах их достижимости не было. Свесив ноги, они притихли, так как боялись привлечь внимание кабана. Через три минуты подошла Рита, одетая и серьёзная.

– Что это вы здесь делаете? – поинтересовалась она, встав

под тремя парами голых ног, болтавшихся в воздухе. Ей наперебой объяснили, что у реки – кабан, который набросился.

– У реки? Кабан? – спокойно переспросила она, – вы в этом уверены?

– Да, уверены! – с раздражением отвечала Вика, – мы ведь не идиотки! Если не хочешь, чтоб он тебя разорвал, быстро лезь сюда!

– Да куда – сюда? – заорала Дашка, – сук четверых не выдержит! Он сломается, и кабан нас всех разорвёт!

Танька согласилась с дочерью агронома. Кроме того, она порекомендовала Рите срочно бежать в деревню. Рита, однако, не поспешила воспользоваться её полезным советом.

– А что это вы там делали, у реки, в таком голом виде? – осведомилась она.

– Да какая разница, что мы делали у реки? – вконец разозлилась Дашка, – ты о себе бы лучше побеспокоилась! Тебя вся деревня ищет вторые сутки! Твой дед сердечные капли пьёт! И Димку все ищут. Ты его там не видела?

– Где?

– Откуда мы знаем, где ты была?

– Конечно же, у медведей! Быки меня уже не удовлетворяют. А Сфинкс процессом руководил, чтоб не было нудного скотоложества. Свиньи любят руководить. Но я и не знала, что некоторые из них умеют свистеть! Кстати, почему вы не допускаете мысли, что к вам сейчас подбежал не кабан, а Сфинкс? Ведь если я здесь, он должен быть где-то рядом.

Ответом Рите был дружный хохот и объяснение, что Сфинкс – розовый, небольшой, а напал огромный, чёрный, клыкастый, с огненными глазищами.

– Даже с огненными глазищами? Любопытно.

Справа от вяза были густые заросли. Рита к ним подошла. Достав из кармана нож, а также платок, чтоб защитить руку от волдырей, она быстро срезала три высоких стебля крапивы, после чего вернулась к трём парам великолепных ног, очень аппетитно белевших под придорожными фонарями.

– Задницы свесили, стервы! Быстро! Не то я вас в один миг на землю спущу.

– Ты что, идиотка? – взорвалась Танька, – мы тебе объяснили – здесь, рядом, бродит кабан! Ты, ..., хочешь быть растерзанной?

Дашка стала ругаться и угрожать Рите избиением.

– Вашу мать, – усмехнулась Вика, – вы что, ничего не поняли? Ей медведи, наверное, не понравились. Она хочет, чтобы кабан удовлетворил её!

– Вместе с вами.

И, подняв стебли, охотница на медведей ласково провела ими по голым пяткам своих разгневанных собеседниц. Снова раздался визг. Отчаянно заболтав ногами с риском свалиться, подружки стали умолять Риту не быть такой идиоткой.

– Если мы упадём, сюда прибежит кабан! – простонала Вика, задрав модельные свои ноги на максимально возмож-

ную высоту, – он всех нас убьёт! Зачем тебе это надо?

– Задницы свесили, – без эмоций, но в высшей степени убедительно повторила Рита, опустив стебли. Что было делать? Три сплетницы, матерясь, подались назад и сели на ляжки, позорно свесив над Ритой голые ягодницы. Ногтями им пришлось уцепиться изо всех сил за сук, чтоб не опрокинуться. Засмеявшись, Рита стала их сечь крапивой по широко раздвинутым задницам, объясняя правила вежливости и вежливо обращаясь к ним по имени-отчеству. Танька с Дашкой, взвизгивая при каждом хлопке, уверяли Риту, что не всерьёз её называли дурой и зоофилкой.

– Я ведь не говорила, что ты – корова, Риточка! – щебетала Виктория Александровна, получая больше подруг, – нет, ни в коем случае! Я имела в виду, что ты на неё похожа! Со всем чуть-чуть! Не больше, чем я! Даже ещё меньше!

– С ума сойти, – восхитилась Рита, не прекращая стегать, – как может унизиться человек от прикосновения травы к заднице!

Она так увлеклась, что даже и не заметила трёх парней, которые подошли к колодцу со стороны деревни и наблюдали за поркой, остолбнев возле фонаря. Это были Алёшка, Витька и Вовка – ещё один местный житель. Три голожопые обратили на них внимание Риты. Та отшвырнула крапиву, так как уже устала ею размахивать и внимать глупым оправданиям.

– Мальчики, там кабан, – сообщила Вика, закатывая гла-

за, – мы влезли на дерево от него! А Ритка...

– А Ритка достала вас и на дереве, – перебила Рита, – она и на облаках вас достанет, если вы ещё раз её оскорбите или обидите! Мальчики, вы пришли сюда заниматься групповым сексом?

– Нет, – пробормотал Витька, не отрывая взгляда от голых девок, которые начинали уже кривляться, поскольку больше заняться им было нечем, – мы это... мы услышали отсюда крики. Ну, и пришли.

– Вы отлично сделали. Вас здесь ждали для виртуозного секса. Надеюсь, он состоится. Слезайте, девочки! Кабана на берегу нет.

Но девочки не решались слезть.

– Отвали, – опять осмелела Вика, почёсывая ногтями зад в волдырях, – нам и здесь неплохо!

Тут из-за бугорка, который примыкал к берегу, показались двое – Димка с ружьём и Сфинкс, успешно сожравший все бутерброды. Под изумлёнными взглядами трёх парней у колодца и трёх девчонок на дереве эта странная парочка и присоединившаяся к ним Рита пересекли бетонку и побрели к деревне задами. Вскоре им вслед зазвучал отборный мат с дерева и нахальный смех от колодца.

Глава девятая

Иван Яковлевич не спал. Ему нужно было хоть чем-нибудь заниматься, чтоб не так сильно болело сердце. Сидя за небольшим верстаком в сенях, он при ярком свете настольной лампы пил слабый чай и перебирал карбюратор, тщательно промывая его детали в баночке с растворителем. Во втором часу ночи послышался скрип ступенек чёрного хода. Потом дверь чуточку приоткрылась, и вошла Рита. Лучше сказать, вскользнула. Да как-то наполовину, одной ногой оставшись снаружи. Не выпуская кованой ручки двери, она застыла с краснеющими щеками. Внучка и дед внимательно посмотрели в глаза друг другу, после чего Иван Яковлевич вернулся к своей работе. Но его руки стали дрожать. Взглянув на них, Рита с ужасом поняла, что она наделала. Но молчала.

– Где поросёнок? – сухо спросил отставной военный, вытерев одну руку тряпочкой и взяв чашку.

– Я запустила его во двор к тёте Маше, через калитку. Он убежать оттуда не сможет. Будет бродить себе вокруг дома. Утром его заметят.

Старик кивнул и сделал глоток.

– Время очень позднее. Иди спать.

– А ты спать не будешь?

– Буду, но не сейчас. Я должен закончить.

Вот это было самое страшное. Когда-то очень-очень давно, будучи совсем маленькой, Рита слышала, как Иван Яковлевич сказал кому-то, что опасается умереть во сне. Значит, у него болит сердце. Но говорить было больше не о чем. Подойдя к холодильнику, Рита вынула из него колбасу и сыр, взяла с полки хлеб, и, пожелав деду спокойной ночи, спустилась в нижнюю комнату. Там был Димка. Приставив ружьё к комоду и сняв ботинки, он крепко спал на диване, лицом к стене. Рита растолкала его и соорудила целую дюжину бутербродов. Умять их все для оголодавшей парочки было делом пяти минут. Потом Рита тихо, делая, как зайка, длинные перерывы между словами, пересказала разговор с дедом.

– А почему ты не объяснила ему, зачем потащилась в лес? – удивился Димка.

– Да потому, что он не спросил. Он сам говорил мне тысячу раз, что незачем отвечать на несуществующие вопросы.

– На несуществующие или на не заданные?

– Отстань, – разозлилась Рита, – мы сами как-нибудь разберёмся, ладно?

Димка не возражал. Но, попив воды из графина, он заявил, что должен идти домой. И ушёл. Рита не удерживала его. Ей очень хотелось спать. Уснула она при свете – не потому, что боялась, а потому, что не было сил тащиться до выключателя. Их остатки ушли на то, чтоб раздеться.

Проснувшись после полудня, она сперва покурила, а уж

потом увидела за окошком яркое солнышко и услышала птиц, которые пребывали в праздничном настроении. Они пели и щебетали по всему саду. Рита оделась и хорошенько умылась из рукомойника в огороде. На небе не было даже лёгкого облачка. Синь слепила глаза, бескрайняя и бездонная. Сделав в комнате ещё парочку бутербродов, Рита лениво съела один, и, жуя второй, отправилась поглядеть, что делает дед.

Иван Яковлевич был занят починкой крыши со стороны дороги. Расплавив в ведре гудрон, он мазал им стыки между рубероидными листами вокруг трубы. Тётя Маша, стоявшая за забором, снова о чём-то его просила. Увидев Риту, она приветливо улыбнулась ей.

– Добрый день, Ритуля! Как поживаешь?

– Здравствуйте, тётя Маша. Всё хорошо. А как вы?

– Да тоже неплохо. Есть у меня отличная новость. Мой поросёночек прибежал обратно домой!

Рита, как смогла, сделала лицо похожим на блин. Всплеснула руками.

– Вот счастье-то! Я от всей души поздравляю вас, тётя Маша!

– Спасибо, Риточка. Представляешь – калиточку сам открыл, а потом закрыл! И бегаёт, хрюкает! Я на радостях его даже расцеловала, будто сынка. С праздником поздравила. И тебя поздравляю с пресветлым праздником, моя девочка!

– И вас также с праздником, тётя Маша, – ещё обильнее

растеклась Рита липовым мёдом добрососедства, – а что за праздник-то нынче? Что-то я, грешным делом, запамятовала!

– Успение Пресвятой Богородицы! Большой, светлый, престольный праздник. Мы всем краем села соберёмся нынче у Ильичёвых, песни попеть. И Ивана Яковлевича зовём. Он песен-то знает столько, что хватит на целый вечер! Придёте ведь, Иван Яковлевич?

– Приду, Машутка, приду, – отвечал старик с высоты, – крышу долатаю, картошку выкопаю, умоюсь, да и приду. Очень много дел. Послезавтра едем уже домой.

– Так ждём, Иван Яковлевич! И Риточку ждём.

Поцеловав Риту поверх забора, соседка быстро ушла. А Рита осталась. Она хотела присесть на багажник «Волги», стоявшей возле терраски, но тот был очень горячим. Чтобы не перегреться таким же образом, Рита через калитку вышла к дороге, где была тень от большого дерева. Задрвав голову, наблюдала она за дедом Иваном. Тот, как всегда во время работы, что-то вполголоса напевал. Он любил Успение. Этот праздник был первым вздохом после тяжёлых летних работ в селе – ведь он совпадал с концом сбора урожая. А Рита больше любила Троицу, потому что это был праздник начала лета, когда каникулы – впереди. Кроме того, песни, которые пели бабы на Троицу, ей казались более мелодичными. На любой православный праздник у них имелись свои особые песни, весёлые и печальные. Начинали их петь на вечерней

зорьке, заканчивали к полуночи. Душа плакала оттого, что все эти песни, пришедшие из глубин минувших веков, теперь уходили в небытие, так как исполнительниц оставалось меньше и меньше. Ещё лет пять, и конец. Песни умирали вместе с деревней.

Две девочки и малыш из дома напротив злили щенка во дворе, бросая друг другу палку, которой он хотел завладеть. Щенок на них лаял. Взрослые из окна ругались. Прохожие поздравляли Ивана Яковлевича с Успением. Он приветливо отвечал. У каждого спрашивал, как дела. Спросил и у Риты, как ей спалось, что ела она на завтрак. Видя, что отношения восстановлены и возврата к ссоре не будет, Рита решила заговорить о Выселках. Обозначив тему и подождав, когда прогрохочет грузовик с тёсом, она задала вопрос:

– Ты туда ни разу не забредал?

– Я туда специально ходил, – сказал Иван Яковлевич, закуривая.

– Специально?

– Ну, да. Просто любопытно было взглянуть.

– И кладбище видел?

– Видел.

– Так говорят, оно проклято!

– Мы с тобой вчера уже, кажется, обсудили моё отношение ко всему сверхъестественному. Точнее, позавчера.

Рита покраснела. Вот он всё же, намёк на её ужасное поведение! Вероятно, он прозвучал случайно, и дед о нём по-

жалел. Надеюсь на это, Рита продолжила разговор:

– Интересно, кто на нём похоронен?

– Те, кто там жил.

– На Выселках?

– Да.

– А это была большая деревня?

– Нет, совсем небольшая.

– А почему её больше нет?

– Ну, как почему? Многие деревни исчезли с лица земли после революции. До сих пор они исчезают, а города растут. Это неизбежный процесс.

– Слушай, а зачем ты перед отъездом крышу латаешь? Она ведь, вроде бы, не течёт!

Старик улыбнулся, размазывая по стыку гудрон.

– А вот поздней осенью прольёт дождь, а потом ударит мороз, лёд крышу растянет, и может быть повреждение. Её надо как следует укрепить.

– Иван Яковлевич, пора железную крышу класть, – прошамкал, проходя мимо, дядя Володя-электрик, – с праздничком тебя, дорогой!

– Тебя также с праздником, – приподнял дед кепку, – а что до железной крыши, то она слишком дорого обойдётся. Не потяну.

Замедлив шаги, электрик с прищуром оглядел Риту и усмехнулся, показывая довольно редкие зубы.

– Да ты бы внучку поменьше баловал тряпками! Глядишь,

денег было бы больше.

– А ты бы, дядя Володя, меньше совался не в своё дело, – дала совет электрику Рита, – глядишь, побольше было бы у тебя зубов!

Электрик загоготал и поплёлся дальше. Дед промолчал. Несколько минут было весьма тихо, так как детей и щенка загнали домой. Иван Яковлевич курил одну за одной, ползая по крыше с ведёрком и черенком сапёрной лопатки, которым он наносил гудрон. И вдруг очень высоко в ярко-синем небе раздался грохот – внезапный, долгий, раскатистый. Задрожала земля. Качнулся забор, к которому прислонялась Рита. Она испуганно подняла глаза. В небе находился лишь самолёт. Он летел на очень большой высоте, протягивая туманный след за собой. Недоумевая, Рита спросила:

– Дед, а это что грохнуло?

– Самолёт, – спокойно сказал бывший офицер, отбрасывая окурки.

– Как самолёт? Он что, потерпел крушение?

– Нет, конечно. Преодолевал звуковой барьер. Скорость звука помнишь?

– А как же! Триста метров в секунду.

– Так вот, когда самолёт преодолевает...

– Дед! Леший с ним, с самолётом! – крикнула Рита, поверив в то, что ничего страшного не случилось, – кто жил на Выселках? Ты не знаешь?

Дед не обиделся, потому что был в приподнятом настро-

ении.

– Рита! Я, как ты знаешь, родом-то не оттуда. И не отсюда. Но слышал я, что там жил, кроме обедневших крестьян, какой-то Мутлыгин, лесопромышленник.

– Кто? Мутлыгин?

– Да. Говорят, он прожил почти сто лет, детей своих проклял, а всё имущество отписал каким-то монастырям. Я слышал легенду, что в ночь перед погребением он бесследно исчез из гроба, и гроб зарыли пустым. С тех пор ходит слух, что эта могила ждёт своего хозяина. Но другого, так как Мутлыгина чёрт не выпустит.

– А когда он помер?

– До революции.

Рита крепко задумалась. Иван Яковлевич ей не мешал, чтобы и она ему не мешалась. Оторвала её от дум Танька. Она шла вниз с двумя подруженицами, которые враждовали с Ритой уже лет пять. Одетые лишь слегка, но концептуально намакияженные, три дамы переставляли длинные свои ноги с модельной грацией и бросали по сторонам такие победоносные взгляды, будто вокруг был Лос-Анджелес. На пути у них оказалось стадо гусей с гусятами. Вступив с ними в ожесточённую перебранку, девушки одержали верх, и птицы попятились. Три старухи, которые шли навстречу, сделали девушкам замечание. Те, ни слова не говоря, продолжили путь. Заприметив Риту, Танька отстала от двух подруг, что им сказав, и подплыла лебедем. Изогнула тонкую бровь.

– Марго, ты уже проснулась? Что здесь стоишь? О, здравствуйте, Иван Яковлевич! Высоко залезли! Не упадите.

– Здравствуй, Танечка, здравствуй, – скорее сухо, чем ласково произнёс Иван Яковлевич, – купаться идёшь?

– Нет, что вы! Купаться после второго августа нежелательно. А сегодня – двадцать восьмое. Просто иду гулять. Ты где была, Ритка? Тебя искали тут всей деревней. Думали, всё!

– Я просто гуляла.

– Просто гуляла она! Вот дурочка! Ох, и внучка досталась Вам, Иван Яковлевич! Взяла бы её да выдрала, дрянь такую! Сегодня с нами пойдёшь?

– Куда? – без всякого интереса спросила Рита.

– Да мы на пруд собрались, карасей ловить. Костёрчик там разведём, пожарим карасиков!

– Вы сначала поймайте хоть одного, – сказал Иван Яковлевич, достав папиросы из пиджака, – ты думаешь, это такое простое дело?

– Ну, испечём картошечки.

– Не с чужого ли огородика?

– Нет, конечно! Свою возьмём. Ну что, пойдёшь с нами, Ритка? Там Дашка будет, Алёшка, Вика и все, все, все!

– Нет, я не пойду, – отказалась Рита, – мы с дедушкой к Ильичёвым приглашены. Сегодня ведь праздник.

Гордое лицо Таньки слегка скривилось на одну сторону.

– А тебе-то что делать там? Старушечьи песни петь? Сало жрать? Ты ж его не жрёшь! Или жрёшь?

– Да при чём здесь сало?

– Да как – при чём? Тётя Маша сало туда потащит! Она сегодня хряка зарезала раньше времени. Говорит: «Большой очень вырос, дальше растить нельзя! Невкусный получится!» Думай, думай, Риточка, что вкуснее – сало или картошка.

На другой день Рита в первый раз оказалась в психиатрической клинике.

Глава десятая

За окном белела заря. Матвей по просьбе Наташи выключил свет, и теперь они, сидя за столом, опять казались друг другу полными тайн, как пару часов назад. Но странное дело – тайны те раскрывать ни ему, ни ей уже не хотелось, как не хотелось бы читать книгу пафосного и слабого автора.

– И вот эта самая тётя Маша теперь заботится о твоей свинье? – спросила Наташа, глядя на Риту, которая от начала и до конца своего рассказа ни разу не поднялась с постели и не открыла глаз. Она говорила, будто во сне – монотонно, слабо, но внятно.

– Да, – слетело с её чуть дрогнувших губ, – да, вот эта самая тётя Маша теперь заботится о моей свинье. А почему нет? Ведь это моя свинья, и ни у кого нет права её обидеть.

– А что потом стало с Дашкой? Она жива?

– Да, она жива. Но живёт не здесь. У неё – два сына.

– А с Викой?

– С Викторией? Я слышала, что она уехала за границу, вышла там замуж. Потом вернулась, кажется. Больше я ничего не знаю о ней.

– А про Димку что-нибудь знаешь?

– Про Димку – да. Он стал вором. Его поймали и посадили. Через пять лет он вышел и снова сел.

– До сих пор сидит?

– Я не знаю. Возможно, умер. Он был болезненный.

– Любопытно! А он на чём специализировался?

Рита вдруг повернула голову к собеседнице и открыла глаза.

– Наталья, давай условимся: это был последний вопрос о нём. На квартирах.

– А что там было, на том кладбищенском камне? – вступил в разговор Матвей. Рита улыбнулась.

– Этого я сказать не могу.

– Почему не можешь?

– Да потому, что хочу забыть. А если я буду это производить, то вряд ли забуду. Я ни за что бы не рассказала эту историю, если бы не Наташа. Ты видел сам, как она повела себя! Как пиявка.

– Тебе сейчас тридцать пять?

– На прошлой неделе стукнуло.

– Ты ничем таким не болеешь?

– Да так, слегка, – произнесла Рита, поколебавшись, – почка побаливает. Она у меня одна.

– Матвея интересуют другого рода болезни, – шёпотом проорала Наташа, склонившись к Рите и в виде рупора приложив ладони ко рту, – он презервативы забыл купить!

– Значит, ты ему предъявляла справку от венеролога?

– Нет, конечно! Я его изнасиловала, как ты двадцать лет назад этого несчастного Димку. Шучу, шучу! Между нами

не было ничего. Мне, по крайней мере, так показалось.

Под издевательское хихиканье Матвей встал, давая этим понять, что некоторым длинный язык дан отнюдь не для разговоров, и подошёл к окну. Сдвинул занавеску, висевшую на струне. За окном росла старая развесистая рябина, отягощённая гроздьями. Ранним утром деревня казалась вымершей. Перед самым рассветом ветер понагнал облаков, так что было пасмурно.

– Здесь совсем колхозников не осталось? – спросил Матвей, глядя на пустую дорогу между домами, в которых трудно было представить тех, кого описала Рита в своём рассказе.

– Почти, – сказала последняя, – все – на кладбище.

– Но оно совсем небольшое! Может быть, здесь ещё одно есть поблизости?

– Третье, – снова раздался писклявый голос Наташи, который она успешно старалась делать невыносимым, – но только я о нём уже не желаю слушать. Это какое-то некрофильство! Я хочу спать. Где мне лечь?

– Где хочешь, там и ложись, – отозвалась Рита, – Матвей, так ты отвезёшь меня с яблоками в Москву?

Матвей дал согласие, но потребовал два часа спокойного сна – именно спокойного, без кошмаров, что достижимо лишь при условии, если злобную и писклявую тварь где-нибудь запрут. Наташа приятным и низким голосом заявила, что делать ей больше нечего, кроме как кошмарить какого-то идиота, однако Рита её решительно положила рядом с собой,

заверив Матвея, что он вполне может спать спокойно в любой из двух других комнат или же в мастерской.

– Пусть он спит со Сфинксом, – пробормотала Наташа, укрывшись краешком одеяла, – они друг друга поймут.

Матвей спать не лёг. Он спустился в сад, присел там на лавочку возле вишни и закурил, продолжая сравнивать то, что было вокруг, с картиной, которую незатейливыми штрихами нарисовала Рита. Только лишь рама осталась от той картины. Никто уже не пасёт, не косит, не безобразничает ночами, не поёт песен, не поздравляет соседей с праздниками. Здесь смерть наглядно продемонстрировала своё бессмертие и свои права на него. Ведь, как ни крути, смерть делает всех лучше. Вряд ли дядя Володя на фотографии, прикрепленной к надгробию, улыбается, обнажая скверные зубы. И вряд ли Танька сквозь кованые узоры ограды смотрит с наглым прищуром. Наверняка ангелочек! Матвей задумался. Отзвук юности – он откуда? Из жизни или из смерти? Если из смерти, то не поможет ли смерть усилить его?

Из дома вдруг выглянул поросёнок. Он по-хозяйски оглядел сад. Заметив Матвея, наострил ушки.

– Сфинкс! – донёсся скрипучий голос из-за забора, – кто тебя выпустил, змей отравленный? Молодой человек, это вы выпустили его? Вы с Ритой сюда приехали?

– Да, – ответил Матвей и повернул голову. За забором стояла старая ведьма – сгорбленная, морщинистая, с охапкой ботвы. Одетая была старуха именно так, как и представлялось

бы, если глянуть лишь на её лицо в какой-нибудь рамке. А ведь такой тётю Машу сделала жизнь, а не смерть! Так Матвей подумал. Вслух же он сказал:

– Здравствуйте.

– Здравствуй, здравствуй, сыночек. Твоя машина возле забора стоит? Чёрная, большая? Или Ритулька себе такую купила?

– «Шкода»? Моя.

– Загнал бы её в ворота-то! Тут ведь всякой шпаны полно ошивается! А ты, значит, новый Риткин жених?

– Да нет, я её водитель.

– Ах, вот оно что? Водитель? Ну, замечательно!

На лице тёти Маши вдруг возник гнев. Бросив ботву в яму, специально для неё вырытую, она потащилась в дом, бормоча:

– Водитель! Я тут за три копейки хряка её корми, убирай за ним, а она водителей нанимает! Ох, и зараза!

– Я только яблоки взялся ей отвезти, – попробовал было Матвей загладить свою оплошность, но опоздал. Задняя дверь дома, через которую тётя Маша в него вошла, очень громко хлопнула. Сфинкс, тем временем, жрал те самые яблоки, куда большее их число раздавливая копытцами. Заподозрив, что он голодный, Матвей решил его покормить. В бывшей мастерской, переоборудованной в свинарник, стояло много мешков с сухим комбикормом. Матвей насыпал его полную кормушку. Сфинкс умял всё. Напившись затем во-

ды из корыта, он что-то громко сказал: может быть, «Спасибо!», а может быть – «Дай ещё!» Ответив на всякий случай «пожалуйста» и «не дам», Матвей поросёнка запер, покинул дом через верхнюю половину, и, сев за руль, поспешил на кладбище.

Приближаясь к церкви, он озирался по сторонам – вдруг ещё лежат развалины школы, так изменившие судьбу Риты? Но нет, ничего похожего видно не было. Отсутствовали также и пустыри – всё было застроено, огорожено. Ну, ещё бы! Ведь минуло двадцать лет. Вряд ли и дома стояли те самые. Зато церковь точно не меняли, как и дорогу. Ввиду того, что её ухабы не позволяли развить высокую скорость, Матвей, приближаясь к кладбищу, ещё раз успел хорошенько взвесить все за и против. Машину он на сей раз оставил двумя колёсами на дороге, съезжать не стал. Днём кладбище выглядело вполне себе живописно и наводило на мысль, что зря здесь не побывал Левитан. Эту живописность, конечно же, создавали в первую очередь окружающие просторы. Путь к Танечкиной могиле Матвей не помнил. Но за пятнадцать минут он её нашёл, так как знал фамилию: Долгунова.

Рядом с надгробием была лавочка. Матвей сел и взглянул на даты. Тридцать два года. На фотографии – лет семнадцать. Не ангелочек. Вот вам, пожалуйста, и прищур – достаточно наглый, под сигарету в уголке рта, которой на фотографии, впрочем, не было. Но при этом – ни ослепительной красоты, ни роковой тайны. Одна пацанская бесшабаш-

ность – водка, наркотики, рок-н-ролл. Несмотря на это, Матвей боялся пошевелиться. Не отзвук юности, а она сама – сияющая и хрупкая, как апрельский лёд, пронизанный солнцем, юность кошечкой улеглась к нему на колени: бери меня, я – твоя, ты – мой! Она была здесь. Смерть сделала её вечной. Если, конечно, это не сон. Не сводя глаз с памятника, Матвей достал сигареты.

– Что вы здесь делаете?

Он вздрогнул и повернулся. Она стояла перед оградой, будто живая. Вот сигарета в уголке рта, вот наглый прищур. Дранные штаны, водолазка, шлёпанцы. Стоп, стоп, стоп! Ведь Рита сказала, что летом Танечка вообще не носила обуви... Нет, всё правильно, ведь сегодня – второй день осени!

– Здесь лежит моя мама. Вы её знали?

– Нет, – отвечал Матвей после долгой паузы – такой долгой, что наглый взгляд стал растерянным, – я не знал твою маму. Как это странно! У вас с ней – одно лицо.

Она улыбнулась и шумно выплюнула окурочек.

– Да, это правда. Мы с ней похожи. И мордами, и характерами. Так все говорят. А как вас зовут?

– Матвей.

Ей стало смешно.

– Понтовое имя! А это ваша старая «Шкода»? Там, у дороги стоит!

– Моя.

– На ней номера московские!

– Да, московские, – подтвердил Матвей, хотя её тон был не вопросительным. Приоткрыв калитку, она вошла и присела рядышком.

– А меня зовут Катя. Мне девятнадцать лет. Я выгляжу на шестнадцать, но мне реально весной исполнилось девятнадцать! Если не веришь, паспорт могу показать.

С этими словами Катя оторвала свой упругий зад от скамейки и раз пятнадцать ударила по нему ладонью, из чего следовало, что паспорт – в заднем кармане, и более ничего не следовало.

– Зачем мне твой паспорт? – спросил Матвей.

– Как зачем? Я ведь говорю, что выгляжу на шестнадцать лет! Многие не верят, что мне уже девятнадцать давно исполнилось.

– Пусть не верят. На хрен ты паспорт с собой таскаешь?

– Как не таскать? Смеются все надо мной, говорят – шестнадцать! Меня здесь мало кто знает, я ведь не местная. Приезжаю тётку проведать да к матери вот сходить. А что это у тебя? «Парламент»? Дай мне одну.

Они закурили вместе. Татьяна Юрьевна Долгунова щурилась саркастически, дескать: «О, молодцы какие! Вы бы ещё по стакану вмазали, и – в цветочки, ягодки рвать! Уж на что я сука была, но чтоб на могиле матери внука ей забабахивать, мне бутылки бы не хватило!» Видел Матвей, что она взирает на свою Катю и на него совсем одинаково, будто им обоим – по девятнадцать. А Катю всё тараторила:

– Я машины очень люблю! Особенно – чёрные, и с двумя педалями. А вот белые и с тремя терпеть не могу. Для кого их делают? Для дебилов, которые думают, что у них – три ноги? Я таких дебилов нигде не видела, даже в этой деревне! Ведь ноги – две! Зачем три педали?

– А у тебя когда-нибудь был кнопочный телефон? – спросил Матвей.

– Был, конечно! Мне только в прошлом году подарили сенсорный.

– А тебя не смущало то, что кнопок на телефоне – больше, чем пальцев? Я уж не говорю про компьютер.

Она задумалась.

– Ну, не знаю. Я одним пальцем все нажимала. А ты мне дашь прокатиться на своей «Шкоде»?

– А чем ты будешь нажимать третью педаль?

– Этой сексуальной ногой.

Она положила маленькую ладонь ему на бедро и стиснула его пальчиками.

– Ты будешь держать меня на коленях, папа! А если я во что-нибудь врежусь, дашь мне по заднице. Тебе сколько лет?

– Тридцать восемь.

– Да уж не ври! Тридцатник тебе, не больше. Брось ты её!

– Кого?

– Сигарету брось!

Танька наблюдала, как её дочь умело целуется, как затем пытается расстегнуть на странном мужчине брюки, как тот,

не допустив этого, на руках уносит её к машине. Ей, Таньке, было обидно. Она ведь знала, что Катька больше уж никогда не придёт сюда, на её могилу, не вспомнит даже о ней.

А чёрная «Шкода» уже покачивалась, не трогаясь с места. Она покачивалась не хуже, чем лет двенадцать назад, когда странного мужчину девушки называли красивым мальчиком. Много помнила эта «Шкода»! Вскоре её мотор заработал, после чего она дала старт и быстро ушла за пределы видимости навеки. За рулём, к счастью, была не Катя.

Часть вторая

Никогда не спорьте с Наполеоном

Глава первая

Внезапное и необъяснимое исчезновение удивительного таксиста вместе с его машиной обеих дам опечалило, но не сильно.

– Да хер бы с ним, – бодро стрекотала Наташа, уписывая за обе щёки жареную тушёнку и кабачок, который соседка – не тётя Маша, им принесла к обеду, – трахаться он, конечно, умеет, но как-то без огонька. Этот человек давно догорел. Не люблю таких! Мне бы помоложе да понаглее.

– Да уж куда наглее-то? – изумилась Рита, – ведь не успели приехать, а он тебе уже надоел!

– Да не надоел он! Просто я понимаю, что мы – не пара. Две догоревшие головешки.

Больше они никогда в своих разговорах к странному человеку на чёрной «Шкоде» не возвращались, кроме одного раза. Он, вероятно, также о них более не думал.

После обеда Рита слезила на чердак и скинула вниз дюжину корзин большого размера. Стали собирать яблоки. Сфинкс мешался. Пришлось опять его покормить.

– Он скоро у тебя лопнет, – скрипела из-за забора согбенная тётя Маша, – в этом сезоне яблочки хороши! А это подруга, что ли, твоя? Ты гляди, простудится босиком-то! До чего ж рыжая! Как лисица.

– Да, это моя подруга, – сказала Рита, – ваши обязанности на время перейдут к ней.

– Ну, и хорошо!

Опять недовольная, тётя Маша втащила в дом и хлопнула дверью. Яблок набралось девять с половиной корзин, да две с половиной набралось слив. Таких слив – больших, сочных, сладких, Наташа ещё нигде никогда не видела. Рита называла их белыми.

– Они жёлтые, – возразила Наташа, опережая Сфинкса по скорости поедания некоммерческих экземпляров, то есть с гнилым бочком, – вкуснотища сказочная! Какие там абрикосы, какие персики!

– Да ты там хорошие уже жрёшь! – возмутилась Рита, звеня у яблони рукомойником, – чем я торговать буду, мать твою за ногу? Жри херовые!

Встал вопрос, на чём транспортировать урожай в Москву.

– Двенадцать корзин! – орала Наташа, – ты в электричку с ними попрёшься? Нужна большая машина! Универсал.

– Так я закажу такси с соответствующими параметрами.

– Вот дура! А торговать ты как будешь? Поставишь эти корзины на тротуар, чтоб менты сбежались? Тебе своя машина нужна!

– Своя так своя, – согласилась Рита. Поужинав, легли спать.

На рассвете Рита взялась за дело, благо что и водительские права, и деньги, и паспорт были с собой. Заказать так-

си, доехать до Серпухова, купить там в автосалоне двадцатилетний «Форд», оформить его и уже на нём примчаться обратно было для неё делом одного дня. Вернулась она почти уже ночью.

– Ура! У Наполеона теперь лошадка! – встретила её восторгом Наташа, выбежав из калитки, – какая миленькая!

– Какой, – уточнила Рита, распахнув дверь и ставя на землю ногу в голубой туфельке, – где ты, дура, видишь лошадку? Это ишак! Заезженный, старый, вредный. Впрочем, довольно мощный. До сотни рвёт за восемь секунд! Я на нём всех делала.

Бронзовая призёрка Олимпиады возликовала ещё сильнее.

– Серый ишак! Ишак Ходжи Насреддина! Дервиши, берегитесь! Нас теперь трое!

– Четверо. Ты опять забыла про Сфинкса. Его нельзя сбрасывать со счетов. Вот тебе мобильник!

Это была кнопочная «Нокиа». Но Наташа не огорчилась. Не раздосадовало её и то, что Рита, как выяснилось, забыла купить ей обувь. Двадцать минут они разгружали огромный универсальный багажник «Форда», таская в дом мешки с комбикормом, а также сумки с продуктами, средствами гигиены, напитками, сигаретами. Потом начали грузить фрукты. Чтоб все двенадцать корзин вместились, пришлось сложить заднее сиденье. Вымотались вконец. Сели покурить на крыльце. Наташа сказала, что тётя Маша к ней приставала с

расспросами. Рита даже не стала интересоваться деталями. Она знала зеленоглазую сучку уже достаточно, чтобы вовсе не беспокоиться ни о чём. На ужин было спагетти с курицей.

– Ты когда приедешь назад? – спросила Наташа, быстро всё съев и расположившись спать на печи, чтобы окончательно войти в роль Марфушечки-душечки. Это ей удалось. На горе подушек, с торчащими из-под ватного одеяла кое-как вымытыми ногами она была колоритна. Рита, ещё сидевшая за столом, смотрела в окно, которое штурмовали ночные бабочки, и курила, пользуясь пепельницей Ивана Яковлевича.

– Не знаю. Я очень много потратила, сама видишь. Надо хоть что-нибудь заработать.

– А как теперь зарабатывают?

Этот вопрос так удивил Риту, что дым попал не туда, и она закашлялась.

– В смысле?

– Ну, ты ведь знаешь, что я отстала от жизни! Мне очень многое непонятно.

– Я ничего об этом не знаю. Ты, на мой взгляд, идёшь в ногу с веком ускоренного прогресса и гуманизма.

– О чём ты, Риточка, говоришь? Ведь мне уже сорок, а выгляжу я на тридцать! Значит, последние десять лет я не прожила.

– Я тебе завидую.

Погасив окуроч, Рита ушла в комнату напротив и легла там. Поспать ей удалось сладко, хотя Наташа после полуночи

пару раз выходила в сад, скрипя половицами. Она там гуляла вместе со Сфинксом.

Глава вторая

Вскочив до рассвета, Рита нагрела на электрической плитке ведро воды и ополоснулась в саду, а затем оделась, накрасилась, приготовила кофе, и, сделав только пару глотков, отправилась в путь. Туман над речной долиной ещё стелился. На деревенских ухабах «Форд» дребезжал и стонал, но, вырвавшись на асфальт, молча показал, на что он способен. Вести такую машину было одно удовольствие. Оказавшись на трассе, Рита заняла левый ряд и до кольцевой с него не сворачивала. На все мигания фарами за спиной отвечала резким прибавлением скорости до двухсот. К восьми тридцати утра она была в Выхино.

Её коммерческий замысел сразу начал терпеть фиаско. Казалось бы: и час пик, и припарковалась удачно – около остановок перед прямой дорогой к метро, и орала громко, открыв багажник: «Яблоки! Сливы! Дёшево!», а народ всё проходил мимо. Некоторые даже шарахались. Подошли двое полицейских. Они спросили документацию на товар. Не дослушав Риту, которая начала объяснять, что товар – с её приусадебного участка, предупредили, что если за две минуты не уберётся, будет оформлена административно – как нарушитель общественного порядка, и уголовно – как нелегальный частный предприниматель. Пришлось багажник за-

крыть, расплакаться и уехать. Бензин заканчивался. Тащить-ся на АЗС очень не хотелось. До дома, к счастью, было недалеко – только свернуть за угол.

Комнату на улице Молдагуловой Рита снимала у двух сестёр, внешне очень схожих, но по характеру разных. Их звали Ирка и Женька. Ирке было двадцать четыре. Она училась в консерватории и работала стриптизёршей в дорогом клубе. Женьке было семнадцать. Она училась на медсестру и всех раздражала. Делала она это без злого умысла, а нередко даже и с добрым. К примеру, ей иногда казалось, что некоторые девушки недостаточно хороши для своих парней и нужно хотя бы на пару дней или на неделю установить справедливость. На больший срок её не хватало. Придя домой после неудачной попытки осуществить торговый проект, Рита обнаружила в своей комнате эту самую Женьку. Женька спала на её диване – одетая и в наушниках, распустив по подушке слюни. Обувь с носками, впрочем, она сняла, но не здесь. Наушники были подсоединены к плееру. Хоть за наволочку, выстиранную три дня назад, было чрезвычайно обидно, Рита довольно долго смотрела на беспардонную тварь без должного гнева. Та, как и Ирка, очень напоминала юную Анжелику Варум. Одно слово – ангел, разве что с чёрными волосами и запахом перегара. Ну и, конечно, слюни, текущие на подушку, ангельским признаком не являлись. Смотреть на них было тяжело. Подойдя к нахалке, Рита пребольно щёлкнула её по лбу.

– Ой! – воскликнула Женька и повернулась на другой бок. Пришлось её щекотать. Не выдержав этого, мерзопакостное подобие Анжелики Варум стремительно приняло сидячее положение, и, сжирая Риту глазами глубины Марианской впадины, истерично осведомилось, что ей угодно.

– Освободи мой диван, – попросила Рита, сдёрнув с неё наушники, – я устала и хочу спать.

– Так ложись на мой! Какая тебе хрен разница, где лежать? Зачем меня мучать?

– Ты почему не в училище?

– Я болею!

– А ты не знала, что заболеешь, когда молдавский портвейн запивала пивом? Не знала?

– У меня грипп!

Пришлось дать ей по уху. Она слезла. Из Марианской впадины текли слёзы.

– Жрать хочешь? – спросила Рита, перевернув подушку.

– Очень хочу!

Дав ей ключ от «Форда» и объяснив, где он припаркован, Рита сказала, что всё его содержимое, кроме огнетушителя и аптечки, можно сожрать. Слёзы моментально остановились.

– Ты что, купила машину?

– Представь себе.

Женька убежала. Но очень быстро вернулась, уже у лифта заметив, что на ногах у неё нет ни обуви, ни носков. Натянув кроссовки, опять умчалась. Рита уже ложилась, когда со

двора вдруг донёлся надрывный шум знакомого двигателя. Покрывшись холодным потом, она вскочила и подбежала к окну. «Форд» уже сворачивал за угол, приближаясь к дороге. Схватив мобильник, Рита набрала номер Женьки. Телефон той заиграл на кухне. Она его не взяла. Что-либо предпринимать было уже поздно. Отперев шкаф, Рита извлекла из него бутылку ликёра и хорошенько к ней приложилась, после чего опять улеглась и крепко уснула.

Её разбудила Ирка, вернувшаяся с учёбы.

– Где эта тварь? – кричала она, тряся свою квартирантку ещё сильнее, чем та трясла позавчера яблоню, – мне сейчас звонили из её колледжа! Она там сегодня не появлялась! Её мобильник – на кухне, носки валяются на полу! Куда эта дура могла сорваться без них и без телефона?

Продрав глаза и собравшись с мыслями, Рита вкратце всё объяснила. Студентка консерватории театрально схватила за голову.

– О, Боже! На этом «Форде» коробка автоматическая, надеюсь?

– Нет, механическая. Откуда у меня деньги на автомат?

Ирка начала метаться из угла в угол, крича, что надо звонить в полицию, в МЧС, в больницы и в морги, поскольку Женьку учил водить какой-то её дружок-наркоман. Рита отвечала, что Женька дружит с башкой очень даже часто – сама гитару освоила и парням во дворе бьёт морды, и что бензина в «Форде» осталось только полтора литра, а денег у Женьки

нет, так что всё нормально. Ирка немедленно успокоилась. Позвала пить кофе.

– Я через десять минут приду, – ответила Рита, закрыв глаза, – мне нужно проснуться, чтобы не болтать глупости.

Через десять минут она, толком не проснувшись, пришла на кухню. Ирка ей сделала бутерброд с севрюгой и настоящий бразильский кофе. Сама она уже отдавала должное этим деликатесам, сидя возле окна. На её лице была грусть. Благодаря ей чуть более явственно выделялась одна особенность Ирки, не наносившая никакого ущерба её наружности. Правый глаз пианистки слегка косил в сторону виска.

– Сегодня работаешь? – поинтересовалась Рита, садясь за стол.

– Ещё как! Ты знаешь, кто к нам пожалует?

– Патриарх?

Ирка улыбнулась, сначала бросив взгляд за окно. Очень быстрый взгляд.

– Нет, не он. Но что за ирония? Если Иисус Христос позволял блуднице трогать себя, почему последователь его не может взглянуть, как честные девушки раздеваются?

– Потому, что честные девушки охренели! – вскричала Рита, – у бедного патриарха не хватит денег даже на одну сиську взглянуть, на самую маленькую, и даже у самой честной-пречестной! Так кто пожалует?

– Ты почти угадала, на самом деле, – признала Ирка, вновь покосившись на солнышко за окошком, – но только вместо

святого отца будет святой сын.

– Какой к чёрту сын? Откуда у патриарха дети?

– У патриарха, конечно же, детей нету. По крайней мере, не должно быть. А вот у пресс-секретаря ФСБ есть очаровательный сын двадцати трёх лет, который месяц назад стал членом правления очень-очень крупного банка.

Рита поставила чашку с кофе, сперва расплескав немножко.

– Ты говоришь про сына этого странного человека, который чуть ли не каждый день рассказывает о сотнях предотвращённых терактов?

– А про кого же ещё? У нас, слава Богу, только одна ФСБ. У неё, насколько я знаю, только одна пресс-служба. Подстава, да? А ведь у меня, как нарочно, завтра зачёт! Зачёт по специальности.

– Да, засада, – кивнула головой Рита, меланхолично жуя сэврюгу, – на твоём месте я бы сегодня позанималась.

– Риточка, мне поставили тяжелейший номер с шестом! Надо разминаться. Что, на твой взгляд, для меня важнее – сносно сыграть трём профессорам «Апоссионату» или красиво покрутить жопой перед сыном пресс-секретаря ФСБ? Ясный пень, второе! Если он мне закажет приватный танец, я сдам зачёт автоматом!

– А почему ты в этом уверена?

– О, тут есть одно обстоятельство! Потому, что он фанатеет от Анжелики Варум. А я – её копия. Даже голос могу

такой вот изобразить...

Последнюю фразу Ирка произнесла очень тонким и нежным голосом. Допив кофе, Рита внимательно на неё взглянула и закурила.

– Да, получается. Но насколько точна эта информация? Анжелику Варум лет десять уже никто и не вспоминает. А ему – только двадцать три года.

– И тем не менее, это точная информация. Для него специально искали клуб, в котором работает стриптизёрша с такой вот внешностью. Говорят, когда он увидел фотку мою, у него глаза чуть не лопнули!

– Да ты что?

– Клянусь!

И Ирка кошмарно выпучила глаза, словно демонстрация их способности лопнуть была отличным способом доказать, что она не врёт. Её озабоченное лицо от этого стало очень комичным. Однако, Рита даже не улыбнулась.

– Ну, замечательно, – проронила она, стряхивая пепел, – просто ништяк! Чем ты недовольна?

– Ритка, ты издеваешься надо мной? Кто мне говорил, что гэбню надо обходить за сто километров?

– Да это разве гэбня? – поморщилась Рита, – какая эта гэбня? Это просто мальчик с тонкой душевной организацией – не в папашу. На твоём месте я бы взяла быка за рога! Если он фанатеет от Анжелики Варум – постарайся вести себя, как она. У неё, по-моему, много клипов. Найди их и посмот-

ри. Впрочем, с ней достаточно ясно всё и без клипов.

– И это – всё, что может мне посоветовать профессиональная аферистка и проститутка? – спросила Ирка, беря со стола смартфон.

– Девочка моя! Самая прожжённая проститутка тебя уже ничему научить не сможет. Если нужна консультация экстремистки, то вот она: сделай так, чтоб этот мажор и все его братья по разуму объявили себя агентами марсианской разведки и попросились в бронированную камеру. Там вреда от них будет меньше.

– Это легко сказать! Но как это сделать?

– Да ещё легче! Выйди за него замуж и подмени себя Женькой.

– То, что ты предлагаешь – не экстремизм, – заметила Ирка, – это фашизм. Ага, вот есть видео!

Из смартфона стала звучать грустная мелодия под ударные, и почти забытый девичий голосок запел: «Целый город мокнет под дождём этой ночью и холодным днём...» Внимательно глядя, как Анжелика Варум с микрофоном и в белой шапочке с перьями двигается по сцене среди каких-то людей, Ирка посидела ещё, затем потащила в свою и Женькину комнату. Направляясь к себе через три минуты, Рита увидела, что она уже делает упражнения на растяжку, стоя в одних трусах с опорой руками на пианино. Её звёздная двойница пела «Гуд бай, мой мальчик!» От гибкого, смугловатого тела Ирки оторвать взгляд было трудно. Рита остановилась, и

у неё промелькнула мысль, что будь у этой девчонки сильный характер, она бы кашу сейчас нормальную заварила. Но ведь характер-то не приделаешь! Или всё же можно его приделать?

Следя за Ирккой, задумалась Рита так, что даже и не услышала лязг замка входной двери и обернулась только на вопль:

– Рок-н-ролл жив! Вырубай попсу!

Это была Женька. Она припёрлась с каким-то своим ровесником идиотского вида. Точнее, хипстерского. С татушками на щеках. Выставив его, против чего Женька не очень-то возражала, Ирка с Ритой заметили, что на ней – всё новое, и весьма дорогое: юбочка, кофта, колготки, туфельки, а в руке она держит акустическую гитару, также не из дешёвых. Вопрос, откуда всё это, вызвал у Женьки хохот.

– «Форд» продала! Ой, Ритка, не бей! Шучу! Держи ключик. Я продала только яблочки. Сливы съела. Ох, и вкуснющие! Что за сорт? Я не обосрюсь?

– Да где ты продала яблоки? – удивлённо спросила Рита.

– Возле метро! Багажник открыла, стою, ору: «Яблочки берём! Берём яблочки!» Расхватили за полчаса.

– А менты где были?

Этот вопрос вызвал изумление Женьки.

– Что значит, где? – спросила она, сняв туфли и сев на стул поиграть, – везде! Как всегда! А разве они могут быть где-нибудь ещё?

– Да чего ты брешешь-то, Женька? Они меня прогнали оттуда через минуту! А ты ещё на чужой машине была!

– Так ведь у тебя рожа тридцатилетней минетчицы, – объяснила Женька, взяв пару довольно сложных аккордов, – а у меня – шестнадцатилетней. Кстати, я залила полный бак бензина на самой лучшей заправке! Шестьдесят литров.

– Не вздумай петь, идиотка, – предупредила Ирка, – я разминаюсь!

Женька обиделась, и, поставив гитару в угол, пошла на кухню пить чай. Решив до конца всё выяснить, Рита к ней присоединилась.

– Откуда деньги взяла? – спросила она, следя за угонщицей. Та, звеня, грохоча и ругаясь матерно, развела в огромной эмалированной кружке почти чифирь и высыпала в него половину сахарницы.

– Откуда, откуда! Сказала – яблоки продала! Ты чего, тупая?

– Какие яблоки, твою мать? Их было килограмм двести, максимум! Даже если ты загнала их по сто рублей, чего быть не может, это – двадцатка! Туфли, в которых ты притащилась, стоят дороже!

– Я не обязана отвечать на твои вопросы.

Так заявив, ещё одна копия Анжелики Варум уселась и присосалась к чёрному пойлу. Её лицо зарумянилось, а потом стало багроветь. Глазищи моргали. И вдруг из них закапали слёзы. Расплескав чай, Женька разревелась. Ирка, ко-

нечно, этого не услышала, потому что в комнате очень громко звучала песня «Художник, что рисует дождь».

– Ты сошла с ума, – прошептала Рита, подойдя к плачущей и обняв её, – что случилось?

– Что, что! Я – тварь! – выла Женька, пуская целые ручьи слёз, – я сука проклятая! Я влюбилась!

Всё, что угодно Рита ожидала услышать, только не это. Как у неё отлегло от сердца! Как улыбнулось солнышко за окном, укладываясь на крыши многоэтажек!

– Вот оно что! В кого? В этого мальчишку с татуированными щеками?

Женька не сразу въехала, о ком речь. Поняв, разоралась:

– При чём здесь он? Я даже не знаю, как его звать! Какой-то упырь! Просто попросил его подвезти.

– Подвезти? Куда подвезти-то? К тебе домой?

– Откуда я знаю? Я ничего о нём не желаю знать! Мне неинтересно, куда ему было нужно! А тот – художник! Он мне сказал, что будет рисовать дождь...

Последнее слово оборвалось рыданием. Песня, полная самой страшной, самой глубокой грусти – грусти сентябрьского дождя, всё ещё звучала. О, как она была тяжела!

– И тебя с зонтом? – улыбнулась Рита, погладив Женьку по волосам, густым и растрёпанным, будто грива, – под алым клёном?

– Да, да, да, да, – прохлюпала Женька, – под алым клёном, как в этой песне поётся!

– Когда ты с ним познакомилась?

– Вчера, днём! Сидела на остановке, он подошёл и сказал... Да какая разница, что! Это совершенно неважно!

– А сколько лет ему?

– Двадцать! С чем-то.

– И он – художник?

– Художник! Я у него была. Он мне показал, как рисуют и что уже нарисовано. Он купил мне гитару! А остальное всё я купила на свои деньги. Я правда яблоки продала! И твою машину сама заправила.

– Ты его покатила на ней?

– Чуть-чуть. Ему было некогда. Он ведь учится! Твои сливы очень ему понравились.

Песня смолкла. Другой за ней не последовало. Из комнаты грянул шквал «Апоссионаты». Ирка решила всё же позаниматься перед зачётом. Женька поёжилась. Её плач стал тихим.

– А почему ты тварь и сука проклятая? – продолжала допрашивать её Рита.

– Как – почему? Он ведь очень бедный, а я его раскрутила на дорогую гитару! Кто я, если не сука?

– Сучка, – чмокнула Рита мокрую щёчку и распрямилась, держа ладонь на Женькиной голове, – противная, наглая, очень глупенькая. О, Боже! Почему лишь опять попался тому, кто о нём ни разу даже не думал?

– Кто? Кто попался? – вскинула Женька часто моргающие

глаза, – какой ещё лить?

– Золотая рыбка. Не обращай внимания. Я хотела спросить, за что тебе это счастье?

– Какое счастье?

– Счастье встретить художника, что рисует дождь, и с ним захлебнуться этим дождём! У тебя есть чувство, что ты – любимчик Всевышнего, что его рука – на тебе? Я знаю, что нет. Почему вы все, кого он так любит, не замечаете этого, не желаете замечать? И почему я, мечтающая об этой любви, её не имею? Чем я так провинилась? Почему Бог ни разу не прикоснулся ко мне хотя бы кончиком пальца?

Женьке внезапно стало смешно.

– Риточка, ты съехала окончательно? Уже Богом себя считаешь?

– Я? Богом? Себя? – изумилась Рита, – с чего ты это взяла?

– Да твоя рука – на моей башке, овца ты тупая!

Рита отдёрнула руку так, будто к ней вплотную подползла кобра. Женька расхохоталась. Ураган нот за стеной вдруг стих. Выскочила Ирка.

– ... вашу мать! У меня осталось десять минут, чтоб позаниматься! Можно потише?

– Не смей на бога орать! – заорала Женька, – сгинь, мелюзга! Ничтожество! Жалкий червь! Блоха! Вошь! Букашка!

– Что ты там вякаешь? – потемнела Ирка глазами, – тебе сейчас уши оторвать? Или завтра, когда ты, сволочь, проспиться?

Рите не без труда удалось погасить конфликт. Старшая сестра продолжила заниматься. Младшей, которая перестала плакать и допивала свой страшный чай, Рита предложила поехать в торговый центр «Вешняки».

– А что ты хочешь купить-то? – спросила Женька, – презервативы?

– Почему сразу презервативы?

– Я ни за чем другим не поеду! Я всё купила уже. Да и зачем ехать? Пешком идти – пять минут!

– А вот у меня ни одной нет лишней минуты. Короче, едешь ты или нет?

Женька согласилась. Пока Рита одевалась, настали сумерки. У подъезда девушкам повстречались трое парней, приятелей Женьки. Очень неплохо знали они и Риту. Она пила с ними пиво и позволяла им идиотничать, несмотря на разницу в возрасте. Поприветствовав дам и даже немножко их потрепав, ребята спросили, куда они собрались.

– За презервативами, – был ответ со стороны Женьки.

– Зачем далеко ходить? У нас есть!

– У вас – слишком маленькие. Под вас.

Парни не обиделись. Проводив машину, в которую важно сели Рита и Женька, недоумёнными взглядами, они стали думать-гадать, откуда она взялась. Но вскоре их мысли вернулись в прежнее русло, и они тут же сошлись во мнении, что Ритуха – покруче Женьки и даже её сестры, особенно сзади.

Глава третья

- А давай купим ему пиджак, – предложила Рита.
- Кому?
- Художнику твоему. Как, кстати, его зовут?
- Не скажу.
- Вот дурочка! Он высокий?
- Средний.
- Широкий?
- Нет.
- Толстый?
- Сама ты толстая! Тонкий!

Клубные пиджаки, а также и деловые, были представлены на втором этаже. Народу там было много. Рита зачем-то шла напролом. Ей как будто нравилось быть толкаемой и толкаться. Впрочем, она с ахами и охами извинялась, даже когда толкали её. А Женька, наоборот, вела себя мерзко. Ей дважды сделали замечание, о чём сразу и пожалели. Пиджак купили зелёный, стёганый, дорогой. Заплатила Рита. Покупку им завернули и обвязали ленточкой.

- Где здесь презики продают? – спросила у продавщицы Женька, взяв свёрток. Рита её оттащила за руку от прилавка.
- Забей на презики! Я бы парню в таком крутом пиджаке давала без них. Помоги мне выбрать пафосное коктейльное

платье.

– Ты что, больная? – вскричала Женька, обычно видевшая на Рите джинсы и пиджаки, а то и жилетки, – твой стиль – это унисекс! Коктейльное платье на тебе будет, как на королеве седло!

– Сама ты, блин, королева... то есть, корова! Я создаю сценический образ для декламации.

– Для чего?

Рита объяснила значение неизвестного Женьке слова. Для Женьки не оказалось сюрпризом то, что её квартирантка пишет стихи. С некоторыми она даже была знакома, читала их на различных сайтах.

– Где это будет происходить? – спросила она, идя вместе с Ритой вдоль рядов платьев.

– В «Ватрушках». Уже через два часа.

– Это что такое? Кафе?

– Да, литературное. И там, кстати, великолепно готовят. Ты хочешь съесть жареную уточку и запить её хересом?

– Чем запить?

Рита объяснила, что херес – это напиток, притом спиртной. Женька, тем не менее, наотрез отказалась ехать. На это ей было сказано, что её согласие и не требуется.

– Знай: если ты интеллектуально не разовьёшься, твой Рафаэль нарисует тебя такой, какая ты есть, – предостерегла Рита, – ты этого добиваешься?

– Да, представь себе, – оскорбилась Женька, – именно это-

го!

– Тогда зонт и клён, боюсь, станут лучшей частью картины... Ого! Смотри, какой вот у этого голубого платья чудненький поясок над жопой! Прямо тридцатые годы! Именно это платье я и возьму, если подойдёт.

Платье пришлось впору. Также купив чулки и туфли на шпильках, Рита переделалась во всё это окончательно, и соседки вышли на улицу.

– Ловко ты это делаешь, сучка, – сказала Женька. Она тащила пакет со снятыми Риткиными вещами.

– Что ты имеешь в виду?

– Из чужих карманов деньги выуживаешь! Научишь?

– Конечно, нет. Воровать, как и сочинять стихи, нужно лишь тогда, когда ты не можешь этим не заниматься. Я тебя буду учить хорошим вещам. Ты помнишь, как Иисус сказал рыбакам: «Идите за мной, я сделаю вас ловцами человеков!»?

Женька глубокомысленно промолчала. Когда уселись в машину, она надела наушники, подсоединённые к плееру, и закрыла глаза. Рита, между тем, с помощью смартфона определила, что достичь центра проще всего будет через МКАД и по Волгоградскому. Запуская мотор, она ещё раз подумала: стоит ли? И опять решила, что да.

По МКАДу пришлось ползти на второй. Поглядев на Женьку, которая недовольно спала, Рита набрала короткое сообщение. Ей немедленно позвонили. Она ответила:

– Привет, Светка! Ты занята?

– Минут десять есть, – мяукнул мобильник, – корпоративчик у нас! Никак не доеду.

– Мигалку, дура, включи!

Света рассмеялась.

– Риточка! Если все судебные секретутки с мигалками начнут ездить, то фонари будут не нужны!

– Но ты уже не судебная секретутка, а прокурорская!

– Твою мать! Паскуда! Как ты пронюхала?

– Дура, что ли? Если ты едешь сейчас на паре гнедых, оглянись вокруг! Да, вам, прокурорским, не хочется покидать семнадцатый век, где ваши проблемы решала дыба, но на дворе уже двадцать первый!

– Без тебя знаю. Мне просто не пришло в голову, что Наполеон добрался до интернета. Чего звонишь?

Рита заняла правый ряд. Сворачивая на Волгоградский проспект, спросила:

– Нас сейчас кто-нибудь может слышать?

– Нет. Говори быстрее, я уже близко!

К центру поток шёл под шестьдесят. Набрав эту скорость, Рита опять взглянула на Женьку. Та, склонив голову, распустила слюни по подбородку.

– Светочка, конкуренты ваши совсем отбились от рук. Подпольные казино крышуют. Ты ничего об этом не слышала?

– Ритка!

– Что?

– Ты пьяная?

– Нет. Я еду по Волгоградке, на своём «Форде».

– Откуда «Форд» у тебя?

– Купила. Мне продолжать? Или нажать сброс?

Света колебалась.

– А ты о ком говоришь?

– Иди на три буквы, – очень спокойно сказала Рита, – на три, на три! Поняла? Или их назвать? Ф – первая...

– Поняла, не дура! Откуда знаешь?

– От одной девки. Она у них там работала, а потом решила, что может взять их за горло и потрясти.

– Она – идиотка?

– Нет, она умная. Даже очень. Всё у неё сорвалось из-за идиотской случайности – она ведь была одна! А нас теперь двое. Точнее, трое. Её никак нельзя обойти.

– Говори яснее.

– Куда яснее-то? Твоему начальству наверняка очень хочется наступить на хвост этому трёхголовому чудищу. Ведь у них – взаимное обожание! За три ляма в американской валюте я предоставлю эту возможность. Дам адресок. Всё поняла, Светочка?

– За три ляма?

– Конечно! Мне, тебе, ей. Светка, поработай башкой! Твоя гоп-компания клюнет. Ведь трёхголовые их ловили на крышевании казино! Есть великолепный шанс отыгаться.

– Ты ненормальная! Эти люди – знаешь, какие жадные? Меня грохнут только за то, что я зайкнусь про такую сумму! Оно, вообще, в Москве, это казино?

– Эти казино, – поправила Рита, – и ни одного слова я более не скажу, пока не увижу деньги! Короче, я жду звонка от тебя.

– Сказала уже, отстань!

Раздались гудки. Рита начала тормозить, так как впереди горел красный свет. Тут проснулась Женька. Поправив правый наушник, съехавший с уха, она зевнула, утёрла ладонью слюни и огляделась по сторонам.

– Что слушаешь? – очень громко спросила у неё Рита, – наверное, группу «Стрелки»?

Она её не услышала. Дожидаясь зелёного, Рита набрала номер Наташи. Та взяла трубку сразу.

– Ритка, привет! Я – в доме. Сфинкс – у себя. Поел. У нас всё отлично. Как у тебя дела?

– Ничего. Есть новости.

– Ну?

– А я их пока не знаю! Но они есть. Ты всё поняла?

– Конечно, – сказала бывшая чемпионка, и, рассмеявшись, ушла со связи. Следующий звонок был в «Ватрушки». Рита общалась с администратором, разгоняя «Форд».

– Это Маргарита Дроздова. Я буду через пятнадцать минут, со своей подругой. Пожалуйста, приготовьте утку.

– Сделаем, Маргарита Викторовна. Но, разумеется, не че-

рез пятнадцать минут. Тут все уже собрались.

– Ого! Кто бы мог подумать? Обычно я всегда была первой. Постараюсь двигаться побыстрее.

Но это было легко сказать. Трафик усложнялся. Когда свернули на Пятницкую, чудом не зацепив «Мерседес», Женька, сняв с головы наушники, заявила, что хочет ехать домой, так как не желает сегодня ни с кем общаться.

– Ну, и отлично, – сказала Рита, – ты будешь молча сидеть. Молчание – золото. В твоём случае – бриллиант.

– А хочешь узнать, какую я музыку слушаю? – вдруг спросила Женька, явно польщённая комплиментом. Рита с тяжёлым сердцем и задрожавшим голосом согласилась, решив в случае чего прикусить язык, чтоб не разораться. Но, когда Женька приставила к её уху наушник, она от ошеломления свой язык чуть не проглотила.

– Это ведь «Битлз»!

– Да, – подтвердила Женька, – знаешь, я очень люблю рок-н-ролл. А самый крутой рок-н-ролл – у них.

– Полностью согласна. Но почему ты «Битлз» слушаешь только через наушники?

– Потому, что пусть они для других молчат! Уж если моё молчание – бриллиант, то ихнее – эшелон с бриллиантами.

Так ответив, Женька надулась и стала молча глядеть вперёд. Молчала и Рита. Только уже паркуя машину возле «Ватрушек», она заметила:

– Твой художник за два часа ни разу не позвонил тебе. И

ты также ему, по-моему, не звонила и не писала. Разве это нормально?

– Да, это очень даже нормально, если человек занят делом.

– А кто из вас занят делом – ты или он?

– Я – не человек, – возразила Женька, – я – бриллиантовый ангел. Но я умею яблоки продавать.

Рита промолчала. Ей стало грустно.

Глава четвёртая

Очень известный поэт, публицист, филолог и педагог Дмитрий Бликов прибыл в кафе «Ватрушки» после публичной лекции в ЦДЛ, которую он читал почти два часа. Лекция была о Цветаевой. Несмотря на дороговизну билетов, зал, как обычно на выступлениях Дмитрия Львовича, был битком. Администраторам пришлось даже поставить стулья в проходах. Часть слушателей составляли студенты Бликова. Одному из них – точнее, одной, которую звали Люба, он после лекции предложил составить ему компанию. Она с радостью согласилась. Уехать им удалось только через час – Бликову пришлось подписать пару сотен книг и пожать ещё больше рук. Оба этих дела Дмитрий Львович был вынужден, как говаривала Раневская, не закончить, а прекратить.

Любочка была невысока ростом, очень тонка, любопытна. Носила шляпу. Она была ей к лицу. Точнее – к глазам, в которых сиял целый океан тоски по романтике.

– Дмитрий Львович, а вы в «Ватрушках» тоже будете читать лекцию? – поинтересовалась Люба в машине. Сворачивая с Большой Никитской в плотный поток Садового, Дмитрий Львович ответил:

– Ты издеваешься, Любка? Если бы я читал сегодня не о Цветаевой, у меня хватило бы сил ещё на одну, а то и на

парочку. Но Марине Ивановне, сама знаешь, шести ручьёв пота мало. Ей нужно семь.

– Надо полагать, именно по этой причине Цветаева изменяла Эфрону, – предположила Любочка. Дмитрий Львович вздохнул.

– Ну что ты за существо такое? Эфрон простил, а ты всё никак не можешь!

– Я просто анализирую. А вы помните, Дмитрий Львович, как вас полгода назад просили сравнить Цветаеву и Ахматову?

– Эту просьбу я слышу по пять раз в день ежедневно, – сказал поэт, воспользовавшись задержкой движения, чтоб достать сигарету и закурить, – почему именно тот случай тебе запомнился?

– Потому, что вы дали довольно странный ответ. Вы сказали: «Ахматову я люблю, а Цветаеву я всего лишь боготворю».

Бликов улыбнулся, возобновляя движение.

– Да, я мог так сказать.

– Тогда объясните мне, почему нельзя любить Бога?

– Не передёргивай. Бога можно любить, но можно и не любить, – сказал Дмитрий Львович, – давай об этом поговорим в «Ватрушках». Возможно, этот вопрос там сам собой снимется.

– Каким образом?

– Видишь ли, там будет одна особа, которая, несомненно,

сопоставима с Цветаевой.

– Это кто, позвольте осведомиться?

– Ритка Дроздова.

Люба брезгливо сморщила носик. Она имела глубокий аналитический ум, но стихи писала довольно слабые, и поэтому к конкурентам была безжалостна.

– Дмитрий Львович, а кто там будет ещё? – опять пристала она.

– Два-три человека.

– Всего лишь?

– Да. Но ты не соскучишься.

– Кто они?

– Я пока сохраню интригу.

Путь до Новокузнецкой занял чуть больше времени, чем планировал Дмитрий Львович. Парковочное местечко около заведения для него, как обычно, приберегли. Столь любимое многими литераторами, особенно начинающими, кафе состояло из нескольких помещений. Во-первых, там был, собственно, зал со столиками и баром. Справа к нему примыкала очень просторная комната с книжными стеллажами, где опоздавшие на метро имели возможность всю ночь читать, подбадривая себя десятками сортов кофе, слева – другая комната, также со стеллажами, длинным столом и стульями. Вот за этим самым столом и происходили литературные семинары, дебаты, чтения. Дмитрий Львович был постоянным участником этих мероприятий. Обычно он приезжал

раньше остальных, чтоб часок-другой полистать редкие издания. Но на этот раз его уже ждали.

Интрига, которую он хранил, раскрылась мгновенно после того, как Любочка вошла в зал. Она обладала неплохим зрением, а народу было не так уж много. За барной стойкой сидели, споря о чём-то на всё кафе, Таня Шельгенгауэр – журналистка с «Лиха Москвы», и две знаменитые хулиганки, считавшие себя поэтессами мирового масштаба – Настя и Маша. Фамилии этих двух кощунниц, которые своей пляской в храме Христа-Спасителя пробудили в русском народе самые светлые его качества, знали даже Мадонна и Пол Маккартни.

То, как повёл себя Дмитрий Львович, Любочку огорчило. Не удостоив вниманием остальных посетителей, поголовно включивших в своих мобильниках фотокамеры, он тепло поприветствовал и продажную журналюгу, и двух её собутыльниц – наглые рожи расцеловать не побрезговал, а потом заказал такой же противной официантке чаёк с ватрушками для себя и для своей спутницы. Спутница воспротивилась было, но педагог её успокоил:

– Любка, расслабься! Те килограмма три, которые ты наберёшь от этих ватрушек, будут твоими лучшими килограммами.

– Какой ужас! – вскричала рыжая журналистка, – Дима, чему ты девочку учишь, если её филейная часть может оказаться ценнее мозга?

– Танечка, я такого не говорил, – парировал Дмитрий Львович, – я совершенно ясно сказал: «твоими лучшими ки-лограммами»! А мозг Любы принадлежит истории, потому что он уникален. Будьте добры подать чай в ту комнату! Нам уже пора начинать.

Для Любочки было дикостью то, что некая журналистка тридцати лет при многих свидетелях назвала её педагога Димой. Он ей в отцы, конечно же, не годился, но, тем не менее – кто она и кто он! А что было делать? Не оскорбляться же за него!

Впятером уселись за длинный стол, оставив дверь приоткрытой – музыка и спокойные голоса из зала не нарушали сакральную атмосферу литературного клуба. Студентка заняла место рядом с преподавателем, пробегая глазами корешки книг, стоявших на стеллажах.

– Я рад вас здесь видеть, – сказал филолог двум поэтессам и журналистке, которые расположились напротив, – с чего начнём?

– Начнём мы с драматургии, хоть Танька будет орать, – отозвалась Настя, вынув из рюкзака какую-то папку, а из неё – листы с текстом, – мы тут вдвоём двухактную пьесу начали сочинять про самих себя, и вот теперь думаем, стоит ли продолжать?

– Хороший вопрос, – с комичным глубокомыслием приложила Таня палец к щеке, – а вы, вообще, задумывались над ещё более великолепным вопросом – стоит ли начинать?

– Если не задумывались, то правильно делали, – поддержал писательниц Дмитрий Львович, – ведь без энергии заблуждения ничего бы не было вообще, по мнению Льва Толстого. Как называется ваша пьеса?

– «Третий стакан», – ответила Маша, бросая взгляд на соавтора. Та воскликнула:

– Нет, не «Третий стакан»! «Король утрашения»! Пусть хотя бы название этой пьесы будет вменяемым.

– Прочитайте, – предложил Бликов, – вместе подумаем, как назвать этого ребёнка.

Тут внесли чай, а также ватрушки. Слушая девушек, по ролям читавших своё творение, Дмитрий Львович и Любочка предавались чревоугодию, а ехидная журналистка – общению в соцсетях. Пьеса обрывалась примерно на середине первого акта. Сложив листы, писательницы воззрились на Бликова без малейшей надежды на снисхождение. Он молчал, барабанил по столу пальцами. Его мысли были, казалось, где-то за горизонтом.

– Ад, – свирепой болонкой твякнула журналистка, не отрывая глаз от «Самсунга Гэлакси», – ад в аду. Адище! Девочки, вы обязаны завершить её, чтоб войти в историю ещё раз и впредь из неё не выйти. Ведь Шопенгауэр утверждал, что творения оставляют в ней более глубокий след, чем деяния. Правда, Дима?

– А ты что думаешь? – обратился Бликов к студентке. Настя и Маша немедленно закурили, давая этим понять, что

они здесь вовсе не для того, чтоб слушать кого ни попадя.

– Я расцениваю это произведение как литературную неудачу, – начала Люба, ни капельки не смутившись, – драматургия предполагает некоторое утрирование, особенно в диалогах, но здесь оно бульдозером давит всё, кроме главной мысли.

– А в чём она? – психанула Настя, гася только что начатую сигарету, – если бульдозер раздавил всё, кроме главной мысли, то, значит, ты её ясно видишь! Так в чём она? Сформулируй!

– Отстань от девочки! – вдруг вошла во гнев журналистка, – я сформулирую вашу глупую мысль! Она не оригинальна: моральный мазохизм гения. Тоже мне, Сираножки де Бержераки! Тупьё бездарное!

– Дура! – рявкнула Маша, – борьба с драконом – это не мазохизм, моя дорогая! Это – единственный способ выжить!

Под эту реплику в комнату вошла Рита, а следом – Женька с печатью скепсиса на лице, старательно сохраняемой. Дмитрий Львович и Любочка вежливо поздоровались с вновь прибывшими, а три спорщицы лишь кивнули. Им уже было не до любезностей.

– Я фигею в этом дурдоме! – стискивая в руке телефон, верещала Танечка, пока Рита с Женькой усаживались, – позвольте осведомиться, какого ж ... вы не остались в Америке, где Мадонна бы вас научила петь, а Мик Джаггер – сочинять песни? Нет, вы сюда опять притащились, к дракону в пасть!

Думали, вас ждут, как богинь? Какие же вы смешные, девочки!

– Видимо, очень, раз ты отбросила все дела, чтоб над нами ржать, – заметила Настя. Танечка лишь махнула рукой, и повисла пауза. Дмитрий Львович закуривал. Рита весело улыбалась Насте и Маше, однако те сидели взбешённые. Женьке был непонятен смысл происходящего, но она почему-то не ощущала себя здесь лишней.

– Как вас зовут? – спросил её Дмитрий Львович. Она представилась.

– Интересно, когда Цветаева из Парижа сюда вернулась в разгар террора и голода, она также чувствовала себя богиней, сошедшей в ад? – вдруг спросила Любочка. Дмитрий Львович взглянул на неё внимательно и ответил:

– Да. Более того – она и была настоящим Богом, сошедшим в ад.

– Это как понять-то? – пробормотала Танечка, обводя всех взглядом – уж не ослышалась ли? Похоже было, что нет. На Бликова все смотрели с недоумением.

– Это очень легко понять, прочтя все Евангелия, в том числе «Мастера и Маргариту», – ответил тот, погасив окурок, – вспомните: сатана приходит в Москву тридцатых годов. И что он здесь делает? Ну скажите, что он здесь делает?

– Всевозможные чудеса, – дала неуверенный ответ Рита, переглянувшись с Танечкой, – воссоединяет влюблённых.

– Это – не первое, что он делает. Что он сделал сначала?

Вспомните, что?

– Ну скажи, скажи! – воскликнула Танечка, – мы не помним.

– Он удивился. Если не сказать – ужаснулся. Не страшно вам? Прародитель зла ужасается, видя то, что творится здесь, где девятьсот лет огнём, мечом, розгами насаждали Господа! А Марина Ивановна, которой принадлежат слова «А я – до всякого столетья», прибыв сюда в те же годы, просит принять её на работу посудомойкой. И получает отказ. Вспомните евангельскую притчу о богаче и Лазаре: «Отче Аврааме! Отпусти Лазаря омочить палец водою и дать мне его лизнуть – я мучаюсь в огне этом!» А Авраам отвечает: «Сын мой! Не знаешь ты, о чём просишь. Меж нами – пропасть, и никто не может перейти её ни в ту, ни в другую сторону!»

– А при чём здесь Бог? – не унялась Танечка.

– То есть как, при чём? Иисус Христос, который сказал про себя: «От начала сущий», три дня – от своей физической смерти до воскрешения, был в аду. В Библии написано прямым текстом: «И мёртвым, сшед, проповедовал». Тут загадка. О чём, а главное, для чего он говорил с мёртвыми, коль у них, если верить притче о богаче и Лазаре, шансов нет? Путь к разгадке указывает Цветаева.

Вскинув голову, Дмитрий Львович продекламировал:

Есть счастливицы и счастливицы,

Петь не могущие. Им —
Слёзы лить! Как сладко вылиться
Горю ливнем проливным!

Чтоб под камнем что-то дрогнуло.
Мне ж – призвание как плеть.
Меж стенания надгробного
Долг повелевает петь.

Пел же над другом своим Давид,
Хоть пополам расколот!
Если б Орфей не сошёл в Аид
Сам, а послал бы голос
Свой, только голос послал во тьму,
Сам у порога лишним
Встав – Эвридика бы по нему
Как по канату вышла...

Как по канату и как на свет,
Слепо и без возврата.
Ибо раз голос тебе, поэт,
Дан, остальное – взято.

– Но вы здесь сами с собою спорите, – возразила Рита, –
зачем поэту и, уж тем более, Богу встречаться с мёртвыми,
если даже Орфей мог к ним только голос послать?

– Но ведь не послал же, спустился сам! А уж если даже Орфей к ним спустился сам, то как было это не сделать Богу с его необъятной милостью ко всему, что он сотворил?

– Значит, долг поэта – встречаться с мёртвыми?

– Риточка, я не знаю, что ты подразумеваешь под словом «долг» и под словом «мёртвые». Наша жизнь, возможно – всего лишь сон, а смерть – пробуждение. Что есть ад? По моему, это – вечное сожаление обо всём, а рай – это адекватное восприятие. Мы с тоской вспоминаем то, что было нам отвратительно, полагая, что если оно вернётся – мы, поумневшие, будем счастливы. Никогда! Но это нам не докажешь.

– То, что Вы говорите – невероятно! – вскричала Любочка, – почему Вы об этом не рассказали во время лекции, Дмитрий Львович?

– О чём я не рассказал, моя дорогая? О том, что та, у которой всё, кроме голоса, взято, встречалась с мёртвыми, пользуясь правом Бога? Да потому, что я – атеист. Исходя из этого, меня там мало кто понял бы. Я не думаю, что и здесь меня поняли. Плюс к тому, схлопотать два года за оскорбление религиозных чувств идиотов я не хочу. Уж лучше поберегу себя для другой, менее дурацкой статьи. Простите, Настя и Маша! Я не хотел вас обидеть.

– Граждане! У меня ощущение, что я – в дурке, – вздохнула Таня, – то мёртвые, то не мёртвые, то живые, то не живые! То Бог, то дьявол! Дима, ты не привёл ни единого доказательства – одни странные совпадения. Хоть соври для

приличия, что Цветаева невредимая проходила сквозь толпы жаждущих с ней расправиться, как это делал Христос после диспутов с фарисеями, что она...

– Могу завернуть покруче, Танечка: могил нету! – перебил Бликов, – нет ни его, ни её могилы. А вот что пишут о ней некоторые люди из круга её общения в предвоенной Москве: «Она с мёртвым Блоком встречается на мостах!», «Никто за этим столом не оказался ей равен» и «Она вся – в облаках, вне Времени!» Убедительно?

Танечка не успела ответить, поскольку в зале внезапно раздался шум, несвойственный заведению.

Глава пятая

Это был топот множества ног и громкие крики с матом. Они пугающе приближались. Также были слышны насмешливые угрозы – видимо, адресованные охране. Песня «Мишель», звучавшая в зале, оборвалась. В комнату вбежали две испуганные дамы – администратор и барменша.

– Дмитрий Львович! Там... там толпа! Они хотят к вам!

– Если очень сильно хотят, тогда пропустите, – распорядился Бликов, будто дрожащие девушки обладали возможностью поступить каким-нибудь иным образом. Обе чудом успели выскользнуть из литературной комнаты до того, как та стала наполняться прелюбопытнейшим содержимым.

Сперва вошло десятка полтора женщин с иконами, судя по одежкам – монахинь. Монашеского смирения на их лицах не наблюдалось, но сомневаться в подлинности икон оснований не было, так как те внушали священный трепет. По крайней мере, у Женьки коленки дрогнули. Вслед за женщинами ввалилось десятка два казаков при крестах и шашках, примерно столько же молодых людей в футболках с надписями, гласившими: «Православие или смерть!», и отряд джигитов – впрочем, без лошадей. Всю эту процессию замыкал человек с известным лицом и следовавший за ним оператор с отличной камерой. Он снимал. Эта парочка, энергично про-

шествовав сквозь расступившуюся толпу, оказалась прямо перед столом. Возгласом и жестом установив тишину, человек с известным лицом оглядел сидевших, и, усмехнувшись с крайней многозначительностью, сказал:

– Именем Всевышнего всех приветствую!

– Поприветствуйте и Всевышнего от моего имени, – проронил Дмитрий Львович. Хотела что-то сказать и Танечка, но поэт мотнул головой, давая ей знак молчать. Тогда она, взяв мобильник, включила видеокамеру. Настя с Машей последовали её примеру.

– Колоритное сборище, – продолжал человек с известным лицом, имея в виду, как ни странно, вовсе не свою свиту, а шестерых участниц литературного семинара, – две уголовницы – осквернительницы святынь, безумная сочинительница похабных и экстремистских стишков, продажная журналистка, две несовершеннолетние девочки. Любопытно! Не педофил ли вы, Дмитрий Львович?

Любочка попыталась было сказать, что она давно совершеннолетняя, но её голосок потонул в других, гораздо более громких звуках.

– А вы, никак, гомосексуалист, господин депутат Госдумы? – предположил Дмитрий Львович после того, как грянувший вслед за речью известного человека вой, визг и звяканье шашек смолкли, – ведь в вашей свите гораздо больше мужчин, чем женщин. Кроме того, вы ведь оказались в Госдуме только благодаря своему хозяину, с подозрительной

щедростью уступившему вам мандат! За вас не проголосовал никто, насколько я знаю.

– Вы, как всегда, без грязи не можете, господин писака, – с горечью покачал головой народный избранник, на этот раз не позволив своим сторонникам разразиться праведным гневом, – и вы ответите мне за ваши слова! Но прежде ответите за другие.

Он вдруг протянул руку куда-то в сторону, и один из смертников моментально сунул в неё газету.

– В этой статье вы подлейшим образом оскорбили весь многонациональный народ России, – провозгласил депутат, развернув её и подняв над лысиной, будто это был транспарант, – также вы изволили поглумиться над тем, что мы называем самоочищением нации. Я, представитель многонационального и святого народа нашей страны, предлагаю вам немедленно принести глубокие извинения!

– Интересное предложение. Я подумаю. Вы намерены продолжать присутствовать на дебатах по современной русской драматургии?

Лицо политика выразило тревожную озадаченность. Он взглянул на своих соратников, как бы спрашивая у них, насколько им интересна тема дебатов. Тема не вызвала интереса, но и покинуть комнату оскорблённые не сочли возможным, поскольку были слишком оскорблены. Вновь поднялся шум, притом оглушительный. Не кричали только джигиты – кстати, как и во время первого шума. Больше того – их лица

были непроницаемы.

Мощный взрыв народного гнева дал основания депутату возобновить дискуссию. Уже с некоторым трудом добившись восстановления тишины, он крикнул:

– Господин Бликов! В этой статейке вы утверждаете, что пора, мол, убрать с дороги дохлую лошадь. Вы что имели в виду?

– Господин Кузнечкин! Я имел в виду ровно то, что вы процитировали. Да, мёртвую лошадь нужно убрать, даже если та не кажется мёртвой. Если вы спросите, как её отличить от живой, скажу: у неё – манеры семнадцатого столетия. Я – филолог, а не зоолог, но, тем не менее, точно знаю, что лошади не живут так долго.

– Господин Бликов! Эта статья написана по заказу? Признайтесь, вам ничего за это не будет.

– Но если так, господин Кузнечкин, то за каким чёртом мне признаваться? Я ничего не делаю безвозмездно.

– Господин Бликов! За что вы так ненавидите свой народ, который вас вырастил, воспитал и дал вам образование?

– Господин Кузнечкин! Те господа, которые пришли с вами, сейчас кричали, что я – жидовская морда. Этот ответ не кажется вам исчерпывающим?

– Нет, не кажется, потому что я – не нацист.

– А они – нацисты?

– Нет. Они в гневе. И этот гнев справедлив, потому что вы – моральный урод, господин писатель! Свои статьи вы

пишете по заказу. Они наполнены клеветой, экстремизмом и очернительством. На своих проплаченных лекциях вы порочите избранную народом власть, тем самым служа другой, более угодной вам власти – заокеанской. Вы ненавидите свою Родину!

– Любо, любо! – снова пришли в движение казаки, дёргая эфесы, чтоб шашки начали звякать. Икононосицы вдруг запели, подняв иконы на вытянутые руки – видимо, для того, чтобы предоставить Богу большой обзор. Смертники приправили пение очень громким спонтанным речитативом, в котором было не много цензурных слов. Одни лишь джигиты стояли молча, будто происходящее не касалось их абсолютно.

– И вы не просто так встречаетесь с этими двумя гадинами! – поставил жирную точку в своём докладе оратор, сложив газету и указав с помощью неё на Машу и Настю. Те поднялись. И не зря – внезапно оставив шашки свои в покое, казаки вынули из-за голенищ нагайки, имевшие на концах свинцовые шарики.

– Дамы и господа! – уверенным жестом заставил всех замолчать Дмитрий Львович, также поднявшись, – я настоятельно призываю вас к свойственному вам здравомыслию. Если вы устроите здесь расправу, вас не поймут. Более того – над вами будут смеяться. Эти две девушки отсидели полтора года за свой поступок! Что вы ещё хотите от них?

– Чтобы убирались к своим пиндосам! – проверещал бо-

лезненно тощий и бледный смертник, делая шаг вперёд, – неча нашу землю топтать!

Это послужило сигналом. Смертники устремились в праведный бой с одной стороны, казаки – с другой, а джигиты – с третьей. Икононосицы вновь запели, привстав на цыпочки и покачиваясь. Но тут случилось невероятное. Длинный стол, который с трудом могли сдвинуть с места двое мужчин, был в одно мгновение перевёрнут. Вскинутый на дыбы, он рухнул на нападавших – по крайней мере, на самую их готовую к смерти часть. Смертники едва успели отпрыгнуть. Все остальные застыли в остолбенении, потому что стол опрокинула одна Рита. Сделала она это, поднявшись с криком неопишимо ужасающим. Когда стол с не менее страшным звуком грохнулся на пол, она внезапно зашлась сатанинским хохотом. На её губах была пена.

– Ритка! – крикнула Таня, похолодев, – прошу тебя, успокойся, Риточка! Пусть нас лучше побьют!

Хохот оборвался – внезапно, резко, будто устройство, его воспроизводившее, взорвалось.

– Убью! – завизжала Рита, хватая стул, – всех перебью, твари!

Первым из комнаты вылетел депутат, еле увернувшись от стула. После него – оператор. За ними выскочили, толкая друг друга, смертники. Остальные могли уж не торопиться, поскольку Таня и Дмитрий Львович остановили Риту, почти повиснув на ней. Но и казаки, и икононосицы, и джигиты

очень поторопились. Очень. Они чуть не передавили друг друга в дверном проёме, при этом выронив половину своих икон и нагаек. Буквально через секунду донеслось хлопанье закрывающихся дверей машин и шум их моторов. Он сразу стал удаляться. Отбросив стул, Рита вдруг качнулась, поднося руку к груди, и – грохнулась во весь рост. Глаза её закатились. У неё были судороги.

Глава шестая

Врач Скорой помощи, торопливо проверив сердце, сделал укол и вызвал психиатрическую. Психиатр сделал другой укол – внутривенный, и порекомендовал госпитализацию.

– Нет, не нужно, – сказала Рита, открыв глаза, – я просто чуть-чуть переволновалась. Всё хорошо. Больше нет ни боли, ни беспокойства.

Она полулежала в кресле, вытянув ноги. Над нею стояли все остальные участники литературного диспута, персонал кафе, посетители. Даже те из них, с кем она совсем не была знакома, очень тревожились за неё.

– Я тебя домой отвезу, – сказал Дмитрий Львович, – Женька, где вы живёте?

Женька назвала адрес.

– Дима, куда ей сейчас домой? – рассердилась Танечка, – я к себе её заберу на один-два дня! А ты вези Женьку.

– Девушка абсолютно права, – согласился врач, – больной следует пока побыть под присмотром.

Так и разъехались. Дмитрий Львович, Женька и Люба сели в одну машину, Танечка и Рита – в другую, Настя и Маша – в третью. За ними заехал друг. «Ватрушки» в лице двух менеджеров поблагодарили Риту и попросили её навещать почаще. Её машина осталась возле кафе.

– Вези меня к Светке, – велела Рита, когда её близкая приятельница, которую она называла рыжей лисичкой, вставляла ключ в замок зажигания своего «Фольксвагена», – у меня к ней срочное дело.

– Кто это – Светка? – не сразу вспомнила Танечка, – а, подруга твоя! Она где живёт?

– В «Алых парусах», в Строгино.

Была уже полночь. «Фольксваген Гольф» Танечка купила три дня назад. Он был далеко не новый, но работающий. Она его обожала. И Рите также понравилось, как он тронулся, разогнался, затормозил перед светофором. Очень красивой была синяя подсветка приборов. Но её «Форд» ей нравился больше.

– Жалко мне девочек, – проронила Рита, глядя на фонари и витрины, мелькавшие вдоль дороги, – их здесь затравят.

Танечка закурила.

– Да ты себя пожалей! Я тебе орала: не надо! А ты что сделала, дура? Тебя теперь искалечат, я гарантирую.

– Эти клоуны? – улыбнулась Рита, – брось, Танька, брось.

– Риточка, кисулька! Вспомни, кто стоял справа. Или ты сильно ударилась головой?

– Уж лучше я вспомню стих про Орфея, – сказала Рита и начала вспоминать. Ей было это нетрудно, поскольку стихотворение, продекламированное Дмитрием Львовичем, она раньше читала не один раз. Как следует вспомнив, она его прочла вслух.

– Да, блеск, – согласилась Танечка, совершая обгон по встречной, – но, если честно, Бликов уже достал своими приколами. Он не в первый раз загонялся на тему мёртвых. Я, кстати, так и не поняла, зачем Иисус в аду проповедовал. Ад есть ад.

– Да ты иудейка, поэтому докопалась до Иисуса. Любую грядку надо окучивать.

– Твою мать! Да что он тебе вколол? Я тоже хочу!

– Ты и так излишне великодушна, – вздохнула Рита, – скоро, поди, на прямой эфир меня позовёшь.

– На хер ты нужна?

– Но у меня много новых стихов!

– Никому все это давно не нужно. Скажи спасибо, что ещё где-то проходят литературные семинары и в них участвуют Димы Бликовы.

– Как же я голодна! – воскликнула Рита спустя несколько минут, увидев Макдональдс, – и Женьку я обманула. Пообещала ей утку. Бедная девочка! Как она, наверное, злится!

Воспользовавшись Мак-Авто, взяли по два бигмака и по коктейлю. Танечка ела, ведя машину, потому Рита справилась со своей задачей быстрее. От чувства сытости и ночной красоты Москвы, ещё далеко не спящей, язык у неё опять развязался.

– Танька! А если б ты, как Цветаева, с мертвецами могла встречаться, ты бы с кем встретилась?

– С Казановой, – пробормотала Таня, с трубочкой от кок-

тейля во рту прибавляя скорости, чтоб успеть проехать на жёлтый.

– Ты озабоченная?

– Пожалуй, нет. Я максималистка.

– А если бы ты хотела удовлетворить свой максимализм в интеллектуальной сфере, ты бы с кем встретилась?

– С интернетом. В нём – до фигища хороших книг.

Уже на Строгинском мосту Рита вдруг решила позвонить Свете, чтобы предупредить её о своём довольно скором прибытии. Эта новость, грянувшая в час ночи, привела Свету в неистовство.

– Иди в жопу! Я не одна!

– Ну и что? Я тоже.

Сказав так, Рита нажала сброс. Она ожидала, что Света перезвонит. Но нет, ничего подобного не случилось. Это могло означать одно: служба безопасности не пропустит. Но вежливые ребята только спросили, к кому две дамы приглашены.

– У тебя есть шпилька? – спросила Рита у Тани, когда они покидали лифт, поднявшись на двадцать пятый этаж.

– Конечно, и не одна. Но ты её не получишь. Я не желаю быть соучастницей взлома двери чужой квартиры.

Шпилька и не понадобилась. Звонок был отключен, однако Рита, прекрасно знавшая Свету, сразу нажала дверную ручку. И дверь открылась. За нею было темно и довольно страшно, ибо из глубины квартиры звучало не что иное, как

погребальное пение – очень нежное, мелодичное. Пели женщины.

– Чёрт! Они уже здесь! – запаниковала Таня, – бежим!

– Стоять, – схватила её за край куртки Рита, – я всё беру на себя.

Тихонько вошли. Сняв туфли, двинулись дальше. Квартира насчитывала пять комнат. Пение доносилось из самой дальней. Дверь была нараспашку. Переступив порог, незваные гости остолбенели.

Посреди комнаты, озарённой десятком свечек, стоял на двух табуретках гроб. В нём лежала очень красивая молодая женщина с белыми волосами, по грудь укрытая простыней. В её сложенных поверх простыни руках горела свеча. Из-под простыни высывались ступни, обтянутые чулочками. На груди покойницы был бюстгальтер – кружевной, чёрный, как и чулочки. Этой покойницей была Света. Над нею пели три девушки в архаичных траурных одеяниях, также державшие в руках свечки. Вокальное мастерство выдавало в них профессионалок. Они стояли слева от гроба. Справа стоял, также со свечой, высокий мужчина лет сорока, в отличном костюме. По его гладко выбритому лицу текли из суровых глаз ручьи слёз.

Танечка и Рита вошли так тихо, что их никто не услышал, благодаря чему они имели возможность минуты две наблюдать. На третьей минуте Тане всё это осточертело, поскольку смысл происходящего стал понятен уже на первой.

– А на попа не хватило денег? – осведомилась она. Девушки умолкли и повернулись. Мужчина, вздрогнув, выронил свечку. К счастью, она мгновенно потухла. Покойница приняла в гробу сидячее положение и вполне замогильным голосом проорала, глядя на Риту:

– Дура! Я ведь тебе сказала, что занята! Звонок отключила, чтоб ты мне, тварь, не мешалась! Охрану предупредила, чтоб не впускали! Как ты отперла дверь? Наверное, шпилькой?

– Светка, прости! – взвыла Рита так, будто её лучшая подруга вовсе и не воскресла, – нет, я воспользовалась не шпилькой, а заколкой! Шпильки у Таньки не оказалось!

– Какая разница, сука, чем ты воспользовалась? – ни капельки не смягчился оживший труп, – я не понимаю, как ты проникла сюда и как ты посмела мне помешать в таком важном деле? Я буду требовать увольнения всей охраны! Всея! Идиоты чёртовы!

– Светочка, речь идёт о жизни и смерти! Нам очень нужно поговорить с тобою наедине! Просим! Умоляем!

Не то вздохнув, не то зарывчав, Света обратила пламенный взор на плаксу в костюме.

– Петенька, извини! Нам этих двух дур выставить никак не удастся. Давай на завтра перенесём. Девчонки, вы завтра сможете?

Три певуньи радостно закивали, из чего было ясно, что гонорар ими уже получен и возвращения денег ни одним пунк-

том контракта не предусмотрено. Но у плаксы вдруг слёзы высохли.

– Светочка! – вскричал он, – ты прекрасно знаешь, что завтра я улетаю на две недели!

– Петя, за этот срок мой труп не протухнет. Быстренько, быстренько выметайтесь отсюда к дьяволу!

Три погребальные вокалистки задули свечи с явным намерением убраться хоть к упомянутому лицу, лишь бы поскорее. Плакса стал их удерживать, говоря, что они обязаны подчиняться ему, а вовсе не этой дуре из гроба.

– Вы меня довели до расстройства желудка, скоты и сволочи! – простонала Таня, – где туалет?

Вернувшись из туалета, она застала в комнате лишь покойницу и её подругу. Свечки были погашены. Горел свет. В окно барабанил дождик. Рита сидела в кресле, Света – в гробу, и обе они курили, о чём-то споря с крайним ожесточением.

– Нет, нет, нет! – размахивала руками Света, – я не согласна! Идите в жопу вы все!

– Заткнись! – отвечала Рита, – ты мне вообще уже не нужна, чёртова тварюга!

При появлении Тани заткнулись обе.

– Он некрофил? – спросила последняя, примостившись на подлокотник дивана. Света хихикнула, затаилась во всю свою роскошную грудь, и, томно прищурившись, погасила окурок об угол гроба.

– Нет. Он – мужчина, могущий довести до оргазма даже покойницу второй свежести. Чёрт! Опять я забыла подписать губы тушью! Как хорошо, что он не заметил...

– И сколько стоит такой спектакль?

– Такой – недорого. Некоторые арендуют на всю ночь церковь с попами, хором и проституткой. Вот там – реальные деньги! А Петька платит только девчонкам. Ну, этим, воют которые. Я работаю за спасибо. Он – мой начальник.

– Следовательно, – пояснила Рита, – Светочка у нас служит теперь кофеподавалкой на Большой Дмитровке.

– В Генеральной прокуратуре? – хмыкнула Танечка.

– Именно. Её папочка – прокурор на пенсии, много лет ей с бизнесом помогал. А когда она, несмотря на это, в глубокой заднице оказалась из-за своей нереальной тупости, сказал: «Дочка! С таким умом ты сможешь занять достойное место в наших рядах!» И лично повёз её к генеральному. Тот, когда ещё генеральным не был, с ним корешился.

– Какая подлая тварь! – возмутилась Света, и, свесив ноги из гроба, прыгнула на пол. Кроме чулок и лифчика, на ней были узкие трусики с кружевами.

– Тебе идёт, – похвалила Танечка. Не ответив, Света села на стул, закинула ногу на ногу. Ей действительно шло абсолютно всё, что было на ней, включая гримасу царственного презрения.

– Слушай, Танька, – снова заговорила Рита, гася окурков, – есть у меня информация про подпольные казино с большим

оборотом, крышуемые сама догадайся кем. Скотобазе, где так успешно трудится эта дура, которая тут сидит и рожу кривит, заинтересоваться бы, но у этой овцы мозгов не хватает всё организовать. Она до сих пор ничего не сделала, хоть прошло уже семь часов с той минуты, как я дала ей наводку.

– Шесть часов, шесть! – заорала Света, топнув ногой, – у нас был корпоратив! Там все поголовно пили, как идиоты! Что я могла организовать? Тебе всегда хочется, чтобы все плясали под твою дудку! Не будет этого никогда!

– Ты видишь, она беспомощна абсолютно, – вновь обратилась Рита к радиожурналистке, – когда у неё был бизнес, администраторы за голову хватались от её тупости! Ты представь, это – человек с двумя факультетами МГУ! Я очень жалею, что позвонила ей. Ведь из-за неё нас всех могут грохнуть!

– Можно мне кофе? – спросила Танечка, закурив. Света быстро встала и побежала на кухню, располагавшуюся поблизости. До тех пор, пока она не вернулась с бокалом крепкого кофе и не уселась опять на стул, между журналисткой и Ритой не было произнесено ни одного слова. Обе как будто ждали чего-то.

– Грохнуть? – переспросила Таня, сделав глоток. Рита разозлилась.

– Конечно! Запросто! Речь идёт о больших деньгах. Об очень больших. Возможно, о миллиардах.

– И сколько вас, кого могут грохнуть?

– Да уже четверо: Я, она, Наташка и ты. Без тебя нельзя, риск слишком велик. Ты можешь его уменьшить, создав угрозу большой эфирной шумихи. Теперь ведь придётся действовать напрямую, без прокурорских!

– Ты на какую сумму, вообще, рассчитываешь?

– Не знаю. С прокуратуры я рассчитывала потребовать три лимона. Без неё больше можно урвать.

– Я правильно понимаю, что упомянутая тобой Наташка – твой информатор?

– Да, разумеется.

– Кто она?

– Наталья Лиховская. В интернет зайди и погугли.

Света внезапно будто окаменела. Но это длилось недолго. Она и Таня одновременно взяли мобильники и погуглили. У обеих брови вскинулись домиками.

– Ого! – воскликнула Танечка, – бронзовая призёрка Олимпиады в Атланте?

– Именно так. После окончания спортивной карьеры она чем только не занималась – и наркотой, и рэкетом, и разборками с конкурентами.

– С чьими?

– На Березовского, в основном, работала. Когда он эмигрировал, попыталась вписаться в чекистский тренд. Чекисты ей не понравились, и она решила их кинуть.

Таня задумалась. Допив кофе, она сказала:

– То, за что вы берётесь, девки – самоубийство.

– Да, – согласилась Рита, – так ты участвуешь? Или нет?

– О, Боже мой! В чём? В шантаже главной силовой структуры страны, который затеяла полоумная наркоманка с отшибленными ещё в Атланте мозгами?

– Именно так.

Танечка взглянула на Свету. Та продолжала что-то смотреть в интернете, судя по всему – видео. Да, там было на что смотреть. Как великолепно рыжеволосая босоногая девушка в кимоно клала на татами своих соперниц, часто превосходивших её и ростом, и статусом! Только пятки сверкали в воздухе. Интересно, какая она сейчас, спустя много лет? По-прежнему ли уверенно улыбается? Так ли зубки её блестят? Так ли ярок взгляд раскосых зелёных глаз, похожих на Танечкины? Едва ли. Семнадцать лет – срок большой.

– Мне нужно подумать, – сказала Танечка, – я, конечно, сошла с ума, но не говорю сразу «нет». Знаешь, почему?

– Разумеется, – пробубнила Рита, зевая, – разве я мало знаю тебя? Или твои утренние эфиры не слушала? Ах, в аду проповедовать смысла нет, хоть мы этим занимаемся ради славы и денег, но воровать у чертей дровишки – святое дело!

– Я хочу «Мерс», – произнесла Таня, вдруг расхотев откровенничать, – да притом нулёвый, С-класса. Мне уже почти тридцать, а «Мерседеса» до сих пор не было. Разве это нормальная ситуация?

– Спроси Светку, стоит ли он того, чтоб ради него воровать дрова у чертей. Она ведь катается на С-классе. Светка,

а Светка!

– Девочки! – закричала Света, не отрывая глаз от смартфона, – смотрите, новость! «Лихо Москвы» сообщает: «Имело место новое нападение на участниц группы «Бунтующие малышки», а также на Дмитрия Бликова и арбатскую поэтессу Риту Дроздову! На этот раз нападавшим был дан отпор, и они сбежали, чудом друг друга не раздавив. Репортаж из кафе «Ватрушки», где это произошло, вела Таня Шельгенгауэр, видео предоставлено ею же...» А, вот видео... Ой! Какой ужас! Какой кошмар! Караул! Нет, я не могу на это смотреть! Ой, мать моя женщина!

– Ну, спасибо тебе, – поблагодарила Рита Танечку под свой хохот, который загрохотал из смартфона после того, как загремел стол, – значит, ты, ..., пока я была в отключке, состряпала репортаж и скинула видео! А тебе не пришло в башку, что это паскудство мне причинит моральную боль?

– Журналист обязан предоставлять информацию, не задумываясь о пользе или вреде её, – возразила Таня, – любая информация может кому-то причинить боль и даже убить кого-то. Любая, не исключая прогноз погоды! И если об этом думать, то вся планета погрузится в информационный вакуум. Нужно ли объяснять, что это такое? Через неделю после Чернобыля весь пятимиллионный Киев вышел на первомайскую демонстрацию, под радиоактивный дождь. Знаешь, почему? Знаешь, знаешь! К тому же, Настя и Маша тоже снимали. Я буду очень удивлена, если они всё ещё не залили ро-

лик в Ютуб!

– Светка, посмотри на Ютубе! – схватилась Рита за голову, – если это там есть, я прямо сейчас повешусь!

Света очень охотно стала искать. Нашла. Показала. Промотров было всего лишь сто двадцать тысяч. Рита стрелой понеслась на кухню, чтоб там повеситься. Но, увидев стоявшую на столе бутылку «Джонни Уокер», она решила с самоубийством повременить. Две её подруги тщетно пытались отнять у неё бутылку.

– Нельзя тебе! – верещала Танечка, – психиатр сказал, Нельзя!

– Оставь хоть глоток! – умоляла Света, – эта бутылка стоит семь тысяч, и Петька мне её подарил! Я ему пожалуюсь на тебя!

– А я на тебя пожалуюсь дьяволу, – отлепив горлышко от губ, заявила Рита и потянулась к форточке, чтоб отдать бутылку асфальту. Она уже предвкушала, как он её разгрызёт на фонтан осколков, как будет плакать Света, как будет злиться Танечка и как дворники будут нюхать асфальт, гадая, что по нему разбрызгано – виски или коньяк, но тут телефон у неё в кармане подал сигнал эсэмэски. Она замешкалась, что позволило Танечке выхватить у неё бутылку.

– Врач правильно говорил, надо было в дурку тебя везти! – воскликнула журналистка, – ты очень буйная!

– Я слегка эмоциональная, – возразила Рита, достав мобильник и прочитав эсэмэску. Увидев, как изменилось её ли-

цо, Танечка и Света насторожились.

– Дай, – попросила первая. Вручив Свете бутылку и завладев мобильником, она медленно, вслух прочла, – «Риточка! Перед тем, как будете проповедовать мне в аду, наденьте другие трусики. Эти очень непрезентабельные. На них, сбоку, маленькая дыра».

Света рассмеялась, пряча бутылку в шкафчик. Но журналистка не разделила её весёлости, ибо номер был не определён. Услышав об этом, работница Генеральной прокуратуры вмиг посерьёзела.

– Очень мрачная шутка, – пожала она плечами, – и очень вовремя прозвучавшая. Я надеюсь, Ритка, на твоих трусиках нет дыры?

– Ещё не хватало! Я их сегодня только достала из упаковки. Две с половиной тысячи отдала за комплект! Поглядите сами.

Выйдя на середину кухни, Рита как можно выше задрала платье и приспустила колготки. Трусики были чёрные, от «Moschino». Присев на корточки, секретарша и журналистка к ним пригляделись. Дыру заметила Танечка. И дыра эта была сбоку – маленькая, как спичечная головка.

Глава седьмая

Уже под вечер перед подъездом, в котором жили Ирка и Женька, остановилась машина, равных которой богом забытый дворик ещё не видел – синее «Ламборджини». Пару минут оно владело вниманием и старушек, трепавшихся у подъезда, и ребятишек, бесившихся на площадке, и мам с колясками, и прохожих. Потом открылась правая дверь, и из «Ламборджини» выпорхнула красавица с небывалым букетом роз. На ней было платье, вызвавшее не меньшее восхищение, чем роскошный автомобиль. Это была Ирка. Коротко поприветствовав старушонку, которые бессловесно раскрыли рты, она поспешила домой, цокая высокими каблучками. Когда подъездная дверь за нею захлопнулась, «Ламборджини» сорвалось с места и повернуло за угол. Проводив его взглядами, старушонки начали вспоминать, на каких машинах раньше возили шлюх и что им дарили.

Женька на кухне жарила колбасу, лопаточкой отдирая её от старой чугунной сковороды. Та злобно плевалась маслом. Вид был у Женьки вполне приличный, взгляд – раздражённый, из чего следовало, что колледж она сегодня не прогуляла. При появлении Ирки, которая от порога попёрлась прямо на кухню, к запаху жареной колбасы примешался запах духов чёрт знает какой цены. Это про него сказать можно

было точно! Уголкем глаза, вытянутого стрелочкой до виска, зацепив сестру, Женька повернулась к ней целиком, уронив лопаточку, и обильно пустила слюни.

– Где у нас ваза? – спросила Ирка, остановившись с букетом посреди кухни. Молча нащупав на холодильнике трёхлитровую банку с целым кладбищем мух, Женька протянула её сестрице, борясь с желанием дать ей в глаз. Не платье её, не туфли, не розы и не причёска – мега-улётная, современная, уязвили юную неокрепшую душу, а драгоценности. Цацок было не так уж много – старушки даже и не заметили их за розами, но у Женьки глазищи были куда пронырливее. Она мгновенно сообразила, что бриллиантовое колье, кольцо с изумрудиком и серёжки с малюсенькими сапфирами подбирались для Ирки специалистом. Они попросту царицу из неё делали! Как тут было не зарыдать? Но Женька сдержалась.

Перекрыв газ под сковородой, так как уже пахло горелым, Ирка наполнила водой банку. Ставя букет, она поинтересовалась, давно ли Женька пришла.

– А я никуда и не уходила, – соврала Женька, сама не зная зачем. По всей вероятности, для того, чтобы Ирка стала орать и началась драка. Ирка, однако, не разоралась. Водружив банку на стол, она любовалась розами.

– А ты с этим, что ли, была? – как можно небрежнее и тупее спросила Женька, – ну, с этим... как его...

Вынув «Мальборо» и какую-то незнакомую зажигалку, студентка консерватории закурила. Глядя на Женьку сквозь

дым, ответила:

– С этим, с этим. Его Серёжа зовут. На днях познакомлю.

– Ты для него исполняла приватный танец? – пролепетала Женька.

– Конечно. Это был лучший танец в его, да и в моей жизни. Я постаралась. А когда я стараюсь, передо мной бледнеет архангел!

Женька сглотнула слюну.

– Догола разделась?

– Угу.

– А зачёт сдала?

– Естественно. С блеском.

Тут только Женька заметила, что её сестричка едва стоит на ногах и прёт от неё, мягко говоря, не одним парфюмом. Как можно было сразу этого не увидеть и не почувствовать? Во делишки!

– Ты нажралась!

– Жень! Нажираешься ты. А я выпиваю, когда есть повод. Зачёт-то сдан! Кстати, Ритка где?

– Откуда я знаю? Так это он подарил тебе побрякушки? Как ты ему давала? В коленно-локтевой позе? А язычком работала как? Без презика? А потом, наверное, облизнулась? Тьфу на тебя после всего этого! Тьфу, тьфу, тьфу! Вы мне не сестра, фрау Шлюхер!

Не удостоив злыдню ответом, гордость профессоров подиумной поступью увиляла задницей в комнату. Агрессив-

но вдавливая в себя колбасу, подсолённую слезами, которые уже было не удержать, Женька слышала, как её сестра раздевается и ложится. Вдруг донеслось хихиканье. Стало ясно, что Ирка списывается с подругами. Ох, наверное, хвастается, паскуда!

– Ты хоть бы душ приняла! – вырвалось из Женьки, – всю простыню изгваздаешь спермой и похотливыми, отвратительными слюнями самца!

– Очень поэтично, – отозвалась старшая сестрица, – вижу, не зря сходила на семинар!

– Откуда ты знаешь?

– Да Ритка утром мне написала. Женюсик, ты не могла бы сделать мне массаж ног? Кошмар как болят, проклятые. Упахалась я, упыхалась!

Женька схватила было сковороду, чтоб с нею подбежать к Ирке и сделать ей энергичный массаж башки, но дверной замок вдруг снова защёлкал, после чего дверь негромко хлопнула. Вошла Рита. На ней опять были джинсы, свитер, ботиночки. Поглядев на всё это, Женька решила бы, что вчерашний вечер со всеми его загадками и кошмарами ей всего лишь приснился, кабы не свёрток, внесённый Ритой. Кроме него, при ней был пакет.

– Добрый вечер, дамы, – проговорила она, увидев, что обе хозяйки – дома, – Евгения Николаевна, ты вчера забыла в моей машине пиджак. Сюда положу, на тумбочку. Ты что, плакала?

– Нет! – заорала Женька, – я просто резала лук!

Рита улыбнулась. Между тем, ей, казалось, было не до улыбок. Пройдя к себе, она, было слышно, швырнула на пол пакет, после чего села. Чиркнула зажигалкой. Тут Ирка крикнула:

– Ритка! Зайди ко мне на одну минуту!

– Сейчас, – отозвалась Рита и не замедлила прибежать. По Иркиной просьбе плотно прикрыла за собой дверь. Значит, будут сплетничать, сучки, решила Женька. Точно, за-сплетничали – с хихиканьем, с визгом, с аханьем. А о чём – было не слышать. И до того Женьке стало обидно, что захотелось выпрыгнуть из окна, чтоб стало обидно им, этим гнидам! Шестой этаж – шутка ли? Но внизу, под окном, росло огромное дерево. Не хватало ещё повиснуть на нём, зацепившись юбкой за сук! Тогда Витька Глебов и Мишка Болотов – два горячих её поклонника, перестанут драться из-за неё. Не видя возможности выпутаться из этих противоречий, Женька решила поговорить со своим художником, хотя тот просил его этим вечером не тревожить. Но что же это за дружба такая, если любимый твой человек – на грани самоубийства, а позвонить тебе не имеет права? Ведь это бред! И, взяв телефон, Женька позвонила.

– Женя, привет, – ответил Артём – так звали художника, – у тебя ко мне очень срочное дело?

– Да, очень срочное! Хочу встретиться! Можно прямо сейчас?

– А где ты находишься?

– Дома, дома! На Молдагуловой.

– Нет, прямо сейчас нельзя, – произнёс Артём, помолчав, – я, видишь ли, не стою перед дверью твоей квартиры. Но я смогу подойти к твоему подъезду через пятнадцать минут.

– Отлично, я жду!

Свидание, разумеется, требовало серьёзнейшей подготовки. Это дало Женьке повод после недолгого чаепития влететь в комнату и увидеть там отвратительную картину. Ирка лежала на двух подушках, высунув из-под одеяла голые ноги, и тараторила о каких-то несимпатичных ей мужиках, а Рита сидела на уголке дивана, перебивая её вопросами, и массировала ей стопы. При появлении Женьки глупая болтовня мигом прекратилась, но лесбийский массаж продолжился. Обозначив всё, что она по этому поводу думала, кривой рожей, Женька открыла свою половину шкафа и начала переодеваться. Она решила надеть оранжевый свитер, рваные на коленках джинсы и кеды.

– Как вы вчера доехали с Димой? – спросила Рита, следя за нею, – не надоел он тебе?

– Нет, не надоел, – чуть поколебавшись, снизошла Женька до разговора, – классный мужик. И эта девчонка в шляпе – нормальная, хоть овца. Задолбала спрашивать, что читаю! Дима под конец уж не выдержал, говорит ей: «Отстань от девочки! Не нужны ей чужие мысли, своих достаточно!» Она,

дура, ржать начала. Как будто он не её идиоткой выставил, а меня!

– Так оно и было, Женюсик, – вздохнула Ирка, – тупица ты безнадежная!

– Про меня он что-нибудь спрашивал? – поинтересовалась Рита. Но Женька снова обиделась. Кое-как зашнуровав кеды и вытащив из-за шкафа свою гитару, она ушла. Наружную дверь запереть за собой забыла. Поблагодарив Риту, Ирка согнула ноги в коленях.

– Странного друга эта кретинка себе нашла, – сказала она, зевая, – я его на днях видела из окна. Какой-то оборвыш.

– После Серёжи тебе Брэд Питт покажется оборванцем, – поднявшись и подойдя к окну, заметила Рита. Сдвинула занавеску, – да нет, нормальный парнишка. Только сутулится. Больной, что ли?

– Мне тоже так показалось. А он её у подъезда ждёт? С ним никого нет?

– Нет, он был один. Женька уже вышла. Они идут к Вешняковской.

Чуть постояв у окна, Рита снова села и продолжала:

– Мне почему-то кажется, он – хороший художник. В нём что-то есть. Какая-то утонченность.

– Лучше бы он был хорошим спортсменом, вроде Серёжи, – буркнула Ирка и повернулась носом к стене, – какая-то утонченность – это не то, что мне в парнях нравится.

– Но ведь Женька нашла его для себя, а не для тебя, –

заметила Рита. В ответ на это Ирка тоже обиделась.

– Хорошо. Теперь я посплю, если ты не против.

– Цветаева говорила, что спорт – это трата времени на трату сил, – обидела её Рита ещё сильнее и перешла в свою комнату. Обе двери она закрыла как можно более плотно.

К комнате примыкал балкон. Выйдя на него и расположившись в кресле, специально туда поставленном для курения и секретных переговоров, Рита связалась по телефону с Наташей. Та поначалу на связь не вышла. Перезвонила.

– Ты с кем там трахаешься? – сурово спросила Рита. Бывшая чемпионка с грустью вздохнула.

– Да с кем здесь трахаться? С петухами? По-моему, кроме них и Сфинкса, в этой деревне нет мужиков. Какие там новости?

– Не поверишь! Ирка – ну, старшая из сестёр, встречается с сыном главного спикера этой самой структуры! И у них, кажется, всё серьёзно. Можешь себе такое вообразить?

Наташа хихикнула.

– Ну, конечно!

– Я говорю – не поверишь. Но это так. Он цацек ей накупил лимона на полтора!

– А она не брешет?

– Я эти цацки в руках держала! И Ирку знаю великолепно. Там всё тип-топ.

– И как ты этим воспользовалась?

– Да я ещё не решила, стоит ли этим пользоваться. Снача-

ла у меня была мысль с Генпрокуратуры взять денег за информацию, но потом оказалось, что это – не вариант.

– А что – вариант?

– Я пока не знаю. Дай разобраться.

Наташа злобно закуривала. У Риты вдруг сдали нервы.

– Что ты шипишь? – вскричала она, – один ошибочный шаг, и в голове – пуля! Ты что, не знаешь этого?

– Всё я знаю. Что ты звонишь, если тебе нечего сказать?

– По другому поводу. Помнишь, ты говорила мне про отличного психиатра, который тебя лечил, когда ты ещё занималась спортом?

– Да не лечил он меня! Просто проверял, консультировал, как и всех спортсменов национальной сборной. Да, он великий специалист. Но с тех пор прошло почти двадцать лет. Я даже не знаю, где он сейчас работает, да и жив ли он вообще.

– Ну, это легко узнать. Как его зовут?

– Марк Юрьевич Фелитович.

На подлокотнике кресла лежали блокнот и маркер. Рита ими воспользовалась.

– Ну что ж, я его найду.

– Ты можешь сказать, зачем тебе психиатр?

– Могу. За мной ходит чёрт.

– Кто за тобой ходит?

– Сатана. Дьявол. Он знает про меня всё. Он следит за каждым моим шажочком. Он видит дырочку на моих трусах – абсолютно новых, только что извлечённых из упаковки.

ки. Я про неё ничего не знаю, а он её уже видит! Я понимаю, что психиатр против него бессилён. С ним могу справиться только я. Но мне для этого нужно быть адекватной.

– Оригинальная постановка вопроса, – пробормотала Наташа, – но пусть уж лучше дьявол гоняется за тобою, чем ты за ним будешь бегать, став адекватной! Не создавай здесь, на Земле, ад, если есть возможность без этого обойтись.

Рита отказалась воспользоваться этим советом, и разговор на этом закончился. Ветер рвал с деревьев жёлтые листья и устилал ими двор, наполненный детским гомоном, птичьим свистом и недовольством старух. Слушая всё это, Рита курила. Она хотела уж идти спать, когда вдруг пришла эсэмэска следующего содержания: «На двух пальцах правой ноги у Ирочки лак немножко облез. Не правда ли?»

Номер был не определён.

Глава восьмая

Кое-какие книги Женька всё же читала. Например – Конан Дойла, «Записки о Шерлоке Холмсе». Особенно запомнилась ей история о собаке Баскервилей. Поэтому, когда её друг Артём сказал ей, что пишет портреты маслом по индивидуальным заказам, она покатила со смеху.

– Ты чего? – не понял художник. Женька, проржавшись, напомнила ему сцену с портретами, что висели на стенах Баскервиль-холла, и рассказала, как на днях слышала рекламу какого-то портретиста. Текст звучал так: «Станьте основателем вашей семейной истории! Не лишайте своих потомков возможности подводить гостей к вашему нетленному образу и с огромной гордостью говорить: «Вот это – мой предок!»»»

Артёму также стало смешно.

– Да, да! – вскричал он, – знакомьтесь: мой пра-прапрадед, Иван Иванович Голожопенко! В начале двадцать первого века он состоял на должности мерчиндайзера в магазине «Смешные цены» и оказался таким кретином, что заказал свой портрет. А это – моя прабабка по другой линии. В середине двадцать первого века она была промоутером, орала возле метро: «Пройдите бесплатный осмотр и консультацию в стоматологической клинике на Большой Пирогов-

ской!» Кончилось тем, что её в ту самую клинику и отправили.

– Ой, приколы! Ой, не могу! – хохотала Женька, – ой, хватит! Ой, я описаюсь! Ой, какой ты смешной!

Да, Артём был очень забавным, особенно когда надевал бейсболку козырьком набок или назад. Это ему шло. Вместе с тем, у Женьки сжималось сердце, когда она на него смотрела. Тонкий, светловолосый, глазками и улыбкой похожий на Буратино, он почему-то всегда сутулился и страдал одышкой, хоть ему было лишь двадцать с чем-то. Вот и теперь, когда шли по улице, он дышал через рот и не без труда поспевал за Женькой, которая не умела двигаться медленно. У неё за плечами была гитара, в правой руке – его левая рука.

– Дурак, – злилась Женька, – ты слишком до фига куришь! Срочно завязывай с этим делом. Ну, так куда пойдём? Решил ты? К тебе?

– Давай посидим в кафе, – предложил Артём. Женька согласилась. Ей надо было снять стресс. Свернули к метро. Темнело. Над Вешняковской уже зажглись фонари.

Кафе около метро все были битком. Но в самом приличном и, соответственно, дорогом, с караоке, столик освободился, чем молодые люди и воспользовались. Повесив чехол с гитарой на спинку стула, Женька потребовала меню. Ни капельки не смутившись уровнем цен, она заказала самое дорогое пиво и роллы. Артём спросил капучино. Он всё курил и не выпускал смартфон, ведя переписку по раз-

ным мессенджерам. Голландское пиво подали почти сразу.

– Клиенты тебе всё пишут? – спросила Женька, беря ртом пену, вздыбленную над кружкой, – или девчонки?

– Мама. Она всё время спрашивает меня, как я себя чувствую.

– Так ответь ей, что ты – дурак, поэтому чувствуешь себя плохо. Бросай курить, или, сука, я тебя на хрен брошу! Давай решим это дело прямо сейчас, раз и навсегда. Ведь я тебе уступаю по всем вопросам! Почему ты не можешь уступить мне?

Взглянув на неё большими, растерянными глазами, он погасил сигарету и отложил смартфон. Тут официантка принесла роллы и капучино. Сменила пепельницу.

– Прости меня, Женька, – сказал Артём, когда азиатка в белом передничке удалилась, – ты дорога мне так, что не выразить. Но мне нужно ещё три дня.

– Какие три дня? – брызнула слюной с пивом Женька, – ты бредишь?

– Нет. Понимаешь, Женечка, я пишу одного не очень приятного персонажа. Чтобы не сдали нервы, мне приходится постоянно курить во время работы. Через три дня я её закончу.

– Кто он такой?

– Офицер Росгвардии. Лейтенант.

– Заплатит нормально?

Глаза Артёма несколько округлились. Он потянулся к пач-

ке «Парламента», но отдёргнул руку. Взяв чашку, начал пить кофе.

– Ты издеваешься, что ли? Они когда-нибудь платят за что-нибудь? Они говорят «спасибо», да притом в полной уверенности, что ты им остался должен. А если ты заикаешься насчёт платы, то из тебя делают заику в буквальном смысле. Я ведь работаю нелегально.

– Я поняла, – огорчилась Женька, – короче, жесьь какая-то просто! А вдруг потом кто-нибудь ещё тебе не понравится? Ты что, снова начнёшь курить?

– Да уж не начну! За месяц-другой отвыкну от никотина.

– Точно?

– Конечно. Теперь рассказывай, почему ты сегодня такая злоющая?

Помрачнев, Женька отпила половину кружки и съела ролл. Артём подал ей салфетку, чтобы утёрла губы. Вытерев вместо этого большой палец, слегка испачканный соусом, Женька выдавила ответ, который, казалось, царапал ей язычок:

– Да Ирке купили брюлики!

– Бриллианты?

– Типа того. А ещё – сапфиры и изумруды. Оправа – золото! Ходит, падла, как ёлка на Новый год! Так бы и дала по башке...

Схватив сигареты и зажигалку, Женька с грозным прищуром предштормовой Марианской впадины закурила.

– Так это всё, может быть, фальшивка? – сделал попытку развеять тучи Артём.

– Да нет, не фальшивка. Знаю, что настоящие. Ты бы видел рожу её! Так бы и вцепилась в неё ногтями, так бы и исцарапала до крови, прямо изодрала – чтоб неделю, сука, на улицу выходить стремалась! Я не завидую, просто мне за неё тревожно. Такие подарки ведь просто так не делают. Как ты думаешь?

– А она на тебя похожа? – спросил Артём, помолчав.

– Да, очень похожа. Копия. Только старше на семь с половиной лет. Я очень напоминаю мелкую Анжелику Варум, а она – уже чуть-чуть зрелую, под тридцатник.

– Тогда я не удивляюсь. Если бы я был сыном пресс-секретаря ФСБ или, например, более известным художником – ты бы брюликами с балкона бросалась и хохотала, глядя на то, как бабы дерутся!

Представив эту картину, Женька сказала:

– Ой!

У неё возникло лёгкое головокружение. Не от пива, которое она допила, съев ещё два ролла с чесночным соусом. Посетители за столами, официантки, двери – всё закачалось и раздвоилось. Только Артём остался одним-единственным. Он, однако, на этом не успокоился. Подозвав бежавшую мимо официантку, что-то ей дал и что-то сказал вполголоса. Через пару минут восточная музыка, надоевшая Женьке, смолкла, и замурлыкала Анжелика Варум. Она пела песню

«Осенний джаз».

– Боже мой, – изгваздала свитер слюнями Женька, рас-
троганно заморгав влажными глазами, – Артём! Артём! Что
ты со мной делаешь?

– Это только начало, – сказал Артём. И продолжил. Же-
нечке подали ещё пива. Когда она его выпила и сходила кое-
куда, её встретил голос какого-то человека, который стоял на
сцене, у микрофона:

– Дамы и господа! Сейчас перед вами выступит настоя-
щая Анжелика Варум! Она споёт вам вживую! И это будет
не караоке – гитара!

– Вау! – восторженно грянули дамы и господа. Увидев в
ту же минуту на сцене Женьку с гитарой, которую поспешил
расчехлить художник, они вконец прибалдели. В ошеломля-
ющей тишине пела Женька песенку, для которой Ирка ей по-
могла подобрать аккорды и бой. Это была песня «Художник,
что рисует дождь». Ни слюнявый свитер, ни лёгкое опьяне-
ние не мешали Женьке быть Анжеликой Варум, потому что
слух у неё, как и у сестрицы, был абсолютный, а голос – ан-
гельский. Пальцы били по струнам вполне уверенно. Знала
Женька, что её ждут оvation. И они раздались, как только
она умолкла. И это было покруче, чем бриллианты, сапфиры
и изумруды, которые подарил сестре генеральский сын. Это
был подарок художника. Того самого, что рисует дождь.

А потом художник повёз её на такси к себе. Они целова-
лись на заднем сиденье так, что казалось – не фонари мель-

кают справа и слева, а Млечный путь. И Женька зажмурилась от невероятного, несравнимого ни с чем трепета – не свалиться бы с высоты! Артём жил один. Он снимал квартиру на Вешняковской. Жил в нищете, как и полагается гению, у которого есть глобальное понимание, для чего он явился на этот свет. Как было такого не осчастливить, не предложить ему своё тело, свою любовь, свою жизнь? Женька уж давно это делала, потому что была у него не раз. Садилась к мольберту, перебирала палитры, кисти, холсты, падала в обнимку с их повелителем, раздевая его, на груды эскизов. И трудно было представить более головокружительное падение. Но на этот раз, разумеется, всё должно было быть ещё более волшебно, невероятно и окончательно. Так оно и произошло.

Уже поздней ночью они сидели на кухне и пили кофе. Кофе был, как ни странно, великолепным. Впрочем, возможно, Женьке так лишь казалось. Разве могло ей что-то не нравиться здесь, сейчас, рядом с ним, сидящим бок о бок с нею? Дворовая темнота таранилась из окна на голую Женьку. Пьяные голоса шпаны доносились так, будто эта самая пьянь прямо здесь, на кухне, и куролесила. Но противно не было. Пусть бы всё хоть огнём горело! Разве огонь притронется к ним двоим, блуждающим среди звёзд?

– Ты меня когда нарисуешь? – спросила Женька, проводя пальцами по его спине.

– Когда дождь зарядит, – ответил он, закурив, – и клён станет алым.

– Но под дождём рисовать как можно? Размокнет холст, краски потекут!

– Женечка, мы поставим мольберт в беседке. Как тебе эта мысль?

– В Кусково?

– Да. Там ведь есть беседка. Рядом с ней – клёны.

Артём, казалось, думал о чём-то грустном. Женька решительно взобралась к нему на колени. Их губы встретились для совсем короткого поцелуя.

– Тёма, а ты решил стать художником почему? – спросила она.

– Чтоб встретить тебя и нарисовать.

Ответ, разумеется, Женьке очень понравился. Но она ему не поверила.

– Скажи правду! Мне интересно.

– По той же самой причине, благодаря которой слепые люди вовсе не так несчастны, как можно о них подумать, – сказал Артём, помолчав, – они создают свой мир, в который не проникает то, что им неприятно. Мне слишком многое отворачивательно, и поэтому я решил стать художником.

– Но ведь ты рисуешь гнусные рожи! Сам говорил.

– Да, именно так. Вот это и называется парадоксом. Или насмешкой судьбы.

– А твой мир – какой? Что бы ты хотел рисовать?

– Тебя.

Ответ был дан таким голосом, что у Женьки сомнений на

этот раз не возникло.

– Почему именно меня? Что во мне такого?

– Ты очень странная.

– Тоже мне, комплимент! – оскорбилась Женька, – в психушке тоже все очень странные!

– Ты – совсем из другого века.

– Тёмочка, ты меня сегодня добьёшь своими любезностями! На сколько же лет я выгляжу? На сто сорок? Или на двести?

– Ты интересная.

– Я – не книга, чтобы меня хвалить такими словами!

– Ну, хорошо. Я тебя люблю.

Женька попыталась получить доказательство. Но Артём, взглянув на часы, сказал, что не собирается навлекать на себя гнев Ирки исчезновением её несовершеннолетней сестры на всю ночь, поэтому ей пора собираться. Как ни орала Женька, что Ирка – ей не сестра, а только одно название, он заставил её одеться и проводил до дома. Она обиделась так, что поцеловала его около подъезда только губами, без язычка. Обозвав придурком, пошла домой. Через пять минут она уже видела эротический сон. А он шёл по улице.

Глава девятая

Разбудив утром Ирку, Рита вручила ей свой мобильник.

– Вот, прочитай.

Прочтя анонимное СМС с неопределившимся номером,

Ирка пристально поглядела на свою правую ногу.

– Да, так и есть! На двух пальцах лак немножко облез. Я даже и не заметила. Кто бы мог это написать?

– Откуда я знаю? Думай.

Ирка, поразмышляв, воскликнула:

– Женька, сволочь! Она ведь видела, как ты делала мне массаж! Неясно только одно: как она смогла засекретить номер? Она совсем в настройках не шарит.

– Женька стояла около шкафа, вон там, – указала Рита рукой, – она могла видеть оттуда только твои подошвы, никак не ногти. Может, она их видела до того?

– Нет, это исключено. Я была в чулках. А позавчера лак был цел. Абсолютно точно. Я помню.

– А твой Серёжа вчера разглядывал твои ноги?

– Нет, не разглядывал. Просто видел. Но он, во-первых, не знал о том, что ты мне здесь делала массаж ног. Во-вторых – он точно не знает твоего номера, да и о тебе самой не слышал. А в-третьих, зачем это ему надо?

– Значит, это дурацкое сообщение прислала либо ты, либо

я сама, либо дьявол, – сказала Рита и пошла в душ.

Женька, как обычно, спала на одном диване с сестрой. Она могла спать, даже если рядом орали, а разговор Ирки с Ритой происходил вполголоса. Из открытого рта студентки медколледжа пахло пивом и сигаретами. Поглядев на часы, Ирка ужаснулась и принялась расталкивать расслонявившуюся дрянь.

– Просыпайся, быстро! Вставай! Уже почти восемь часов! Опять опоздаешь!

– Я никуда не пойду, – промямлила Женька, перевернувшись набок и натянув на башку угол одеяла, – отстань, коза!

Пришлось её ущипнуть за мягкое место, чтоб подскочила до потолка и полезла драться. Молниеносно вклепив ей пару затрещин, Ирка умчалась и заперлась в туалете. Женька, ревя, стала ломать дверь. За этим занятием злость её улеглась, башка прояснилась. Но не совсем до конца – без помощи Ирки одеться не удалось. При этом сестрицы что-то всё выясняли между собой. Визг стоял свинячий. Рита сварила манную кашу. Не дав сестре сполна насладиться ею и до конца накраситься, Ирка всучила ей рюкзачок с учебными принадлежностями, за шиворот подтащила к двери, прежде её открыв, и – дала коленкой под жопу. Вылетев на площадку, хотела Женька вернуться, чтоб отплатить за пендаль, но дверь захлопнулась и внутри скрежетнул засов, который снаружи было не отомкнуть.

Со спокойной совестью села Ирка есть кашу. Рита, уже

одетая, пила кофе.

– Какие планы? – поинтересовалась она, глядя из окна, как Женька шагает к автобусной остановке. С ней рядом шёл какой-то парнишка, но не Артём. Кажется, Андрюшка с третьего этажа. Они горячо что-то обсуждали.

– Хотим с Серёжкой смотаться в центр, по бутикам пройтись, – ответила Ирка с набитым ртом, – потом он меня закинет на пару. Мне философию пропускать нельзя! Преподаватель очень вредный, припомнит.

– Так твой Серёжка сюда за тобой приедет?

– Да, через полчаса. А ты-то сама куда собралась?

– В Технический переулок.

– А это где такой? – удивилась Ирка.

– На Бауманской.

– На Бауманской? Да мы тебя подвезём!

– Спасибо, не надо. Я на своей машине доеду.

Ирка, однако, не успокоилась, потому что была до крайности любопытна. Этой чертой она даже Женьку превосходила.

– Технический переулок, – пробормотала она, поднявшись, чтоб мыть тарелки, – что-то знакомое!

– Да, наверное, каждое из этих двух слов ты хоть раз да слышала.

– Там какое-то учреждение?

– Да.

– Какое?

– СК.

– И что означают эти две буквы?

– Синие карапузы.

Убрав тарелки, Ирка опять уселась.

– Надеюсь, это не детский морг?

– Нет, это ещё более безотрадное место.

Мобильник Риты, который лежал перед нею, подал сигнал. Она, казалось, очень его ждала. Чуть не уронив чашку, вышла на связь.

– Алло!

– Рита, здравствуйте, – прозвучал голос Тани – более, чем обычно, звонкий и выразительный, – вас приветствует передача «Утренний разворот» на радиостанции «Лихо Москвы». Вы – в прямом эфире. Меня зовут Танечка Шельгенгауэр. Со мной в студии – мой коллега и соведущий, Александр Пьющев. Напоминаем слушателям, что мы дозвонились до поэтессы Риты Дроздовой, которая час назад сообщила нам эсэмэской, что её вызывают в Следственный комитет для некоего серьёзного разговора. Вы подтверждаете это, Рита?

– Да, разумеется, подтверждаю, – сказала Рита в два миллиона ушей, – ко мне обратились через Фейсбук с пока ещё просьбой прибыть сегодня в десять утра к следователю Храпову.

– Интересно! Прямо вот так и выразились: «мы обращаемся к вам с пока ещё просьбой»?

– Именно так и выразились.

– У вас есть какие-либо предположения, чем могла быть вызвана эта просьба? – взялся за Риту Танечкин соведущий.

– Да. Они, вероятно, заметили экстремизм в каких-то моих стихах. Видимо, попросят их удалить с сайтов, на которых я публикуюсь.

– Но если в ваших стихах нашли экстремизм, то почему сразу не возбудили против вас дело? К чему все эти милые просьбы пожаловать к незнакомым и неприятным вам людям для душевного разговора за чашкой чая?

– Вы так меня спрашиваете об этом, как будто я – следователь Храпов или его начальство! Не знаю. Думаю, им не хочется лишний раз выставлять себя и законотворцев посмешищем, затыкая кому-то рот дурацким законом. Выгоднее, конечно, решить всё миром, без шума.

– Ещё вопрос, – опять подключилась к беседе Танечка, – вы не связываете это странное приглашение с настоящей битвой, которую вы дали позавчера некоей толпе, напавшей в кафе «Ватрушки» на вас, на Дмитрия Бликова и на девушек из панк-группы «Бунтующие малышки»?

– Гипотетически и такое возможно, но я не склонна считать эту версию основной. Те сто человек, которых я вышвырнула из этого замечательного кафе, нашли бы – точнее сказать, найдут другой способ мести. Ваш соведущий прав: беседа за чашкой чая со следователем Храповым – это не неприятность, а всего-навсего небольшая потеря времени.

– Вы поедете в Следственный комитет?

– Я в Следственный комитет поеду, но никакие стихи удалять не буду. О результатах поездки сообщу тотчас.

– Спасибо вам, Риточка. До свидания.

– Всех вам благ, Татьяна Владимировна. И вам, Александр Пьющев.

За окнами занимался пасмурный день. Убрав телефон в карман пиджака, Рита поднялась и стоя допила кофе. Ей никуда не хотелось ехать. Это Татьяна Владимировна, черти бы её драли, сорок минут назад настояла, чтоб приняла она приглашение. Звала Рита её с собой, но хитрая тварь упёрлась – прямой эфир, не могу. А ты, Риточка, будь любезна туда отправиться – пусть тебе эти упыри жрут мозг и пьют кровушку, чтоб мне было о чём трепаться в этом прямом эфире!

Ирка сидела с открытым ртом.

– А, Следственный комитет! – хлопнула она по своим коленкам ладонями, когда Рита чашку поставила, – вот ты, значит, куда поедешь?

– А ты как будто сразу не догадалась! Я ни за что не поверю, что среди взрослых людей есть кто-то, не знающий, что такое СК.

– Да честно, не знала я! С какой стати все должны это знать? Что – кругом, по-твоему, одни воры? Или убийцы?

– Ирочка! Неужели ты, прожив двадцать четыре года в дурдоме, не поняла ещё, что тюремщики и места их работы пользуются у нас всеобщим почтением?

– Следственный комитет – не тюрьма, насколько я знаю.

– Да. Но работают там тюремщики.

Ирка, громко зевнув, пошла одеваться. Было девять ноль пять. Время поджимало. Сбегав к себе за ключами и раз в двадцатый за утро пересекая прихожую, Рита вдруг обратила внимание на пиджак в упаковке, лежавший там, куда накануне она его положила.

– Что за растяпа твоя сестра! – вздохнула она, надевая туфли, – как можно было забыть опять взять подарок своему мальчику?

– Но ведь этот подарок купила ты, – напомнила Ирка. Стоя в костюмчике перед зеркалом, она тщательно наносила на своё вытянутое лицо боевой раскрас. Рита удивилась.

– И что? Разве мы с ней ссорились? Вроде, нет. Я, во всяком случае, ничего об этом не знаю.

– Мне всё же кажется, что она не взяла пиджак по этой причине.

Рита, пожав плечами, вышла. Лифта она решила не ждать. Барабаня шпильками вниз по лестнице, продолжала обдумывать слова Ирки, и ей всё больше казалось, что та права. Но что так могло обидеть её сестру? Вменяемых версий не было.

На скамеечке у подъезда сидели два молодых джигита. Один держал на коленях торт – большой, сливочный. Оба встали навстречу Рите. Она сделала попытку их обойти. Они не пустили. Прохожих было немного. Вдали, за детской пло-

щадкой, две пожилые дамы гуляли с маленькими собачками.

– Пропустите, – тихо сказала Рита, – я закричу!

– Ну, и опозоришься ещё больше, – пригрозил тот, кто держал кондитерское изделие. Его друг подсечкой сбил Риту с ног. Пребольно ударившись об асфальт обеими ягодицами, она вскрикнула. Проходивший мимо мужчина остановился было, но дети гор взглянули на него пристально, и он тотчас продолжил путь. С торта была сорвана крышка. Сообразив, что причёска будет испорчена, если не принять срочных мер, Рита заслонилась рукою. Сделала она это так неожиданно и удачно, что торт свалился ей на плечо, с него – на асфальт. Молодчик, так скверно выполнивший свою часть работы, достал из куртки выкидной нож. Со звонким щелчком освободил лезвие. Более расторопный его помощник вынул айфон. Включая видеокамеру, заявил:

– Слышь, ты! Сейчас ты нам всем будешь приносить извинения.

– Но за что? – спросила сидевшая на асфальте Рита, тоскливо глядя по сторонам – да где же вы, люди? Люди смотрели и проходили мимо. Две пожилые собачницы наблюдали издали, делясь впечатлениями. Единственный во всём доме да и во всём дворе человек, который по крику точно спустился бы и помог – врач Виктор Васильевич Гамаюнов, был на работе. Да, его «Нива» среди машин около подъезда отсутствовала. Джигит с дорогим мобильником уже начал что-то объяснять Рите, когда во двор вкатил внедорожник

– огромный, чёрный. Это был «Гелендваген». Он резко затормозил напротив подъезда. Тот, кто был за рулём, открыл дверь и выпрыгнул.

Глава десятая

Это был молодой мужчина – очень красивый, с чубчиком. Не боясь ни за свой костюм, который ценой не сильно уступал «Гелендвагену», ни за своё лицо, взглянув на которое Рита забыла даже про нож, сверкавший над нею, он подошёл к джигитам довольно близко.

– Эй, вы, друзья-товарищи! Это что здесь за поножовщина? А ну, быстро от девушки отойдите!

Убрав айфон, более толковый джигит круто повернулся и изогнулся, выбрасывая вперёд нижнюю конечность для сокрушительного удара прямо в лицо. Вскоре он лежал на асфальте, захлёбываясь потоком крови, ибо носитель чубчика, уклонившись от сокрушительного удара, кулаком выбил ему несколько зубов. Второго джигита, который бросился на него с ножом, он обезоружил, перехватив его руку и без труда её выкрутив. После этого, взяв противника на бедро, он изящно снёс его головой мусорную урну. Нож зашвырнул в кусты.

Вот уж тут прохожие начали останавливаться. Собачницы осторожно сделали шаг вперёд.

– Вы целы? – спросил красавчик, за руку подняв Риту. Она растерянно заморгала.

– Да, я цела... Спасибо... Я очень вам благодарна! Вы меня просто спасли!

– Что это у вас на плече? А, торт! Тьфу, гадость какая...

А почему вы плачете?

– Я не плачу.

Сказав так, Рита почувствовала, что по её щекам действительно текут слёзы. Она утёрла их, как смогла.

– Нет, всё хорошо! Я просто напугана.

– Вы живёте здесь?

– Да, я живу здесь. Мне нужно сейчас домой!

– Пойдёмте, я провожу вас.

Не обращая внимания на джигитов, которые уже начали подниматься – едва ли с целью возобновить боевые действия, молодой человек под руку ввёл Риту в подъезд. Вызвал лифт. Когда он открылся и вышла Ирка, глаза которой при виде Риты и её спутника округлились, последний вдруг произнёс:

– Ириска, не удивляйся. Девушку тут пытались зарезать возле подъезда, и мне пришлось лишний раз потренироваться. Я сейчас доведу её до квартиры, и мы поедем. Кстати, нужно будет вызвать полицию. Вы знакомы, наверное? Ведь живёте в одном подъезде.

– Мы с ней живём, Серёжа, в одной квартире, – сказала Ирка, – это моя квартирантка, Риточка. Что случилось? Кто на неё напал?

– Давайте поднимемся, – предложила Рита, проходя в лифт. Ирка и Серёжа последовали за ней. Пока поднимались, Рита сбивчиво объяснила, как всё произошло и что от неё

хотели. Вошли в квартиру.

– Я, пока ехал, слушал «Лихо Москвы», – сообщил Серёжа, – ты – знаменитость! Про драку в литературном кафе я слышал ещё вчера. Полицию вызовем?

Рита наотрез отказалась.

– Я никогда не связываюсь с полицией.

– Лучше всё же связаться. Тебе пытаются отомстить.

– А когда полиция в этом деле кому-нибудь помешала?

Серёжа лишь усмехнулся, из чего следовало, что он – человек неглупый. Бросив на него любопытный взгляд, Рита обратила внимание на глаза. Они были маловыразительны и бесцветны. Но для того, чтобы оторвать от них взгляд, потребовалось усилие. Вряд ли Ирка успела это заметить.

Сменив бордовый пиджак, испачканный тортом, на голубой, Рита извлекла из шкафа бутылку виски и налила себе рюмочку. Запила она соком, после чего с досадой ударила себя по лбу.

– Дура! Что я наделала? Как я сяду теперь за руль?

– Да никак не сядешь, – сказал Серёжа, – мы отвезём тебя в Следственный комитет. Как его фамилия, я забыл?

– Кого?

– Следователя.

– Храпов.

Серёжа молча кивнул. Осталось неясным, зачем он задал этот вопрос и что ему дал ответ. Рита ещё раз его оглядела, теперь уже с головы до ног. Сделала второе открытие: пальцы

правой руки были окровавлены.

– Ирка, Ирка, смотри! Он в кровь разбил руку!

Ирка разойкалась, начала искать перекись.

– Удар в зубы очень тяжёл для того, кто его наносит, – пояснил член правления одного из крупнейших банков страны, прикладывая к пальцам платок, – я и не почувствовал сгоряча!

– Ты меня в гроб вгонишь! – стонала Ирка из комнаты. Прибежав с пузырьком и ватой, она старательно обработала повреждённые пальцы. Хотела перевязать, но сын генерала решительно воспротивился. Стоя за спиной Ирки во время её кудахтанья, Рита всё продолжала глядеть на её приятеля. К любопытству прибавилось вдруг ещё одно чувство. Ей до смерти захотелось, чтобы и он – этот мягкий и в то же время безжалостный, флегматичный и в то же время смотрящий на Ирку с нежностью молодой человек также захотел узнать о ней всё.

Тем временем, обработка ссадин была окончена, и причин задерживаться в квартире никто не видел. Вышли на улицу. Двух приятнейших собеседников Риты уж след простыл, как и всех свидетелей драки. Исчезли даже собачницы. На асфальте чернела целая лужа крови.

– Лихо ты их, – заметила Рита, идя за парочкой к «Геленд-вагену», – ты, наверное, мастер спорта?

– Разрядник он, – с игривым пренебрежением протянула Ирка, – первый разряд по самбо! По боевому. Однако, про-

тив меня – щенок!

С этими словами студентка консерватории ущипнула своего друга за ягодицу, как Женьку давеча. Но с Серёжей у неё вышло все не так гладко. Он тут же её схватил, взвалил на плечо и звонко отхлопал по обитательнице изящных кружевных трусиков, задрав юбку. Хорошо, трусики не спустил. Ирка хохотала и вырывалась. Она была усажена в «Гелендваген» спереди. Сев за нею, Рита почувствовала, что и для её собственных филейных частей это сумасшедшее утро не прошло даром. Они довольно сильно болели. Ещё бы – так приложиться к асфальту!

– Можно курить у тебя в машине? – спросила Рита, когда Серёжа завёл мотор.

– Пожалуйста, покури около неё, а потом поедем, – предложил сын высокопоставленного лица, – следователь Храпов нас подождёт.

Стоя с сигаретой у фонаря, Рита видела, что Серёжа говорит с кем-то по телефону. Потом он начал говорить с Ирккой. Точнее, слушать её. Она энергично взмахивала рукой, о чём-то ему рассказывая. Отдельные гласные долетали. Вдруг донеслась и пара согласных, составивших вместе с гласными слово «Женька». Садясь в машину, Рита услышала, как Серёжа сказал:

– Да рано её лечить! Это никакой не алкоголизм. Она перебесится.

– Ты считаешь? – спросила Ирка.

– Дураку ясно. Я в её возрасте водку хлестал стаканами, чтобы показать, какой я крутой.

– Серёжа, ты – мальчик! И пьёт она исключительно для того, чтобы ловить кайф.

– Насколько я понял из твоих слов, она – ещё более жёсткий мальчик, чем я. А кайф её – в том, чтобы ты орала.

– Серёжа прав, – вымолвила Рита, пристёгиваясь, – поехали.

«Гелендваген» взял с места так, что шейные позвонки у Риты остались целы только благодаря подголовнику. Тем не менее, Ирка была весьма недовольна.

– Больше за мной на этом ужасном тракторе приезжать не смей, – пискнула она, когда её друг вывел внедорожник на Вешняковскую, – приезжай, пожалуйста, только на «Ламборджини»!

– Но «Гелендваген» выше, притом гораздо. Разве тебе не приятно смотреть на всех свысока?

– Нисколько, – сказала Ирка, – я не тщеславна. Так что ты думаешь про Артёма?

– Пока ещё ничего. Я с ним незнаком. Познакомь – скажу, что я думаю.

– Так и с Женькой ты незнаком!

– Но ты с ней знакома, насколько я понимаю. А её друга видела только издалека. Давайте все встретимся вчетвером и будем потом друг другу рассказывать, что мы думаем друг о друге.

Ирка с неудовольствием цокнула языком. Машин было много, но «Гелендваген» двигался очень быстро – то подрезая, то вылетая на встречную, то проскакивая на жёлтый свет. Въезжая на Вешняковскую эстакаду, Серёжа вдруг обратился к своей второй пассажирке с просьбой почитать стихи.

– Какие? – спросила Рита, оторванная от грустных мыслей.

– Свои.

– Но я не люблю свои читать вслух! Лучше уж Цветаеву почитаю. Или Ахматову.

– Ты, моя дорогая, делай, что говорю! Должен же я знать, чего от тебя хотят.

Крайне удивлённая тоном последних фраз, а ещё сильнее – их содержанием, Рита продекламировала три злобных стихотворения, сочинённых в августе.

– Экстремизм, – заметил Серёжа, сворачивая на Шоссе Энтузиастов, – ты разместила их в интернете?

– Да.

– Удали.

– Не смей! – заорала Ирка, – какой к чертям экстремизм? Вы что там, с ума посходили все? Кто сказал, что автор в художественном произведении выражает свою позицию? Это может быть так, а может быть и не так! И установить невозможно. Стихотворение – не статья в газете.

– Вы, барышня, чушь изволите городить, – возразил Серё-

жа, – согласен, это невероятно подлый приём – выдавать позицию героя за позицию автора, но ещё более мерзкий приём – прячась за спиной своего героя, тенденциозничать.

– Но судить за это нельзя!

– Полностью согласен. Однако, и не судить за это нельзя.

Классное занятие, чёрт возьми – бросаться камнями в стеклянном доме, крича, что это – свобода самореализации и полёт творческой фантазии! Да, пусть все будут погребены под осколками, но услышат то, что я называю истиной, потому что если камнями-то не бросаться, кто обратит на меня внимание? Кто прислушается ко мне?

– Зачем же вы выстроили стеклянный дом, идиоты? – спросила Рита, – не для того ли, чтобы совать свой нос в чужие дела?

– Очень остроумно! Конечно же, для того, чтоб вы – гениальные, искромётные, жаждущие свободы, его разрушили и построили свой, железобетонный! Он, безусловно, будет и крепче, и комфортабельнее. Но в нём, моя дорогая, камешками бросаться будет бессмысленно. В нём никто тебя не заметит и не захочет к тебе прислушаться, даже если твои стихи будут ещё лучше, ещё сильнее. С тем, что они и сейчас прекрасны, не спору.

– Если я правильно понимаю, ты признаёшь, что закон, по которому её могут привлечь – дурацкий закон? – не отстала Ирка.

– Не безупречный.

– Скажи, пожалуйста, а не будет ли эта небезупречность, допущенная сознательно, в благих целях, распространяться как опухоль? Коль сегодня вы можете посадить писателя за тенденциозность, то не присядет ли завтра на пару лет композитор – за депрессивность, а послезавтра – художник, за искажение выстроенной вами действительности? Ведь нечто подобное уже было не так давно!

– Да, Ирочка, да! Твои педагоги, которые тебе это рассказали, правы. Нечто подобное уже было. И, безусловно, будет. История – это непрерывный, сплошной кошмар. Но вы, одухотворённые творческие натуры, великолепно ловите рыбку в этой мутной воде. Ведь если условные мушкетёры вдруг перестанут условно или буквально резать друг другу глотки ради прекрасных женщин, а женщины перестанут интриговать и уничтожать друг друга из-за любовников, а правители перестанут смачивать землю кровью целых народов – о чём вы будете лить ваши драгоценные слёзы, радующие всё человечество уже несколько тысяч лет? О том, что цветочки вянут?

– Без слёз, по-твоему, будет хуже? – спросила Ирка.

– Конечно. Ведь человек – биоробот, запрограммированный на то, чтобы создавать и решать проблемы. Если их нет, то личность не формируется.

– Можно я покурю? – попросила Рита, выключив диктофончик в своём «Самсунге».

– Кури.

Мелькал перекрёсток за перекрётком. Рита старалась выдыхать дым на улицу, опустив стекло. На Красноказарменной вплоть до Яузы была пробка. Преодолев её за пятнадцать минут, Серёжа изрядно превысил скорость. Но офицер ГАИ, дежуривший за мостом, его не остановил. Ворота СК перед «Гелендвагеном» распахнулись.

– Ты что, работаешь здесь? – удивилась Рита.

– Нет, – ответил Серёжа, въезжая на территорию, – просто я позвонил и предупредил, что приеду.

– Да, это так, – подтвердила Ирка, как будто Рита выразила сомнение, – он звонил.

Сотрудник, дежуривший у ворот, указал Серёже место парковки. Прочих свободных мест и не наблюдалось. Водитель одного из двух «Мерседесов», между которыми надлежало встать «Гелендвагену», переставил свою машину ближе к соседней, чем оказал большую услугу. Ирка решительно отказалась знакомиться с синими карапузами, заявив, что согласна сколько угодно ждать в «Гелендвагене», но не более получаса. Там её и оставив, Серёжа с Ритой вошли в красивое здание, отнятое у научно-исследовательского института и отданное другому учреждению – ещё более научному, судя по обилию в нём господ с учёными степенями. На внутреннем КПП, весьма основательно охранявшемся, молодых людей встретил офицер, вышедший из лифта.

– Мы к Храпову, – пояснил Серёжа, сразу поняв, что он спустился за ними.

– Да, знаю. Здравствуйте. Очень рад. Прошу следовать за мной.

Ни в зеркальном лифте, ни на двенадцатом этаже, куда поднялись, этот офицер ни одного слова не проронил. Сотрудники и сотрудницы, встреченные во время пути по длинному коридору, очень приветливо поздоровались и с Серёжей, и с Ритой, хотя и не были с ней знакомы. Во всяком случае, она видела их впервые.

Немногословный сопровождающий почему-то остановился около двери с табличкой «Руководитель Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук Батрыкин Александр Иванович». Постучал. Видимо, услышав ответ, который Серёжа с Ритой, следовавшие за ним, не услышали, он открыл перед ними дверь и жестом дал им понять, что можно войти. Они так и сделали. Дверь закрылась.

Глава одиннадцатая

Рита вовсе не опечалилась тем, что не довелось почаёвничать с Храповым, потому что его начальник не показался ей отвратительным. Александр Иванович был высок, лысоват, солиден и дружелюбен. Ласково выставив длинноногую секретаршу, которая донимала его каким-то нытьём, он расположил гостей на невероятно мягком диване и предложил им кофе.

– Если хороший, не откажусь, – пошутил Серёжа. Рита не отказалась и от плохого. Сделав соответствующее распоряжение по внутренней телефонной связи, Александр Иванович аккуратно собрал бумаги, разложенные перед ним на столе, и запер их в сейф. Сняв очки, взглянул очень весело на Серёжу.

– Что, милый друг, увлёкся поэзией?

– Нет, я прозу больше люблю, – прозвучал ответ, удививший Риту, – поиски рифмы, по-моему, искажают смысл. Точнее, даже меняют. Разве не так?

– Так-то оно так, но ведь красота остаётся! Стихи как раз тем и хороши, что их можно понимать как угодно, а красотой всё равно любишься. Читал Пушкина?

– Наизусть учил, – с брезгливостью вспомнил школу Серёжа, – послушайте, Александр Иванович! Не люблю я все

эти ахи и вздохи. Давайте лучше о прозе поговорим.

– Ну, давай о прозе поговорим. Кто у нас достойную прозу пишет?

– Пелевин.

– Так он, Серёженька, за границей живёт, в Германии! Моя внучка ходит в тот же бассейн, что и он, великий писатель твой!

– Ну и что? Я вам предлагаю его сейчас обсудить, а не арестовывать. Он довольно великолепен. Вы не находите?

– Не читал, – признался Батрыкин, – внучку спрошу. Уж ей-то виднее, чем нам с тобой! Она всё же с ним немножко знакома.

– При чём здесь это? Помилуйте! О писателе судят по его книгам, а не по впечатлениям от знакомства.

– Я не могу согласиться с такой позицией. На мой взгляд – для того, чтобы понимать, насколько та или иная книга заслуживает внимания, надо знать образ жизни и биографию её автора. Например, если онанист любовный роман состряпает, у меня возникнет вопрос: кому это интересно?

Рита не понимала, что происходит. У неё не было ощущения, что двум умным и весьма занятым людям не о чем поболтать. Они ведь столкнулись не на автобусной остановке! Батрыкин знал, кто к нему пожаловал. Знал, зачем. И пожелал лично встретиться с гостем. И вот – такой разговор!

Тем временем, секретарша принесла кофе. Поставив чашки на столик, она сверкнула белыми зубками, повернулась

на тоненьких каблучках и улепетнула.

– Вот взять хотя бы эту твою красавицу, – продолжал развивать свою мысль Батрыкин, дождавшись, когда закроется дверь и косо взглянув на Риту. Выдвинув верхний ящик стола, достал лист с малюсеньким текстом, – не далее как сегодня она успела наябедничать на Следственный комитет абсолютно всем, включая тебя. Её, мол, на чашку чая зовут кровавые палачи! Спасите, мол, помогите! А ты послушай, какие стихотворения сочиняет...

Надев очки, прочитал с нажимом на слово «смерть»:

Смерть идёт за мной,
Я – за ней
По стране родной
Много дней.

Разве нет отпетой
Шпаны
У поганой этой
Страны?

Дед Мороз! Даруй
Мне конец —
Но не ..., не ...,
А пипец!

Последнее слово он перевёл с подзаборного на дебильный. Бросив лист на стол, снял очки, – каков пафос! А?

– Да что вы городите? – возмутилась Рита, – при чём здесь пафос? И почему – успела наябедничать? Средства массовой информации – это, к вашему сведению, инструмент контроля над властью! Я им воспользовалась.

– Да ладно уж, не выпрыгивай из штанов, – с досадой махнул ладонью руководитель влиятельной силовой структуры, – знаешь ведь, что шучу. Было бы о чём говорить серьёзно – не кофе бы ты пила со мной, а коньяк, зараза такая!

– А вот и нет! Я коньяк не пью.

– Думаешь, я пью? Но скоро начну, потому что вот вы у меня где, сволочи! – Александр Иванович мученически провёл ладонью по горлу, – блогеры, журналисты, акционисты! Теперь ещё и поэты грёбанные попёрли, как мухоморы после дождя! Ты думаешь, мне приятно доносы тут разбирать, а потом по ним ещё и отчитываться?

– Доносы?

– А что ты так удивляешься? Помнишь фразу Довлатова: «Да, Сталин – негодяй и палач, но кто, чёрт возьми, написал сорок миллионов доносов?» Думаешь, общество изменилось? Да ничего подобного! Изменилось то, что ты порицаешь в своих стихах, а именно – отношение власти к обществу! Да, да, да! Ведь если бы это было не так – ты бы, дорогая, давно сидела. И это – в лучшем случае. А ты кофе тут пьёшь со мной!

– Александр Иванович, а вы можете дьявола изловить? – вдруг спросила Рита, поставив чашку, только что взятую и оставшуюся наполненной до краёв. Александр Иванович озадаченно поглядел на Серёжу, будто вопрос задал тот, затем – вновь на Риту.

– Дьявола?

– Да. Он меня преследует эсэмэсками эротического характера. Как вам это?

– Нормально, – пожал плечами Батрыкин, – ты симпатичная дама, а он – мужик какой-никакой. А ты точно знаешь, что это дьявол тебя преследует?

– Разумеется. Он ведь знает про меня то, чего я сама про себя не знаю. Вот, посмотрите.

Достав мобильник, Рита приблизилась к Александру Ивановичу и дала ему прочитать сперва СМС про трусики, а затем – про Иркин облезший лак.

– Очень интересно, – сказал Серёжа, также взглянув, – так он, стало быть, и Ирку преследует?

– Ирку – нет. Он ей ничего не пишет.

– Может, она скрывает?

– Да ничего она не скрывает! Дура она. Ему угрожаю я.

– Можно узнать, чем?

– Да, можно. Разоблачением. Он не ходит с рогами. У него – вид обычного человека и адекватное поведение. Если вы, Александр Иванович, побеседуете с ним о литературе, то он вам скажет, что вы – моральный урод.

Один из трёх телефонов, стоявших перед Батрыкиным, заиграл мелодию. Бросив взгляд на определившийся номер, главный следователь страны поднял трубку.

– Да. Добрый день.

И больше ни одного слова не произнёс, внимательно слушающая. Вдруг вскочив, Серёжа стремительно вывел Риту из кабинета.

– Спустись, пожалуйста, к Ирке! Я выйду к вам через пять минут.

– Серёжа! Я собиралась спросить, кто прислал донос!

– Я выясню всё, ты даже не беспокойся. Иди, иди! Не вздумай вернуться.

Ирка в машине болтала по телефону. Посему Рита, которая собиралась заняться тем же, стала ходить вокруг «Гелендвагена», набирая Танечке, а потом с нею разговаривая.

– Ты где? – обрадованно воскликнула журналистка, сразу выйдя на связь.

– Я только что вышла из синего карапузника.

– Ха-ха-ха! Из синего карапузника! Зашибись! И что?

– Поступил донос. От кого, я выяснить не смогла. Как только я начала говорить про дьявола, меня выгнали.

– Ты что, дура?

– Нет.

– Про какого дьявола?

– Про того, который мне эсэмэски шлёт.

Выругавшись матом, Таня спросила:

– И это всё?

– Нет, это не всё. Серёжа ещё не вышел.

– Какой Серёжа?

– Иркин любовник. Я ведь тебе про него рассказывала!

– Да, помню.

– Он ездил вместе со мной, и сейчас пытается что-то выяснить. Давай встретимся! Ты уже закончила свой эфир?

– Пять минут назад. Я ещё на радиостанции. Приезжай через час в кафе, которое здесь, на Новом Арбате, около книжного магазина.

– Договорились.

Поскольку Ирка всё продолжала трепаться по телефону, Рита продолжила ошиваться возле машины, глядя на город под серым небом. Осень уже вступала в свои права. Казалось невероятным, что кто-то, кроме людей, цепляется здесь, в грохочущем городе, за свою ужасную жизнь – какие-то птицы, собаки, кошки. Какой кошмарной, должно быть, им представляется окружающая действительность, где найти корку хлеба почти невыносимо, а вот получить по голове камнем – проще простого. Да, по сравнению с ними она, конечно же, счастлива, потому что литературные семинары, пусть и с большим количеством идиотов – это не корки, а пряники. Камни, в роли которых выступили угрозы и торт, были смехотворны. Так что, жить можно.

Серёжа вышел не через пять, а через пятнадцать минут.

– Ну, как? – с тревогой приблизилась к нему Рита, видя,

что он не весел, – что-нибудь выяснил?

– Да. Поехали.

Он был очень не весел. Ирка как раз закончила болтовню. Также недовольная чем-то, она сказала, что препод по философии уже входит в зал, и в случае опоздания ей – конец.

– Ещё поживёшь, – заверил Серёжа. Он сделал всё для того, чтоб выполнить обещание. «Гелендваген» двигался к центру так, что Ирка и Рита ежесекундно прощались с жизнью. Их визг порой гармонировал с грустным голосом Анжелики Варум образца девяносто третьего года, звучащим из необъятных динамиков. На лице водителя за весь путь ни разу не дрогнул ни один мускул. Затормозив у стендов консерватории, он небрежно поцеловал ледяную руку своей возлюбленной и сказал, что вечером позвонит.

– Дурак, – пискнула возлюбленная и, выпрыгнув из машины, помчалась к зданию. Как она была именно сейчас похожа на Женьку!

– Тебя, моя дорогая, куда доставить? – спросил Серёжа у Риты, выключив Анжелику Варум, которая душераздирающе пела про городок.

– На Новый Арбат.

– Хорошо. Спереди, пожалуйста, сядь.

Рита пересела. Почувствовав тепло Ирки, ещё хранимое кожаными сиденьем, она взглянула ей вслед. Но старшая копия Анжелики Варум уже затерялась среди ребят, стоявших у входа в учебный корпус. Рита задумалась. И когда всё вдруг

стало уплывать – она испугалась, не сразу сообразив, что это машина тронулась. Было чувство, что никогда ей более не увидать Ирку. Пытаясь чувство это прогнать, Рита закурила.

Серёжа на этот раз вёл машину медленно, и его лицо уже не казалось таким спокойным. Но странно – Риту не волновало уже ничто, кроме ощущения невозвратности дорогого ей человека.

– Кто написал донос? – спросила она только из признательности к Серёже, который потратил на неё столько времени.

– Да никто.

– Как это – никто? – удивилась Рита, – он ведь конкретно и недвусмысленно говорил про доносы!

– Считай, что это было художественным преувеличением. Александр Иванович, как ты, может быть, успела заметить, склонен к гротеску.

Свернув на Никитский бульвар, Серёжа и вовсе понизил скорость до черепашьей, не обращая внимания на сигналы. Было понятно, что ему есть ещё что сказать. Но он почему-то не говорил. Внимательно глядя на его профиль с премило вздёрнутым носом, Рита спросила:

– Должно быть, кто-то выразил пожелание, чтобы я удалила некоторые свои стихи с некоторых сайтов?

– Все, отовсюду, – сухо проговорил Серёжа, – и принесла глубокие извинения.

– А вот это номер! Кому?

– Народу России, особенно выделяя самую импозантную его часть.

Рита улыбнулась, гася окурок.

– Я трепещу! Вся моя спина покрылась мурашками! А за что надо извиняться?

– За пропаганду гомосексуализма, пьянства и наркомании. За нападки на свою Родину в виде подлого искажения её прошлого и подлейшего очернительства настоящего. За культурный уровень ниже плинтуса в канализационном подвале. За оскорбления религиозных чувств граждан. За экстремизм. Достаточно?

– Да, – проронила Рита и отвернулась, чтобы ещё раз увидеть дом, в котором жил Гоголь. Она не плакала. Слезы даже и не просились. Не было жаль ничего, да и никого, кроме одной Ирки. Ирочка, Ирочка! Что творится? Зачем ты вышла? Нужна тебе эта лекция? Осень ведь на дворе! А она – страшнее весны гораздо.

– Я уничтожу свои стихи. И я принесу глубокие извинения сволочам.

К Новому Арбату со стороны Кремля шёл плотный поток. Вклинившись в его правый ряд, Серёжа ответил:

– Нет.

– Что, нет?

– Ты не уничтожишь свои стихи. Не будет и извинений.

– А почему?

– Потому, что я так решил, о чём и сказал Батрыкину. Он,

конечно, уже успел сообщить о моём решении тем, кому ты не угодила. Я не хочу выглядеть посмешищем. Где ты выйдешь?

– Но почему? – повторила Рита, не обратив внимания на вопрос, – скажи, почему?

– Да всё очень просто. Вы с Ирккой были гораздо более убедительны, чем Батрыкин.

– Нет! Это бред! Ты хоть понимаешь, как ты рискуешь? А толку что? Меня всё равно убьют, если я не сделаю то, чего от меня хотят!

– Об этом ты даже не беспокойся. Я всё беру на себя.

Рита провела ладонью по лбу. На её ладони остался холодный пот.

– Так где тебя посадить? – повторил свой вопрос Серёжа.

– Останови возле «Дома книги».

Час после разговора с Танечкой не прошёл. Серёжа не просто остановил – он припарковал «Гелендваген» у тротуара. Не обращая внимания на людей, проходивших рядом, начал активные боевые действия. Рита долго сопротивлялась – её смущало пятно Иркиной помады под его носом. Но штурм был слишком умелым. По «Гелендвагену» разлетелись юбка, колготки, трусики. Не кричать Рита не смогла. И вопли её, и голые ноги – высоко задранные, белевшие сквозь стекло, собрали толпу. Многие снимали на телефоны. Среди бессовестных зрителей была Таня, которая поднялась из подземного перехода. Глядя на эти великолепные ноги, сведён-

ные нереальной волной оргазмов, радиожурналистка грызла большое красное яблоко и пыталась представить, как выглядит эта сука, звероподобно дающая посреди Нового Арбата, между элитной радиостанцией и большим книжным магазином. Танечке посчастливилось удовлетворить любопытство. Ноги довольно скоро были опущены, нестерпимо тонкие вопли – прекращены. Появилась верхняя часть мужчины, который быстро помог женщине одеться и сел за руль. А потом правая дверь открылась, и пассажирка машины из неё вышла, разглаживая руками пиджак и юбочку. В эту самую юбочку даму всунули кое-как, да и на причёску не обратили внимания. «Гелендваген» тотчас умчался, а обладательница роскошных ног и сильного голоса огляделась по сторонам. Сборище зевак само по себе вовсе не смутило её, однако при виде Танечки она капельку покраснела.

Глава двенадцатая

Подруги решили зайти поглядеть книжные новинки. На втором этаже, околачиваясь среди стеллажей с мистической и эзотерической дребеденью, они столкнулись нос к носу с Любочкой, ученицей Дмитрия Львовича. Так как обе были знакомы с нею не только по давешнему скандальному семинару, приветствие было тёплым.

– Риточка, Танечка! Умоляю – не говорите Дмитрию Львовичу, что вы здесь меня видели! – сразу после обмена любезностями взмолилась въедливая студентка, – очень обяжете!

– Почему? – удивилась Танечка, – что ужасного в том, что ты посещаешь книжные магазины?

– Да я отдел имела в виду! Я сюда нечаянно забрела. Пойдёмте, пойдёмте отсюда, девочки, ради бога! Меня от одного вида всех этих так называемых книг тошнит!

– Так иди, иди, моя дорогая, – со всей доступной ей мягкостью подтолкнула Таня студентку к отделу японской прозы, – мы тоже сюда нечаянно забрели, нас тоже тошнит, нам тоже ужасно стыдно! Можешь всё это Дмитрию Львовичу передать. Но только не говори, что мы собираемся расслоить третий и четвёртый уровни подсознания с помощью шивуларного ренальсикта восьмого уровня, потому что если он

об этом узнает, то перестанет нас угощать чаем и ватрушками. Брысь отсюда!

Любочки моментально и след простыл.

– Дмитрий Львович жжёт не по-детски, – вздохнула Танечка, беря с полки книгу про пентаграммы.

– Да ни при чём он здесь, – возразила Рита, – эта девчонка просто сама по себе не дура – знает, где можно быть, где нельзя. А пойдём посмотрим, каких поэтов и поэтесс сегодня печатают!

– А давай не будем смотреть на это, – скривила Танечка мордочку, – нам обедать потом идти!

Рита настояла. Отдел поэзии был огромен, и по нему слонялось довольно много народу. Полистав книгу некоей Маргариты Пилатской и обнаружив гораздо больше портретов автора с его кошками, чем стихов, что книге пошло на пользу, поскольку кошки были милы, Рита прочла вслух одно из стихотворений:

Где бы мне найти таких друзей,
Чтобы с ними можно было смело
На войну, в походы и в музей,
И доверить им любое дело?

– Вот это круть! – чуть не захлебнулась восторгом Таня, – а ну, дай заценить фотки! Сколько ей лет-то, этой воительнице? Двенадцать?

– Явно тринадцать! Плюс-минус сорок. Скорее, плюс.

– Охереть! Войне все возрасты покорны. Ой, ой, какие лапулечки!

– Пойдём прозу теперь посмотрим, – ставя книгу на полочку, предложила Рита, – мне кажется, мы должны обнаружить нечто достойное.

– Слушай, Ритка! Если бы меня так же весело покатали на «Гелендвагене», я бы тоже часок-другой смотрела на мир сквозь розовые очки. Но мне закрутили нервы перед эфиром, и он прошёл отвратительно! Я устала! Я хочу жрать! Пошли поедем.

– Тебе лишь бы жрать! Нет бы насладиться духовной пищей! Да уж пошли, чёрт с тобой.

Кафе находилось в соседнем здании, на втором этаже. Оно было очень милым. Но, обнаружив за столиком у окна коллег по работе – Ирочку, Олечку и Мефодия, помогавшего на эфирах спортивным и автомобильным обозревателям, Танечка прошептала десятка два бранных слов. Коллеги призвали её и Риту к ним присоединиться. Две книжечки решительно отказались и разместились как можно дальше от них, ибо разговор предстоял серьёзный. Употреблять алкоголь им было нельзя – Танечка была за рулём, а Рита планировала поездку.

– Я буду суп, – сказала последняя, пролистав меню с большим интересом, чем том стихов воинствующей кошатницы, – суп грибной, с белыми грибами. Картошку с мясом.

Кофе. И всё.

– Кофе вам какой? – спросила официантка.

– Такой, чтобы у меня в глазах почернело! Я хочу спать, а спать ещё сутки будет нельзя.

– А мне – салат с курицей, – попросила рыжая журналистка, – и капучино. И круассан.

Чётко повторив все пункты заказа, официантка ушла. Таня вдруг заметила, что Мефодий на неё смотрит. Он уже целый год на неё смотрел. Это раздражало.

– Давай махнёмся местами, – вздохнула Танечка, – не хочу сидеть к ним лицом!

Рита обернулась, и ей всё стало понятно.

– Ты ведь хотела, чтобы тебе дали покататься галопом, – сделала она очень выразительный жест, когда пересели, – так чем же ты недовольна?

– Ну его на хер! К делу давай уже перейдём.

Рита закурила. Рядом с ней тотчас оказался администратор. Он попросил её соблюдать закон о полном запрете курения в ресторанах. Спорить тут было не о чем, и поэтому Рита спорить не стала. Одной затяжкой всосав в себя столько дыма, сколько мистеру Холмсу хватило бы для решения трёх задач, она отдала сигарету администратору. Тот ушёл. Танечка ждала. Подумав, с чего начать, Рита рассказала об утреннем происшествии, о беседе с Батрыкиным и о том, что ей после этого сообщил Серёжа. Тут принесли заказ. В процессе еды Танечка прослушала запись, сделанную в машине

после того, как Рита прочла Серёже и Ирке свои стихи.

– Это потрясающе, – пробубнила радиожурналистка с набитым ртом, когда запись кончилась, – это нечто! Тебе самой не смешно?

– Немножко смешно.

– Хорошо, хоть так. Нечасто приходится слышать мразь, которая упивается своей сущностью! Ты заметила, как красиво он увильнул от вопроса Ирки про опухоль?

– Я заметила, – проронила Рита, дохлебав суп, – только почему ты мразью его считаешь? Да, это сын своего отца до мозга костей, однако ведь в нём другое возобладало! Он безраздельно встал на мою позицию, понимая, как велик риск. Он спас мою жизнь. Он спас моё творчество. Он...

– Отодрал тебя, как кобылу, – вставила Танечка, утерев салфеточкой ротик, – и это – самое главное. Разве нет?

Рита промолчала. Картошка с мясом пошла в неё, как сугроб с дороги в снегоуборочную машину.

– Я правильно понимаю, что ты решила забить на эту историю с казино? – продолжала Танечка.

– Да, конечно! Как я могу угрожать отставкой, если не уголовным делом отцу того, кто спас мою жизнь, моё творчество и, как вы изволили выразиться, Татьяна Владимировна, отодрал меня как кобылу? Ты бы смогла?

– А почему нет? Я насквозь продажна. Разве тебе об этом не говорили умные люди?

– Умные – нет. Только мудаки одни говорили.

– Ну, хорошо. Отвечаю. Нет, не смогла бы я. Я – животное, как и ты.

Танечка пила капучино с таким лицом, что хотелось выбить из её рук стакан, вскочить и уйти, чтобы эту рожу не видеть. Но вместо этого пришлось думать, как подлизаться к рыжей ехидне. Рита решила спросить у неё об общей знакомой.

– Как Верка там?

– Хорошо. Играет на скрипке.

– Всё в том же театре?

– Да. Слушай, Ритка! Скажи, пожалуйста, честно: когда наш общий друг Бликов подвёл нас к выводу, что Цветаева – это бог, ты богом себя сочла?

Рита улыбнулась и положила вилку в уже пустую тарелку.

– Да. Я встречаюсь с мёртвыми, как Цветаева и Христос. Я пишу стихи, притом гениальные – то есть, абсолютно владею словом, которое и есть Бог, согласно Евангелию. А кто может владеть Богом, кроме самого Бога? Вдобавок, меня никто никогда не любил как женщину, хотя я красива.

– Последнее здесь при чём? – не поняла Танечка.

– Любят душу. Если меня, несмотря ни на что, не любят, а только страстно хотят – значит, у меня души нет. А это – свойства Бога. Он – нечто большее, чем душа, потому что сказано: «Бог есть Дух». Логично?

– В принципе, да.

Рита рассмеялась и начала пить кофе.

– И я тоже так считаю. Но только всё это – чушь. И на твой вопрос, который ты хочешь сейчас задать, я отвечу так: да, у Бога с чёртом ничего общего быть не может. Но я – не Бог. Это просто цепь совпадений. Я – человек. И быть человеком... точнее, чувствовать себя человеком – это гораздо лучше, чем чувствовать себя Богом.

– Я поняла, – улыбнулась Танечка, – генеральский сынок сказал, что он тебя любит, а ты, овца, и уши развесила! Тебе сколько лет-то? Пятнадцать?

– Мне тридцать пять. И я бы его словам не поверила ни за что. Но есть доказательство.

– Твёрдое?

– Таня, хватит пошлить! Ты прекрасно знаешь, чем он рискует, чтобы спасти то самое дорогое, что у меня осталось – мои стихи и моё достоинство. От меня ведь требуют унижения!

– Хорошо, – согласилась Таня, подумав, – я не готова к такому спору. Если ты полагаешь, что твоё творчество и твоё достоинство могут быть спасены таким образом, у меня нет права влезать с советами и, тем более, отговаривать. Я желаю тебе удачи. Я не иронизирую, Ритка! Если тебе понадобится какая-нибудь моя помощь, я буду счастлива оказаться тебе полезной.

– Как это странно, – проговорила Рита, опять достав сигареты, но не закуривая.

– Что странно?

– Да то, что ты так быстро отстала. Ты ведь упёртая!

– Я не сею там, где не всходит.

– Но почему ты мне не сказала о том, что я поступаю подло по отношению к Ирке? Возможно, это бы и взошло! Как можно спасти достоинство, совершая подлость? Я уж не говорю про стихи! Стихи – это брызги крови, хлещущей из души. Подлая душа не кровоточит. Она разлагается.

– Если бы я это сказала, ты бы мне не поверила, – возразила Таня, – даже самой себе ты сейчас не веришь. Правильно делаешь. Ты бы не согласилась убить стихи, если бы Серёжа, который сперва на этом настаивал, был тебе безразличен. А уж когда он тебе сказал, что всё берёт на себя, ты вбила себе в башку, что он – твой спаситель. Всеми виной – порыв страсти. А страсть – не подлость. Ирка сумеет тебя простить, особенно если всё закончится плохо. Так вот надейся на то, что всё плохо кончится.

– Танька, Танька! – вскричала Рита, – ты – чудо! Ты для меня, в некотором смысле, незаменима. Помни об этом, если со мной что-нибудь случится! Ты ведь мне веришь?

Танечке почему-то стало смешно.

– У меня есть свойство верить во всё ужасное. И я верю. Впрочем, моё к тебе отношение также, можно сказать, граничит с экстримом.

– Тогда, пожалуйста, заплати за меня, – попросила Рита, вставая, – я совершенно не при деньгах.

– Ты сильно спешишь? Может, прогуляемся по Арбату?

– Арбата нет, – заявила Рита, – он уничтожен. И мне пора.

Щёлкнув Таню по лбу, она направилась к выходу. За столом у окна остался один Мефодий. Он продолжал таращить глаза на Таню, хоть та сидела к нему спиной. Минуя его, Рита ненадолго остановилась, чтоб наклониться и прошептать.

– Она тебя ждёт! Дорогой ликёр закажи – растает.

– Так ведь она за рулём, – возразил молоденький журналист.

– Если она вспомнит об этом после того, как понюхает эквадорский ликёр с красным уголком, я – жопа с ушами! Потом домой её отвезёшь, да там и останешься.

Нерешительность на лице Мефодия стала более выразительной. Обернувшись уже за дверью, Рита увидела, как он спрашивает о чём-то официантку.

Было два часа дня. Спустившись на улицу, Рита по подземному переходу прошла под Новым Арбатом, и переулками, мимо Старого, зашагала в сторону Гоголевского. Она не глядела по сторонам. Арбат без души, которую воплощали сотни её приятелей, создававших картины, музыку, сувенирное изобилие и иллюзию превосходства маленькой пьяной грусти над бесконечным парадом, Арбат убитый и размалёванный был ей мерзок, как лицо друга, который предал её.

Глава тринадцатая

Дома была Женька. Она сидела на кухне, выдёргивая из струн несчастной гитары что-то похожее на стенания провалившейся в прорубь кошки. Увидев Риту, мучительница гитары, кошки и проруби улыбнулась.

– Как у тебя дела? – спросила у неё Рита из своей комнаты, переодеваясь в джинсы и свитер.

– Нормально. Как у тебя?

– Тоже ничего. В деревню сейчас поеду.

– Ого! Надолго?

– На одну ночь.

– А яблочек привезёшь?

– Чтобы ты себе ещё барабан купила? В жопу иди!

Женька промолчала. Надев джинсовую куртку-варёнку и расстав по её карманам ключи, документы, деньги, Рита пошла на кухню, чтобы попить чайку. Идя по прихожей, она опять обратила внимание на пиджак, лежавший на прежнем месте. Женька не унималась.

– Хочешь, я тебе педагога хорошего подгоню? – предложила Рита, делая себе чай.

– Да ну тебя на фиг! В колледже задолбали эти козлы! Или это тёлка?

– Девчонка, немного младше меня. Она, вообще, скрипач-

ка, однако и на гитаре круто играет.

– Если бесплатно, то я подумаю.

Рита даже не знала, что и сказать. Наполнив большую кружку, она уселась. Женька вдруг заиграла гораздо лучше. Бесхитростный рок-н-ролл Риту впечатлил.

– Ого! – сказала она, руками и туловищем проделав несколько соответствующих движений, – вот это было недурно!

– А, ну её! Задолбала.

Поставив гитару в угол, Женька зевнула, бросила взгляд на тарелку с пряниками, стоявшую перед нею, и съела один из них. Потом вдруг спросила:

– Зачем мне преподаватель? Ты ведь отлично знаешь, что я могу нормально играть! Ты слышала вроде, как я играю. Просто решила меня позлить?

– Я просто решила – ты иногда притворяешься, что умеешь играть.

– Как это возможно?

– Женечка! Про таких, как ты, говорят: если эта дрянь утонет в реке – надо искать труп выше по течению, а не ниже.

– Да ты меня оскорблять уже задолбала! – взбесилась Женька, – что я такого сделала? Почему меня все считают какой-то тварью?

– А почему пиджак до сих пор лежит здесь, на тумбочке? На хера я его купила? Чтоб он просто так валялся? Думаешь, мне приятно видеть такое?

Женька растерянно заморгала.

– Пиджак?

– Пиджак, твою мать, пиджак! Ты можешь мне объяснить, почему ты его не даришь своему парню?

– Да, я могу это объяснить.

– Ну, так объясни!

Медленно сожрав ещё один пряник, Женька подумала, почесала ногу и объяснила:

– Да не идут ему пиджаки! Лицо у него совсем не для пиджака! Профессор он, что ли? Кстати, очки вот ему пошли бы. А пиджак – нет.

– Ну а почему ты мне не сказала об этом раньше, как только я предложила купить пиджак?

– Откуда я знаю? Я ничего не помню! Отстань, отстань, ненормальная! Ты тогда по карманам лазила, и я думала лишь об этом!

Схватив гитару, Женька умчалась в комнату. Развалившись там на диване, она опять засунула кошку в прорубь. Слушать такое было уже невыносимо.

– Женька! – крикнула Рита, – я сейчас на Арбатской купила диск «Ace of Base». Пятьдесят хитов. Представляешь – я под один из них много лет назад лишилась невинности! Если хочешь, оставлю тебе послушать.

Женька, садистским образом топя кошку, грубо ответила, что не хочет слушать старьё, даже если именно под него какую-то проститутку в первый раз трахнули. Обжигаясь, Ри-

та допила чай и выбежала на улицу. Её «Форд» стоял около подъезда. Открыв капот, Рита посмотрела уровень масла и охлаждающей жидкости. И того, и другого пришлось добавить. На всякий случай подзатянув хомуты с помощью отвёртки, которую прежний владелец «Форда» забыл в багажнике, Рита эту отвёртку сунула под сиденье. С некоторой тревогой она завела мотор, который жрал масло сверх всякой меры. Удостоверившись в том, что он, несмотря на это, работает идеально, вставила в магнитолу купленный на Арбатской диск и пустилась в путь.

Время приближалось к пяти. МКАД летел со свистом. Уже достигнув по нему Ленинского проспекта, Рита, заморожённая музыкой своей юности, начала ощущать лёгкий дискомфорт оттого, что синий «Лэнд Ровер», следовавший за ней почти от самого дома, всё продолжал маячить в салонном зеркале. А когда он свернул за ней и на Симферопольское шоссе, лёгкий дискомфорт перерос в сильную тревогу. Пользуясь малой плотностью трафика, Рита разогналась почти до двухсот. «Лэнд Ровер» не отставал. Вместе повернули на Серпухов.

К железнодорожному проезду была длинная очередь, и машины стояли. «Лэнд Ровер» остановился прямо за «Фордом». Переложив отвёртку с пола на пассажирское кресло, Рита убавила громкость музыки, и, достав телефон, позвонила Ирке.

– Да, – ответила та откуда-то с улицы, – я вас слушаю,

госпожа Дроздова. Что вы желаете?

– Ирка! Пожалуйста, попроси Серёжу мне позвонить.

– Позвонить? Тебе? Но зачем?

– Прошу тебя, ради Бога, не задавай вопросов! Мне угрожает опасность. У меня нет номера Серёжи. Скинь ему мой. Пусть позвонит срочно!

– Я поняла, – встревоженным голосом отозвалась Ирка и сразу ушла со связи. Её возлюбленный позвонил через две минуты. Всё это время Рита то озиралась по сторонам, то всматривалась в «Лэнд Ровер», пытаясь что-либо разглядеть за тёмным стеклом. Спереди и сзади были машины, справа и слева – лес.

– Что произошло? – спокойно спросил Серёжа, – Ирка сказала, что ты в опасности.

– Да, да, да! Я еду в деревню. Меня преследует синий джип, «Лэнд Ровер». Он за мной тащится от подъезда – по МКАДу, по Симферопольскому, на Серпухов повернул. Я и разогналась, и тормозила – он всё равно висит на хвосте!

– А ты номер видишь?

Рита продиктовала номер.

– Ого! Донецкий, – проговорил Серёжа с высокой степенью озадаченности, – ну, ладно. Поступим так. Ты гони обратно, в Москву. А я постараюсь выяснить, кто к тебе прицепился, и принять меры. Они, скорее всего, отстанут.

– А если нет?

– Тогда подъезжай к полиции и звони опять мне. Сейчас

скинь мне номер по СМС.

Не успела Рита выполнить эту просьбу, как засвистел скорый поезд. Когда он прогрохотал, шлагбаум был поднят. Машины тронулись. Гнать обратно Рита не собиралась. Ей очень нужно было поговорить с Наташей. И у неё возник другой план. Въехав в Серпухов, она целый час по нему крутилась, таская за собой джип в надежде, что он сожрёт весь бензин. Но не тут-то было! Видя, что в баке её собственной машины осталось не более семи литров, Рита решила продолжить путь. Выехав за городскую черту, она набрала Наташе.

– Салям-калям, рыжая лисица! Я к тебе еду.

– Я – белая голубица, – пробормотала Наташа зашпанным голосом, – зачем едешь?

– Надо поговорить. Пока ехала по МКАДу, кое-что обнаружила. Ко мне хвост прицеплен.

– Какой? – за одно мгновение окончательно пробудилась сельская жительница.

– Донецкий, судя по номерам. Синий джип. «Лэнд Ровер».

– Ну, это вряд ли по мою душу! У тебя есть стихи про Донбасс?

– Ещё не хватало! Но их другие стихи могли оскорбить. Они ведь горячие патриоты!

– Как ты достала! Ну, оторвись от них, оторвись!

– Наташенька, я стараюсь, очень стараюсь! Но ты около

калитки всё же постой. Буду через час. Или через два.

Рита завернула на АЗС, благо что там было достаточно многолюдно. Денег хватило ровно на тридцать литров. Из куртки толстого мужика, который заправлял «Ауди», удалось выудить пятёрку. На эти деньги Рита почти полтора часа пила чёрный кофе и ела гамбургеры в кафешке при АЗС, глядя из окна на «Лэнд Ровер», который ждал на обочине. Из него сперва вышел пассажир, а затем, дождавшись его – водитель. Обоим нужно было в сортир. Вид они имели провинциально-бандитский: рожи небритые, куртки кожаные, штаны – тренировочные. Темнело. Сообразив, что ночью по сельской местности так вот ехать будет опасно, Рита опять уселась за руль. И опять «Лэнд Ровер» двинулся вслед за ней.

Через полчаса достигли глуши, форсировав мост через реку, из коей Рите так и не удалось выудить линия. Действительно – на разбитой бетонке, тянущейся среди полей от одной деревни к другой, сделалось тоскливо. Рита давила на газ безжалостно, заставляя несчастный «Форд» трещать по всем швам. Её преимуществом было то, что ей, в отличие от водителя внедорожника, здесь была известна каждая яма, каждый ухаб, каждый поворот. «Лэнд Ровер» слепил её дальним светом, но обогнать не пытался. Это, конечно, было бы чересчур рискованно.

Промелькнули две деревушки. Далее путь лежал сквозь туман, между речным берегом и полями. Разогналась Рита так, что чуть не проехала поворот на своё село. Приближа-

ясь к дому, она дала протяжный гудок. Это было лишним – Наташа уже стояла возле забора, белея под фонарём взломанной башкой.

– В дом! – крикнула она, когда Рита выскочила из «Форда», схватив с сиденья отвёртку, – выбегай в сад и жди меня там! Если что, беги!

– Отвёртку возьми!

– Засунь её себе в жопу!

Преодолев ступеньки крыльца, Рита оглянулась. Она увидела, как из джипа, который остановился вплотную к «Форду», вылезли двое. Больше она ничего не видела и не слышала, потому что влетела в дом и зажала уши ладонями. В сад решила не выбегать. Посреди терраски, где они с дедом обычно завтракали, присела на корточки. Через две минуты, решившись опустить руки, она услышала только ветер и комаров. Было очень тихо.

Глава четырнадцатая

Наташа была безжалостна. Для того, чтобы запихнуть в «Лэнд Ровер» трупы обоих мордоворотов, причиной смерти которых стал перелом шейных позвонков, она за шкирман выволокла Риту из дома, сначала дав ей по морде, чтоб не орала. Удар вполсилы был страшен. Проехавшись вверх тор-машками вдоль всего коридора, Рита не без труда встала на ноги. Её рот наполнился кровью.

Вдвоём они кое-как справились с работой. Два атлетич-ных трупа в кожаных куртках были помещены в багажник, куда вполне можно было бы погрузить ещё пять, и свер-ху накрыты фронтальной плащ-палаткой Ивана Яковлевича. Не успела Наташа закрыть багажник, как Рите вдруг позво-нил Серёжа. Выплюнув кровь, она приняла звонок. Босая спортсменка стояла рядом, закуривая. Тут только Рита заме-тила, что она – в тряпочных перчатках. В сенцах лежала це-лая куча таких перчаток для огородников.

– Ты где, Ритка? – спросил Серёжа очень взволнованным голосом.

– Я в деревне, – проговорила Рита, стараясь не чавкать кровью, – Серёженька, я смогла от них оторваться в Серпу-хове! Прости, что сразу не позвонила.

– Смогла от них оторваться? – переспросил Серёжа.

– Да, да! У них кончился бензин, как я полагаю. Короче, всё хорошо.

– Нет, Ритка. Всё плохо. Эти ребята, которые за тобой гонялись, очень опасны. Прямо сейчас, сию же минуту, садись за руль и езжай в Москву! Впрочем, будет лучше, если я сам за тобой приеду. Или охрану пришлю. Как твоё село называется?

– Нет, Серёжа, не надо! Я завтра утром приеду. И всю дорогу буду тебе звонить. Пожалуйста, не волнуйся!

– Ты там одна? – спросил генеральский сын, помолчав.

– Нет, нет, я с соседями! Я ночую у них! Здесь – три мужика.

– Что? Три мужика? И ты мне ещё смеешь говорить – не волнуйся?

Рита вознаградила Серёжу за чувство юмора истеричным смешком и нажала сброс. У неё из глаз текли слёзы. На подбородке они смешивались с кровью. Она зачем-то размазала это всё по лицу ладонью, и её чуть не стошнило. Вдруг захотелось воплем продрать кладбищенское безмолвие. В безпятнадцати десять деревня была объята более глубокою тишиною, чем спальный район Москвы в четыре утра. Одни сверчки пели.

– А ну, пойдём, ты умоешься, – предложила Наташа, взяв Риту за руку, – а потом мы с тобой поедем.

– Куда ещё мы с тобой поедем? – взвизгнула Рита и попыталась выдернуть руку. Но у Наташи пальцы были стальные.

– Поедем мы в нижний лес, – сказала она, – я сяду за руль «Лэнд Ровера». Ты за мной поедешь на «Форде».

– Зачем?

– Узнаешь. И не ори на меня! Ведь это не я привела сюда упырей, а ты.

Рита не могла не признать справедливость этого утверждения. Тем не менее, на терраске, умыв лицо, она разоралась. Её колотил озноб. Она не могла понять, зачем нужно было приканчивать этих двух людей.

– Вот дура! Затем, что это были бандиты, притом с оружием, – объяснила Наташа, влив в неё стакан рома, – вряд ли они за тобой увязались с целью тебя убить, но если бы ты попала к ним в лапы, то умоляла бы их об этом!

– Что я им сделала?

– Ты ведь мне сказала сама, кто они такие! Это горячие патриоты, борцы с фашизмом и экстремизмом. Необязательно делать что-то плохое, чтоб вызвать их благородный гнев.

– И что теперь будет?

Этот вопрос Наташа оставила без ответа. Сделав глоток прямо из бутылки, она спросила:

– Ты мне опять ботинки не привезла?

– Ботинки? Забыла.

– Ну, и уродка! Долго я ещё буду ходить босиком по твоему саду? В нём – до фига злобных насекомых!

Рита не знала, чем оправдаться. Она не плакала, но глядела беспомощно, как корова. Тогда Наташа дала ей выпить

ещё. Велела и закурить.

– К зиме они пропадут, – нечаянно пошутила Рита, сделав затяжку.

– Кто пропадёт?

– Противные насекомые.

– А! Ну, да.

Обеим стало смешно. Повизгивая, как две собачонки, сбежавшие из дрянного приюта, они покинули дом и пересекли палисадник. Рита взяла отвёртку, которую уронила на пол, когда зажала уши ладонями. Двигатели обеих машин работали.

– Смотри, Ритка, не отставай! – сказала Наташа, садясь за руль внедорожника. Это очень ей шло.

– А ты не желаешь меня спросить, куда ехать-то? – удивилась Рита, подходя к «Форду», – я, как-никак, здесь выросла!

– А я тоже здесь сильно выросла за три дня и три ночи. Почти всю Библию прочитала!

На это уж возразить было нечего. Сев за руль, Рита повела свой «Форд» за «Лэнд Ровером». Тот катил под гору, к реке. Деревня спала. Всё небо было затянуто. «Ace of Base» продолжали петь. Рита абсолютно не беспокоилась, что кто-либо мог стать свидетелем скоротечной расправы довольно миниатюрной блондинки над двумя крупными мужиками.

На перекрёстке «Лэнд Ровер» свернул направо, мигая, как полагается, указателем поворота, и устремился к другой деревне. Дорога к ней пролегла между рекой и широким по-

лем, с коим граничил дремучий овражный лес. Мало не достигнув околицы, чемпионка остановила «Лэнд Ровер». Затормозила и Рита.

– Жди меня здесь, – велела Наташка, высунувшись, – я – к лесу! Ты на своей туда не пропрёшь.

– Да как ты пойдёшь обратно босая? – вскричала Рита, ошеломлённая тем, что спортсменка успела за трое суток не только прочесть Библию, но и изучить местность, – до леса ведь километра два с половиной!

– Не знаю, Ритка, не знаю! Молись пока за меня. Через полчаса включи дальний свет, чтобы я не сбилась с пути.

С этими словами Наташа вновь дала старт и свернула в поле, а Рита съехала на обочину. Внедорожник двинулся по взрыхлённому полю, слегка покачиваясь. Он вовсе не буксовал, поскольку дождя очень давно не было. Шум мотора вскоре затих, а чуть погода темнота всосала и габариты.

И вот тут Рите сделалось страшно. Ночь, едва начинавшаяся, тянула к ней свои руки с какой-то дьявольской целью. Рита решила не заглушать мотор и не выключать фары. Под песенку про прекрасную жизнь она чуть ли не впервые в жизни своей, не очень прекрасной, стала молиться. Её молитва была только за Наташку, ибо никто в те минуты не был ей дорог более, чем она, так странно ворвавшаяся в её странную судьбу. Туман над рекой не был неподвижен – напоминал одеяло, вздымаемое дыханием. Его хлопья курились и в лучах фар, пронзающих темноту, из-за чего та ка-

залась ещё загадочнее, страшнее. Рита почти забыла английский. Ей представлялось, что девушки из её любимой группы поют про этот туман. Как много с ним связано! Он – по всей Вселенной, туман. Вселенная – море, и по нему плывут корабли, окутанные туманом. Сквозь него слышится плеск волн. И звук трубы викингов – бесконечно далёкий, гордый, тоскливый. Как бы дождаться хоть одного корабля? Ну хоть одного!

В стекло постучали. Решив, что это пришла Наташа, Рита открыла. Её ничуть не смутило то, что в левую дверь Наташе стучаться незачем, а ей, Рите, незачем эту дверь открывать. Она это поняла, когда вдруг увидела не Наташу.

В его глазах был располагающий интерес. Но ей это не польстило. Крикнуть не удалось, потому что голос окаменел, как окаменели конечности. Можно было только смотреть. И он лишь смотрел, решив поиграть на-равных. Но о такой игре и речи быть не могло – ему, разумеется, не впервой было видеть дуру, парализованную от ужаса, а она до этой минуты могла разве что догадываться, как выглядит тот, кто жаждал послушать её шедевры в авторском исполнении, притом там, где туман рассеивался, но не было кораблей. О, как бы узнать, доносится ли туда тоскующий звук трубы? Возможно ли его там хотя бы представить? Ну на одну секундочку? За всю вечность? Вопрос решился бы, дай он знак хоть взмахом ресниц. Или, например, движением губ. Но он соблюдал правила игры, и его глаза говорили только одно: сама дога-

дайся!

Разбудил Риту требовательный стук. На этот раз – в правую, а не в левую дверь. И это уж точно была Наташка. Из колонок звучало тихое «Stay With Me». Чувствуя на всём теле липкий ледяной пот, Рита дотянулась до кнопки и подняла её, хотя можно было воспользоваться и пультом. Стуча зубами, зеленоглазая чемпионка ввалилась в «Форд» и хлопнула дверь. Её трясло, скорее всего, от холода, потому что рот у неё был синий.

– Ты что, обдолбанная? – напала она на Риту, – спит, как бревно! Я все кулаки отбила об твоего ишака! Включай, дура, печку!

– Прости, Наташенька, дорогая, – пробормотала Рита. Пустив в салон шумную струю горячего воздуха, она вынула сигареты. Её спасительница, по-детски хлюпяя носиком, закурила. Её большие глаза, казалось, готовы были извергнуть потоки слёз. Сдавая назад, чтобы развернуться, Рита спросила:

– Что, так похолодало?

– Да, очень сильно! И ещё ветер поднялся – жуть! Прямо до костей пробирает. Я целый час шла по этой пашне! Все ноги изодрала. Знаешь, как болят?

Рита промолчала. Она уже вела машину к деревне. Она ждала продолжения. И оно последовало:

– Я в лес его загнала, насколько это было возможно. Лет через пять его, может быть, кто-нибудь заметит. Лет через

сто кто-нибудь решит, что нужно его открыть. Но мы с тобою к этому времени уже сдохнем. Так что, если там и остались какие-нибудь твои отпечатки – не беспокойся.

– Чёрт! А мобильники? – спохватилась Рита, – кто-то мне говорил, что месторасположение даже выключенного мобильного можно вычислить по какому-то там сигналу, который он излучает!

– Оба мобильного – у меня в карманах. Давай подьемем к реке, я ноги заодно вымою.

Миновав поворот на село, Рита по довольно крутому спуску, рядом с которым стоял колодец и рос раскидистый вяз, скатила «Форд» к берегу и проехала по нему к реке ещё метров пятьдесят. Обе вышли. При свете фар Наташа узнала место, хотя была здесь впервые. Да, вот обрыв. Вот маленький каменистый пляж справа от него. Вот, ещё правее, кусты над устьем ручья. Плакучие ивы обменивались тревожным шёпотом на ветру. Шуршала трава. В холодной, чёрной реке иногда зловеще плескалась очень большая рыба.

– Это и есть те самые Камешки? Здесь купались Дашка, Танька и Вика?

– Да. А вон там, в траве над обрывом, лежали мы – я, Димка и Сфинкс.

Зашвырнув мобильники в реку, Наташа вымыла ноги и по траве подошла к машине. Рита стояла рядом с открытой дверью. Курила, глядя куда-то вдаль, за кусты противоположного берега. Там, в тумане, который смешивал сны с реально-

стью, простирались луга. За ними был лес, в чащобах которого затерялось древнее кладбище. Глаза Риты блестели так, что её подруге впервые за этот вечер стало не по себе.

– Я очень замёрзла, – пожаловалась она, – поехали, Ритка.

Просьба была исполнена. Дома Рита прежде всего навестила Сфинкса, который встретил её обиженным хрюканьем. Выпустив поросёнка в сад, она присоединилась опять к Наташе. Та наверху пила чёрный кофе, поскольку рома осталось мало. На столе, точно, лежала Библия, изданная ещё при царе. Именно её много лет назад скептически изучал Иван Яковлевич.

– Я тебе обязана жизнью, – сказала Рита, садясь за стол.

Наташа взглянула на неё весело.

– Ты об этом говоришь так, словно я должна буду пожалеть о своём поступке!

– Ты проницательна, моё солнышко.

Положив на стол свой мобильник, Рита спокойным голосом рассказала всё, что днём рассказала Тане. Дала послушать и диктофонную запись. За окнами уж стояла ночь. Проклятая ночь. Страшнее её была лишь одна, с которой прошло уже десять лет. Немногим страшнее. Северный ветер дребезжал стёклами, доносил откуда-то заунывный крик ночной птицы. Прослушав запись, Наташа допила кофе. Она молчала.

– Убей меня, – попросила Рита, – я не обижусь. Я бы убила такую тварь! Тем более, я опасна. Я много знаю.

– Уж лучше убить его, – бросила Наташа, пожав плечами.

– Кого – его?

– Молодого дервиша. У него нет шансов исправиться. Он так молод, и уже дервиш! Как ты считаешь?

– За что его убивать? – воскликнула Рита, – за то, что он спас мне жизнь?

– Конечно же, не за это. Но, между прочим, в книге, лежащей перед тобой, прямым текстом сказано: «Семя, которое не погибнет, не принесёт плодов». Так что, он тебе оказал сомнительную услугу.

– У тебя есть возможность это исправить!

– Нет у меня подобной возможности, – закурив, сказала Наташка, – я – не Синедрион, моя дорогая.

Рите вдруг стало ещё тоскливее.

– Твою мать! – вскричала она, – а кто ты? Апостол?

– Вряд ли. Не ты ведь мне мыла ноги. Кроме того, у меня – свой путь, а не твой. Я дервишей ненавижу. Я буду их убивать, пока не убьют меня.

– А что тебе это даст?

– Риточка, нельзя становиться лучше! Нельзя, нельзя! Иисус сказал: «Не мир я принёс, но меч!»! А ты хочешь быть добрее? Твоё желание привело к тому, что ты, призванная в мир для того, чтоб его спасти, улеглась под дервиша!

– Дура! Откуда ты всё это взяла? – пожала плечами Рита, – когда Дмитрий Львович Бликов сравнил Цветаеву с Богом, я поняла, о чём речь. Марина Цветаева сделала невозможное

– создала формулу поэзии. А я просто пишу стихи! Я пятнадцать лет не верила в то, что смогу быть счастлива. А теперь, когда надо мной вдруг что-то забрезжило и я робко шепчу об этом, мне говорят: «Не смей! Ты – не человек!»

Встав из-за стола, она подошла к дивану и улеглась на него ничком. Запах детства, который бережно сохранил для неё диван, навевал воспоминания. Было ей теперь всё равно, что скажет Наташка. Та, вероятно это почувствовав, очень долго молчала. Но бесконечно молчать она не могла.

– Риточка! Я правильно понимаю, что ты увидела на надгробии слово «ТЫ», под ним – два числа, 20 и 13, а между ними – пробел?

– Совершенно точно, – оторвала Рита нос от подушки, глядя на собеседницу с изумлением, – между буквами «Т» и «Ы» также был пробел, буква «Л» скрошилась. Перед двадцаткой цифры осыпались, как и перед тринадцатью. Этот самый Мутлыгин родился в тысяча восемьсот двадцатом году, а в тысяча девятьсот тринадцатом помер.

– Да это я поняла всё сразу! Матвей, по-моему, тоже понял. Теперь, благодаря Библии, мне открылись ещё две вещи, а именно: кто такой этот Миша, который пришёл к тебе по твоему зову и спас тебя, и что означала надпись на камне.

– При чём здесь Библия? – уже с некоторой досадой спросила Рита, – без неё ясно, что Миша – это медведь, а надпись на камне – год моей смерти, а также Димкиной!

– Ненормальная! Ты всерьёз считаешь, что тот, кто стоял

за ёлками, испугался медведя?

Рита растерянно приняла сидячее положение.

– Так там больше никого не было...

– А с чего ты это взяла?

– Да я никого не видела!

– А того, кто стоял за ёлками, видела?

– Нет. Но я ощущала его присутствие!

У Наташки вырвался вздох, как будто она столкнулась с непроходимой тупостью.

– Да, конечно! Ты ощущала его присутствие, потому что он собирался тебя убить. Ему было незачем шифроваться. А тот, кто примчался тебя спасать, вовсе не хотел, чтобы ты ощущала его присутствие.

– Ну, и кто примчался меня спасать?

– Тот, кто изначально противостоял Сатане, особенно когда Сатана хотел уничтожить Деву Марию вместе с её младенцем, и кто, в конце концов, победит – Михаил-архангел!

На этот раз тяжкий вздох вырвался у Риты.

– Наташка! Я ведь тебя просила растянуть ром на пару недель. А ты его выпила за три дня! Скажи мне – ты понимаешь, что поступила нехорошо?

– Вся эта история не со мной, а с тобой приключилась, Риточка, – возразила Наташка, гася окурки, – и я тебя не спросила, сколько ты выпила тогда водочки. Да, мои комментарии к ситуации пахнут «белочкой», но не более, чем сама эта ситуация. И они основаны на Священном писании. Со-

гласись, что более прочного основания для каких-либо выводов из твоей истории не найти.

– Да где в Священном писании говорится о том, что дьявол гонялся за Богородицей и её младенцем? – вскричала Рита.

– Ты избрала правильный глагол. В Апокалипсисе – не помню, в какой главе, довольно подробно описывается дракон, гоняющийся за ними. В другой главе говорится, что Михаил-архангел с этим драконом, имя которому – Сатана, сражается, и победа будет за Михаилом.

– Ну, хорошо. А при чём здесь я?

– Я так понимаю, твой Дмитрий Бликов тебе уже это объяснил. Наверное, он рассказывал про Цветаеву, но ведь вы с ней – одного поля ягоды.

– Это да, – задумчиво проронила Рита и поднялась, чтобы закурить, – кладбищенской земляники крупнее и слаще нет!

Включив электрический самовар, Наташка опять насыпала в кружку кофе и положила три ложки сахара. На её лице сияло довольное выражение. Чиркая зажигалкой, Рита спросила:

– Что означала надпись?

– Этого я пока тебе не скажу, – внезапно завредничала Наташка.

– А почему?

– Потому, что мне тебя жалко. Ты говоришь – забрезжило счастье! Бери его, ни о чём не думая. А когда оно тебе надо-

ест, мы, может быть, встретимся, и тогда...

– Послушай, Наталья, – решительно перебила Рита, – этого я понять не могу. Я не сомневаюсь, что на надгробии был указан год моей смерти. Ты говоришь, что это не так. Больше ты ничего говорить не хочешь, чтоб не испортить мне настроение. Но что может меня расстроить больше, чем смерть?

– Не надо меня пытаться, – упёрлась Наташка, – если бы ты смогла применить болевой приём, как американка почти двадцать лет назад, я точно бы раскололась! Но ты не сможешь. Вдобавок, я могу ошибаться. Это – всего лишь версия. Кстати, есть ещё одна, очень интересная мысль...

Глава пятнадцатая

– Какая? – поторопила Рита, садясь за стол. Налив в кружку воду и бросив взгляд за окно, в воющую ночь, Наташка продолжила:

– Я привыкла внимательно читать книги, бросающие мне вызов. При этом читаю быстро. Между Ветхим Заветом и Новым есть параллели. Их много, но приведу лишь один пример. Авраам соглашается принести сына в жертву. Этим он подтверждает свою великую любовь к Богу, который жертву не принимает. В Новом Завете Бог соглашается отдать в жертву своего сына. Этим он подтверждает свою любовь к человеку...

– Который с радостью принимает жертву, – вставила Рита.

– Ты ошибаешься. Принять жертву – не означает тупо напиться кровью. Жертву приносят ради того, чтобы примирится с тем, кому её предлагают. И принимающий жертву фактом её принятия выражает своё согласие примириться. А примирилось ли человечество с Богом, как ты считаешь?

– Это вопрос риторический, – улыбнулась Рита, – а почему Бог жертву Авраама не принял? Не захотел примириться?

– Нет, по другой причине. По милости. Милость Бога – выше законов и, уж тем более, подзаконных актов. Но я продолжу. Кладбищенской земляники крупнее и слаще нет!

И райской малины, само собой разумеется. Очутившись в некоем подобии сада посреди страшного леса, ты раскрываешь источник некоей информации, да притом космического масштаба. Мало того – втягиваешь в это мужчину, хотя могла бы не втягивать. Ничего не напоминает? Всё это происходит не без посредства некоего животного, которое зовут Сфинкс. По-моему, налицо параллель Ветхого Завета уже с Новейшим, который ты написала вместе с Цветаевой. В Библии ведь не сказано, какой именно плод Ева сорвала в Эдемском саду с дерева познания.

– Так я – Бог или Ева? – уже вконец растерялась Рита.

– То, что не Ева – точно. Ведь параллельными могут быть две прямые, как минимум, но никак не одна.

– А при чём здесь Сфинкс?

– Да при том, что Еву на первородный грех толкнул Сатана, имевший вид змея. Сфинкс – это сторож смерти с женским лицом, телом льва и крыльями. Сатана, по Библии – это и рыкающий лев, и крылатый дракон, а женщина – основное его оружие.

– Остроумно, – пробормотала Рита, – но ведь он за ёлочками стоял! Как Сфинкс мог быть им?

– Никак не мог быть. Ведь мы уже пришли к выводу, что и ты никак не могла быть Евой.

– Ну, хорошо. А вот ты говоришь, Новейший Завет. Это что такое? Где ты про него слышала?

– Риточка, есть планеты, которые астрономы не видят, но

точно знают об их наличии во Вселенной. Эти планеты математически вычислены. Новейший Завет обязан существовать, так как в первых двух сказано не всё. Акунин заметил, что в них, к примеру, нет практически ничего о правах животных.

После упоминания об Акунине никаких вопросов у Риты более не было. Допив кофе, Наташка ей предложила спуститься в сад. Надев телогрейки, висевшие на гвоздях, за печью, спустились. Прежде чем выйти, Рита щёлкнула выключателем в нижней комнате, чтобы свет из окна чуть-чуть разбавлял наружную мглу.

По саду кружились жёлтые листья. Стволы деревьев скрипели. Чёрное небо казалось низким и угрожающе приближающимся к Земле. Сфинкс сидел под яблоней. Ему нравились леденящие струи воздуха. Прогулявшись в кусты, две дамы пинками загнали его в пристройку и пошли спать. Не успела Рита, накрывшись толстым стёганым одеялом, закрыть глаза, как Наташка вдруг позвала с печи:

– Ритка!

– Чего тебе?

– Ты не спишь?

– Почти уже сплю.

– Тогда извини. Я просто хотела тебе сказать – всё нормально.

– Я поняла.

– Нет, правда, не думай, что у меня осталась какая-нибудь

досада! Я завтра тебе скажу про твоё надгробие. В темноте ты можешь со страху и помереть! Подождёшь до завтра?

– Конечно. Спокойной ночи.

В печной трубе неистово ныл и грохотал ветер. Казалось – сверху, от кладбища, приближается грузовик. Тихо стало только перед рассветом.

Спала Рита до полудня. Сон с неё спрыгнул, как ласковый и смешной котёнок. Открыв глаза, она потянулась, перевернулась набок и очень долго глядела на доски пола, между которыми были щели. Ходики тикали в тишине. В низкое окно, поверх занавесок, глядело бледное и усталое после жаркого лета солнце. С раннего детства больше всего на свете любила Рита, проснувшись, смотреть на солнечные лучи, разбрызганные по доскам этого пола сквозь кружева этих занавесок. Именно так, как сейчас. Солнышко, спасибо!

На уголке дивана лежал мобильник. Между тем, Рита помнила точно, что перед тем, как лечь, она подключила его к зарядке и положила на стол. Совершенно точно! Она проверила эсэмэски. Последняя в семь утра пришла от Наташки. Текст был таков: «Риточка, прости! Ботинки нужнее мне, чем тебе. У тебя – машина. Всё остальное можешь не проверять, ведь я – аферистка, а не воровка.»

Рита заплакала. Было очень жаль дорогих ботинок и жаль Наташки. Как теперь быть без неё, без такой смешной и отчаянной? Одеваясь, она заметила, что пропали также носки. Пришлось босиком идти до забора, чтоб говорить с тётей

Машей.

В саду чирикали птицы. Небо синело с неувимой осенней грустью, но всё-таки ослепительно. Тётя Маша кормила кур во дворе.

– Здравствуйте, соседка, – сказала Рита, стараясь прятать ноги в траве, – мне опять нужна ваша помощь. Моя подруга уехала. Не покормите Сфинкса пару неделек? Там комбикорма осталось мешков двенадцать.

Старушка глянула исподлобья.

– Ну, покормлю. Мне не тяжело. И, вообще, жаловаться не на что, разве только с деньгами туго. Пенсия-то такая, что даже стыдно сказать! Полвека горбатилась, всё здоровье надорвала, а где благодарность? Еле концы с концами свожу, на хлеб не хватает!

– Да, тётя Маша, я понимаю. Вот.

Рита торопливо вынула из кармана брюк три купюры и отдала их соседке через забор. Убирая деньги, сельская жительница вздохнула и покачала трясущейся головой в траурном платке.

– Хорошо, Ритуленька, хорошо. Езжай себе с богом. Вот только тут, говорят, закон новый вышел, чтоб всех свиней регистрировать. Не слыхала?

– Нет, – удивилась Рита, – зачем? Кому это нужно? Свинья – не автомобиль!

– Россельхознадзору какому-то. Приезжает кто-то, свинью твою проверяет и выдаёт бумагу с печатью. Вот так те-

перь.

– Да плевать на них! Моим поросёнком никто вовек не отравится, потому что никто его есть не будет.

– Как знаешь, Ритка, как знаешь, – прошамкала тётя Маша и повернулась, чтобы уйти, – моё старушечье дело – предостеречь. Свинью изъять могут.

– Да я им, тварям, бошки поотрываю, – пообещала Рита и побежала к своему Сфинксу. Тот удручённо стоял над пустой кормушкой. Рита насыпала ему корма. Пока он чавкал, она сидела рядом на корточках, обнимая его. Думала она о Наташке. Ей было грустно. Да, произошло то, что и должно было произойти. Ожидать другого было бы глупо. Ну, так к чертям здравый смысл, раз он только и умеет, что утешать, притом весьма слабо! Тут заиграл мобильник. Это звонил Серёжа.

– Как у тебя дела? – спросил он.

– Нормально. Сейчас поеду в Москву.

– А кто там у тебя чавкает?

– Поросёнок.

– Какой ещё поросёнок?

– Розовый, с пяточком. А ты решил – мне здесь куни делают, что ли?

– Пошлячка ты, моя сладкая, – рассмеялся Серёжа, – надо тебя отшлёпать по попе.

– Я знаю, ты это делать любишь! Но я – не Ирка. Буду кусаться.

– Риточка!

– Что?

– Приезжай, пожалуйста, поскорей! Я очень хочу тебя, моё солнце.

От этих слов у Риты отчаянно зачесались пятки. Даже забыв поцеловать Сфинкса, она бегом устремилась в комнату. Схватив куртку, где были все документы с ключами, ринулась к «Форду». Тот вдруг её разозлил – завёлся не сразу. С проклятиями заставив мотор работать, Рита грубейшим образом погнала машину по безобразной дороге. Голыми ножками нажимать на педали было не очень. К моменту съезда на трассу ступни болели ужасно. По счастью, на Симферопольском пробки не было, и одна нога смогла отдохнуть. Слегка успокоившись, Рита опять поставила «Ace of Base». На посту ГАИ её вдруг остановили.

– Куда спешите, мадам? – поинтересовался инспектор, разглядывая её водительское удостоверение.

– Вы хотите сказать, что я превысила скорость? – нетерпеливо спросила Рита, сжимая руль, – это невозможно! Я сейчас ехала шестьдесят.

– Да, перед постом вы притормозили. А вот до этого скорость была сто семьдесят. Камера зафиксировала её.

– Клянусь вам, у меня нет ни копейки, – проныла Рита, – и меня ждут! Если вы сейчас отстанете от меня, то благодаря вам не погаснет солнце!

Инспектор вдруг её отпустил, попросив впредь не нару-

шать скоростной режим. Она так обрадовалась, что твёрдо решила выполнить его просьбу. Однако, вскоре ей пришлось вновь расстроиться – за последним перед Москвой постом Госавтоинспекции «Форд» заглох.

Часть третья

Никогда не сражайтесь с Наполеоном

Глава первая

Из всех Иркиных подруг Женька уважала только одну. Можно сказать, даже боготворила. Звали эту особу Мара Саргисовна Галичьян. Однажды они поехали с Женькой в театр «Сатирикон», где Ирка должна была выступать по чьей-то протекции в музыкальном спектакле вместо уволенной пианистки, и Мара припарковала спортивный «Лексус» у входа.

– Девушка, переставьте машину, – распорядились охранники, – это место главного режиссёра.

– А мне насрать, – ответила Мара. И разговор на этом закончился. Этот вечер у Женьки в памяти застрял накрепко, хоть спектакль был так себе. Можно даже сказать, что полная дрянь.

Мара Галичьян училась в консерватории, на одном факультете с Иркой. Та попыталась её пристроить и в клуб, где сама работала стриптизёршей, однако там соглашались взять маленькую брюнетку только официанткой, на что она не была согласна. Финансовая подпитка ей не особо требовалась, поскольку её отец был топ-менеджером известной животноводческой фирмы. Просто она была впечатлена тем, как Ирка работает на шесте и как мужики на неё таращатся. Неудача Мару не очень сильно расстроила. Да, профессионально

она бы справилась – как-никак, за плечами была балетная школа, и к раздеванию перед публикой никаких внутренних барьеров не наблюдалось, но всё-таки её главной страстью были автомобили. Окончив курсы автоэкстрима, она носилась по Москве так, что порой гаишникам требовался десяток машин и не один час, чтоб её поймать. Когда она однажды решила так порезвиться во Франции, это дело для неё кончилось трёхнедельной отсидкой и таким штрафом, что с папой после звонка адвоката случился сердечный приступ. А здесь, на Родине, самыми серьёзными последствиями её развлечений были ремонты машин и травмы, подчас тяжёлые. Как-то раз она умудрилась вылететь из «БМВ» вместе со стеклом. С этого момента продукцию баварского машиностроительного концерна храбрая девушка невлюбила. Среди её фаворитов остались «Лексус», «Ауди», «Мерседес» и «Порш» околоспортивных модификаций. Прочие марки она упорно не признавала.

Вот с этой-то самой Марой и заявила Ирка в четверг домой, отработав ночь, а потом ещё и прослушав лекцию по истории музыки. Женька, которая только что проводила своего щупленького художника, ночевавшего у неё, смотрела какой-то фильм в ноутбуке и ела кашу. При виде Мары она смутилась невероятно, ибо была в ту минуту, что называется, как из жопы: волосы во все стороны, на губах – овсянка, рожа помятая, из одежды – только футболка. Что-то пробормотав, она прошмыгнула в ванную.

– Да она недурно провела ночь, – воскликнула Ирка, увидев на полу в комнате пять резиновых штук, наполненных пеной безумной страсти, – художник здесь нахудожничал будь здоров!

– А это не он выходил сейчас из подъезда, когда я искала место, где паркануться? – обводя взглядом жилище двух весёлых сестричек, спросила Мара, – такой сутулый, в бейсболке?

– Не знаю. Я ведь спала, когда мы подъехали! И ещё поспала бы часов двенадцать.

В этот момент вышла из ванной Женька, в халате и без овсянки. Взгляд её выражал большую готовность к драке – она скорее самой себе башку открутила бы, чем позволила обращаться с собой, как с тряпкой, при Маре. Однако, старшей сестре на чувство собственного достоинства младшей, как и на прочие её чувства, было плевать.

– А ну, быстро всё это убрала, тварюга! – топнула ногой Ирка, указав пальчиком на резиновые изделия, – вообще уже озверела!

– Не надо лезть в мою жизнь грязными руками, – твякнула Женька, которая ожидала гораздо более грубого посягательства на свою свободу и независимость. Наклонившись, она спокойно подобрала наглядные доказательства этой самой свободы и понесла их на кухню, где было мусорное ведро. Ирка после этого пошла в душ, а Мара и Женька сели пить кофе.

– Мы ненадолго, – сказала Мара, вытянув ноги в чёрных чулках со стрелкой на правой голени, – Ирка только переоденется, и мы двинем кое-куда. Скажу тебе по секрету – на ночь можешь опять художника звать.

– Так вы на всю ночь? – задумчиво отхлебнула Женька чёрный «Эспрессо».

– Типа того. У моего друга Руслана – ну, у которого «Мазератти», сегодня днюха. Надо ему подарок съездить купить. А потом все вместе двинем куда-нибудь, порезвимся на всю катушку.

– Опять, наверное, гонки какие-нибудь устроите, так что вас потом в новостях покажут?

– Возможно.

Телефон Мары, который стоил сто двадцать тысяч, подал сигнал. Бедовая автогонщица неохотно вышла на связь.

– Да, папа. Привет. Я слышала. Я не знаю, чего им надо! Я на занятиях. Не мешай.

Убрав телефон, Мара взяла кружку и сделала два глотка. На её красивом лице возникла брезгливость.

– Достали все! Вот козлы!

– Проблемы? – спросила Женька.

– Да как сказать? Неприятности. Ты читала мой пост в Фейсбуке? Короче, я написала: «Где ещё жить самым тупорылым уродам, если не в самой сраной стране?» Что тут началось! Интернет взорвался, СМИ взорвались! Госдума вся усирается – золотые мажоры, дескать, совсем отбились от

рук! Папе позвонили чуть ли не из Кремля, прикинь?

– Ты даёшь, – усмехнулась Женька. Взяв свой мобильник за шесть с половиной тысяч, она посмотрела новости. Да, про Мару писали много, и больше матом. Однако, Женьку гораздо более волновал в ту минуту другой вопрос.

– А что ты ему дарить собираешься? – заплела она первый узелочек интриги, сделав сперва несколько хохочущих восклицаний и оторвавшись от телефона.

– Кому?

– Руслану.

– Даже не знаю, – дёрнула Мара узенькими плечами, – поедем с Ирккой, посмотрим. Проблема в том, что ему давно уже ничего не нужно, кроме адреналина.

– А ты не хочешь ему пиджак подарить?

– Пиджак?

– Да, да, есть классный пиджак! Очень дорогой! Пойдём, покажу.

Пиджак лежал в комнате, куда Женька ещё вчера его отнесла, чтоб Рита к ней больше не приставала. Распаковав его, Мара посмотрела размер, карманы, подкладку и заявила, что подойдёт. Это было сказано таким тоном, будто бы никакого доброго дела ей, вообще, не сделали ни фи́га. Отдав пиджак Женьке, она уселась за пианино, перелистнула стоявшие на нём ноты и стала играть Шопена. Тут пришла Ирка, голая абсолютно. Строго взглянув на Женьку, которая заворачивала пиджак, старшая сестра открыла свою часть шкафа и на-

чала одеваться. Женька решила, что дальше хитрить опасно, лучше переходить напрямую к делу.

– Можно, я с вами? – осведомилась она, естественно адресуя свой вопрос Маре, не голожопой же дуре! Но автогонщица не успела ответить, поскольку гадина-Ирка всё-таки влезла, хоть кто, вообще, её спрашивал?

– Нет, нельзя, – сказала она, натягивая трусы.

– Почему нельзя?

– Тебе завтра рано вставать, чтобы идти в колледж. Кстати, ты в нём сегодня была?

Женька разозлилась. Бросив свёрток на стол, она подошла к сестре, которая взяла лифчик, резко спустила с неё трусы и, дав ей пинка по заднице, отскочила. Но Ирка всё же успела кулаком Женьке засветить по лбу, Да ещё как! Можно сказать, искры из глаз посыпались. Тогда Женька стала орать, топя ногами:

– Идите вы на хрен в жопу! Крутые гонщики! Накупили сраных «Феррари» и усираются – ах, какие мы быстрые! Моя Ритка на своём старом «Форде» вас сразу сделает!

– Что за Ритка? – спросила Мара, прервав игру.

– Наша квартирантка, – сказала Ирка, опять натянув трусы.

– А что у неё за «Форд»?

– Откуда я знаю? – продолжила орать Женька, – знаю, что старый, двадцатилетний! Но очень мощный! В нём нереальный стоит движок! Я на нём каталась, на этом «Форде», и

сразу делала всех! И «Мерсы», и «БМВ» пытались меня догнать, когда я пуляла от светофора, но ни один не догнал! Все, все они были в жопе!

Мара, сидевшая на вращающемся стуле, с живостью повернулась к Ирке.

– А можно ей позвонить? Спросить, что за «Форд»?

– Да кого ты слушаешь? – раздражённо проговорила Ирка, усевшись в кресло, чтобы надеть колготки, – дура она! Всё врёт.

– Это ты всё врешь! Я не вру! Ты дура! – визжала Женька, – я целый час гоняла на этом «Форде»! Он рвёт до сотни за пять секунд! Я стрелку клала за десять! А на спидометре у него – двести шестьдесят!

Мара настояла, чтоб позвонили Рите. Ирка, одевшись с угрозами убить Женьку, ей набрала. Женька в это время уже лежала обиженно кверху задницей на диване, чавкая жвачкой.

– Да, – ответила Рита. Мимо неё, было слышно, просвистывали машины.

– Рита, привет, – щебетнула Ирка, – как у тебя дела? Решилась проблема? Ну, та, вчерашняя?

– Да, решилась. Спасибо. Серёжа очень помог.

– Я рада. Слушай, тут к тебе есть вопрос. Подруга интересуется, что за «Форд» у тебя?

– Ублюдочный! – ни с того ни с сего заорала Рита, – просто урод! Чёртова помойка! Взял и заглох рядом с кольцевой!

Теперь я стою на шоссе, как дура, и думаю, что мне делать, кому звонить! В кармане – косарь!

– На каком шоссе ты стоишь-то? – спросила Ирка, глядя на Мару. Та всё услышала. Поглядев на Женьку, которая притворилась, что крепко спит, она закурила длинную сигарету.

– На Симферопольском! Твою мать! На ... я купила это старье? ...! Чтоб оно сдохло, это корыто сраное! Чтоб оно провалилось в ад!

– Скажи, что мы сейчас к ней приедем, – вдруг подала голос Мара. Ирка, пожав плечами, спросила:

– Ты говоришь, Симферопольское шоссе? От МКАДа недалеко?

– Километра три.

– Ты мордой к Москве стоишь?

– Да, к Москве.

– Ну, стой около машины. Мы через сорок минут приедем.

– Кто – мы?

– Я и Мара. Ну, Галичьян, с которой мы вместе учимся! Я тебе про неё рассказывала. Стритрейсерша!

– Через тридцать минут мы будем! – крикнула Мара так, чтоб Рита услышала. Но её подруга уже нажимала сброс. Обе ещё раз взглянули на Женьку. Та продолжала делать вид, что уснула. Но её губы чуть-чуть дрожали. Она была готова расплакаться.

– Женька, – сказала Ирка, сев на диван и положив руку ей

на плечо, – никто в твою жизнь не лезет. Ты делаешь здесь, что хочешь. Я в твои годы этим не занималась, если ты помнишь. Я в твои годы уже работала, чтобы наш с тобой холодильник не пустовал. А сейчас я работаю для того, чтобы ты кое-как окончила колледж. А ты всё делаешь для того, чтоб тебя отчислили! Ты считаешь это нормальным?

– Нет, – ответила Женька, не открывая глаз, – это ненормально. Я сумасшедшая. Меня надо сдать в психбольницу, чтоб я тебе не мешалась.

– Ты никому не мешаешься. Если хочешь, веди себя как животное. Но, пожалуйста, не веди себя как ребёнок! Тебе почти восемнадцать лет.

Мара Галичьян надевала туфли в прихожей. Пиджак она забрала. Сильно злясь на Женьку, Ирка присоединилась к подруге.

Как только дверь за ними захлопнулась, Женька села. Долго смотрела она мрачными глазами на свой мобильник, будто бы тот был ей что-то должен. Из приоткрытой форточки доносился шум мощного мотора. Он удалялся. Стрелки настенных часов вплотную приблизились к четырём. Когда за окном стало совсем тихо, Женька вскочила и начала одеваться.

Глава вторая

Про Мару Галичьян Рите много раз приходилось слышать, да и не только от Ирки. Эта девчонка нравилась ей – и внешностью, и безумием. Проявлялось оно не только в шоссейных и клубных трюках, но и в Фейсбуке. Также была слышана Рита и о её друзьях, не менее лихих гонщиках-мажорах. Но перспектива знакомства с Марой ни капельки не улучшила настроение. «Форд» подвёл, и сильно подвёл. Хотя он стоял у шоссе с виноватым видом, стыдливо глядя на пролетавшие мимо автомобили, Рита не поскупилась на брань. Она бы не поскупилась и на удары ногами, будь на ней обувь. Осмотр мотора, как и попытки что-то подрегулировать в карбюраторе, результатов не дали. Разговор с Иркой произошёл через пять минут после остановки. В течение следующих тридцати минут несколько водителей предлагали помощь странной красивой женщине, которая босиком стояла перед открытым капотом. Она отказывалась. Когда вдруг остановилось чёрное «Ауди А-8» с турбиной, Рита взглянула на него злобно, решив, что выйдет опять мужик. Но вышли две девушки – притом те, которых она ждала.

– А ты почему босиком? – удивилась Ирка, – ботинки где?

– Уж чего не знаю, того не знаю, – честно призналась Рита, – думаю, далеко.

Мара закурила, глядя на «Форд».

– Так это «Сиерра»? А я-то думала! Ну и рухлядь! Прости, прости – антиквариат...

Прижав куртку к животу, чтобы не испачкать её, склонилась к мотору.

– О, шесть котлов! Ого, карбюратор! Каменный век... А какой объём?

– Два и девять, – гордо сказала Рита, – сто семьдесят лошадей.

– Ты там ничего не крутила?

– Совсем чуть-чуть покрутила винт холостого хода.

– Да хер бы с ним. Свечной ключ имеется? Посмотри в багажнике. Тьфу!

Окурок почти что перелетел шоссе. Свечной ключ нашёлся. Также была затребована отвёртка в качестве рычага. Стараясь не замараться, Мара брезгливо сдёрнула провода, выкрутила свечи. Тщательно прокалив электроды пламенем зажигалки, ввернула свечи обратно и нахлобучила провода.

– Теперь заведётся. Масло на свечи брызжет! Мотору – скоро кранты.

– Так что, заводить?

– Конечно.

Рите не верилось, что её ишак встанет на ноги. Но произошло чудо. Когда она повернула ключ, двигатель немножко подёргался и завёлся. Ирка запрыгала от восторга.

– Теперь ты знаешь, что надо делать? – спросила Мара,

когда довольная Рита вышла.

– Да! Чистить свечи.

– Ответ неверный. Выкидывать этот хлам.

У Риты сам собой вырвался льстивый смех, хоть было обидно. Закрыв капот, Мара Галичьян носовым платочком вытерла пальцы и снова отдала дань пагубной зависимости от никотина. Ирка и Рита последовали её примеру. Движение на шоссе плотнело. Машины уж не просвистывали к столице, а продвигались ровным потоком.

– Поедешь с нами? – спросила Мара, вальяжно сплёвывая.

– Куда? – не поняла Рита.

– На День рождения. Моему другану Руслану сегодня стукнуло двадцать два. Ирка его знает.

– Да, но ведь я-то его не знаю! И мне уже тридцать пять.

Боюсь, не впишусь я в вашу компанию.

– Но ведь твоему «Форду» всего лишь двадцать! Он классно впишется. Пацаны с него прифигеют. Они от рухляди тащатся.

– По дороге купим тебе шузы, – прибавила Ирка, – притом такие, в которых ты будешь выглядеть на пятнадцать!

Рита задумалась. У неё в ушах всё ещё стояли слова: «Я очень хочу тебя, моё солнце!» Но после очень большой услуги, которую ей сейчас оказала Ирка, теперь глядевшая на неё такими большими и замечательными глазами – уж лучше смерть, чем встреча с её возлюбленным! Не сегодня. Нет, не сегодня. Давать согласие, тем не менее, Рита не торопилась.

Телефон Мары вдруг зазвонил. Она извлекла его из кармана. Взглянув на номер, решила поговорить.

– Алло! Добрый вечер. Да, это я, Мара Галичьян. Я уже сказала вашим двум журналистам, что не даю интервью. Если ещё раз позвоните – я к вам приеду, и мы чудесно проведём время. Я научу вас держать микрофон зубами, поскольку обе ваши руки будут переломаны. До свидания.

– Это кто звонил? – спокойно спросила Ирка, когда собеседник Мары ушёл со связи. Грозная автогонщица элегантно щелчком избавилась от окурка.

– «Вести-FM». Так что, Ритка, едешь?

– Но у меня почти не осталось денег, – сказала Рита, – я не смогу подарок купить.

– А подарок есть от тебя, – сообщила Ирка, – также он и от Женьки. И от меня, потому что я за четыре дня не выкинула его. Ещё он от Мары, поскольку Женька ей его отдала.

– И что это за подарок? – спросила Рита. Подруги весело рассказали ей, каким образом Женька предприняла попытку к ним присоединиться и что из этого вышло. Рита нешуточно разозлилась.

– Ну и свинья! Ей уши оторвать надо! Вы очень хорошо сделали, что её не взяли. Ладно, поехали. Где всё это будет происходить?

– Пока неизвестно, – сказала Мара, – давайте съездим на Ленинский, за шузами. Там есть нормальные магазины.

На том и договорились. Обе студентки вернулись в

«Ауди», Рита села за руль своего несчастного «Форда». Из-под колёс столбами взлетела пыль. До кольцевой Мара вела себя адекватно – крайняя теснота ей не оставляла выбора. Ирка даже уснула. Но после съезда на МКАД её сон прервался кошмарным образом. «Ауди» заметалось от края к краю дороги, жадно набрасываясь на все подряд промежутки в быстром потоке и пожирая их, как акула маленьких рыбок. Однако, странное дело – «Форд», названный и рухлядью, и антиквариатом, и хламом, не отставал.

– Долбанный сарай, – бормотала Мара, бросая недоумённые взгляды в зеркало, – что творится? Не понимаю!

– Ты от неё не уйдёшь! – заорала Ирка, – угомонись, ненормальная! У неё под капотом – сто семьдесят лошадей!

– Да, но у меня – четыреста пятьдесят!

Слегка сбавив скорость, клевером соскочили на Ленинский. Там продолжили идиотство, благо что к центру трафик был неплохим. Мара свирепела. Но, когда справа стал виден торговый центр, она, ударив по тормозам, свернула к нему и в один приём задним ходом припарковалась. «Форд» занял место напротив. Заглушив двигатель, Мара сказала Ирке:

– Ты можешь пока поспать. Только туфли дай, она босиком-то ведь не пойдёт.

– Пожалуйста, – согласилась Ирка и сняла туфли. Мара взяла их. Открыла дверь. Но вдруг задержалась.

– Женька мне говорила, что ваша Рита была любовницей Ходорковского. Она брешет?

– Нет. Женька впервые в жизни сказала правду.

Ирка давала этот ответ, уже погружаясь в сон. Туфельки её пришлось Рите впору. Это позволило ей и Маре облазить весь магазин, забитый народом. Перед покупкой обуви Рите остро приспичило посетить и отдел косметики с парфюмерией, и отдел нижнего белья, и верхней одежды, и ювелирный. Единственным результатом этих блужданий была покупка духов, весьма дорогих. Ботиночки Рита также выбрала недешёвые.

– Да откуда у тебя деньги? – спросила Мара, кладя в коробку Иркины туфли, – ты говорила, косяк в кармане остался!

– Мне деньги передаются только двумя путями, – сказала Рита, завязывая шнурки, – половым и воздушно-капельным. Видишь, сколько народу? Инфекция висит в воздухе, как туман. Кстати, ты к туману плохо относишься?

– Отвратительно. Полноценные противотуманные фары ещё до сих пор не изобрели. Давай посидим в кафе? Пусть Ирка ещё полчаса поспит. Она ведь всю ночь на шесте крутилась, бедняжка!

Рита не возражала. В новых ботиночках она выглядела отлично – конечно, не на пятнадцать лет, но и не на тридцать. Найти кафе помог продавец. Оно оказалось средненьким, но любезность официантки превосходила уровень заведения. Заказали тосты и кофе. Маре опять кто-то позвонил, и на этот раз она ответила матом, довольно громко. Сидев-

шие за столами – а было их человек пятнадцать, разом к ней повернулись.

– Сволочи, – прошептала она, убрав телефон, – я скоро их всех убью!

– Опять журналисты? – спросила Рита, просто так щёлкая зажигалкой, – или другие сволочи?

– Да, другие. Ты в курсе, как я вчера взорвала инет?

– Пока ещё нет.

Принесли заказ. Любезность официантки на этот раз не помогла Маре освободиться от негативных эмоций. Только пригубив кофе, она ушла в какую-то переписку через смартфон – судя по всему, злую.

– Ты не похожа на свои фотки в Фейсбуке, – заговорила Рита, взявшись за тост, – я бы не узнала тебя, случайно столкнувшись с тобой на улице, и едва ли поверила бы, что ты – автогонщица.

– Почему? – оторвала Мара взгляд от смартфона, – дурой кажусь?

– Да при чём здесь это? По-моему, автогонщик и большой ум вполне могут счастливо жить отдельно.

– Да что ты чушь-то несёшь? Стритрейсинг – это такие же шахматы, только думать надо быстрее. Если бы я была дурой, меня бы давно отпели! Кстати, надо сделать распоряжение, чтоб зарыли без отпевания, если что.

– Разве ты не хочешь, чтобы хотя бы твой труп принёс пользу людям?

– Ты что, попов считаешь людьми? Не знаю, возможно, ты и права. Меня это не касается. Я – агностик. А Ирка – верующая, прикинь? Три ночи в неделю танцует голая перед пьяными мужиками, а потом в церковь прётся. Нормально?

Для Риты это не было новостью. Отрезая ножиком кусок тоста, она заметила:

– Этот ужас, наверное, скоро кончится.

– Православие?

– Нет, стриптиз. Ведь вряд ли её Серёжа в восторге от такой ситуации.

Лицо Мары выразило сомнение. Вслед за тем – отвращение. Виноват был тост, который она попробовала.

– Отрава! Кошмар! Убожество! Ритка, ты его съешь?

– Да, съем, – ответила Рита, немедленно пододвинув к себе тарелку, – но ты, по-моему, собиралась что-то сказать.

Глотнув кофе, Мара проговорила:

– Если бы он не был в восторге, то ситуация изменилась бы. Разве трудно ему её изменить?

– Конечно, нетрудно. Но ведь они встречаются только несколько дней. Возможно, ещё не разобрались в отношениях.

– Они в них мгновенно разобрались! Ирка его любит, и он, конечно, любит её.

– А ты его видела?

– Нет, не видела. Но я знаю Ирку достаточно хорошо, чтобы с её слов понимать, кто как к ней относится.

– Интересно! Но если он её любит, то почему терпит такую её работу?

– Да потому, что он ничего дурного в её работе не видит. И абсолютно правильно делает. Если ты виртуозно владеешь чем-то, будь то автомобиль, гитара или своё собственное тело, это – искусство! А за искусство судить нельзя.

Рита сочла тосты не только вкусными, но и сытными. Уже с некоторым усилием съев последний, она спросила:

– А если ты – виртуоз в постели? Это искусство?

– Конечно. Но не публичное.

– Ну, а если ты виртуозно владеешь киллерским арсеналом?

Мара вздохнула. Ответ ей дался со скрипом.

– Конечно, нет! Сами сдохнут.

– А если ты виртуозно владеешь словом? Если поэт ты?

– И в этом случае – нет, – решительно покачала головой Мара, – я не знаток поэзии даже близко, но если ты говоришь о своих стихах, я говорю: нет. Я все их читала. Они меня потрясли. Но это – шантаж.

– Шантаж?

– Да, именно так. Знаешь, почему я не христианка? Когда я маленькая была, мне читали Библию. Она вызвала у меня отторжение. В ней на каждой странице Бог говорит человеку: или ты будешь делать то-то и то-то, или – геенна огненная! Нормально? И вот когда я читала твои стихи, меня резануло точно такое же чувство, с каким я слушала Библию.

Это странно. Твои стихи – о другом. Но чувство такое было. И оно жгло не по-детски!

– Действительно, это очень странно, – сказала Рита и допила свой кофе. Потом она попросила официантку принести счёт. Был уже девятый час вечера.

– Женька пьёт, – сообщила Мара, опять уткнувшись в смартфон. Рита встрепелулась.

– Где? Дома?

– Нет, в «Шоколаднице».

– Что за тварь ей там наливает?

– Этот вопрос она игнорирует. Вероятно, её художник, кто же ещё!

– Башку ему оторвать, уроду такому!

Принесли счёт. Заплатила Мара. Риту вдруг стало клонить ко сну, будто пили водку.

– Я бы ещё посидела, – проговорила она, зевая, – давай ещё посидим! Пусть Ирка поспит.

– Время ещё есть, – отозвалась Мара, не выплывая из интернета. Через минуту ей стало очень смешно.

– Ха-ха-ха! Смотри, что пишет Руслан: «Давайте сегодня возле Кремля на газовом огоньке зажарим пару свиней с погонами!» Надир ему отвечает: «За это нас оштрафуют!» Карина пишет: «Я – вегетарианка, но от такого блюда не откажусь!» А Ромка: «Не надо жарить на этом огне свиней, оба моих прадеда воевали!»

– Тише ори, – попросила Рита, – смотрят на нас.

Не переставая смеяться, Мара скользнула взглядом по сторонам, и все любопытные отвернулись.

– А я ему предложила собраться в баре у Ирки, – дошла она, наконец, до сути, – классная мысль?

– Надеюсь, он отказался?

– Наоборот, согласился. Все остальные тоже согласны. А что, тебе идея эта не нравится?

– Да при чём здесь я? – воскликнула Рита, – она, скорее всего, очень не понравится Ирке! И лучше выяснить это прямо сейчас.

Мара удивилась.

– А почему ты решила, что Ирка вдруг будет против?

– Да потому, что её тошнит от этого бара! Как можно такой простой, очевидной вещи не понимать? Она там работает, ненавидя свою работу! Это ведь ясно, ясно!

– Чёрт! Я встревожена. Пойдём, спросим.

Сказав большое спасибо любезной официантке, автолюбительницы покинули заведение и, спустившись при помощи эскалатора с третьего этажа на первый, вышли на улицу. Ирка в «Ауди» не спала. Она только что закончила болтать с кем-то по телефону. Её лицо сияло от счастья. Новость о том, что празднество будет проходить в баре на Триумфальной, стёрла с него сияние, не затронув обильную красноту.

– Идиотки! Суки! – заголосила служительница искусства, прижав ладони к щекам, – что вы натворили? Я позвала Серёжку! Он будет!

– И что с того? – спокойно спросила Мара, вернув ей туфли, – с голыми сиськами танцевать тебе не придётся, сегодня не твоя смена. Проблема в чём?

– Там будут другие голые сиськи! На ... мне это надо? Я не поеду, нет! Я больна!

– О, да! На всю голову. Но поздняк метаться, решение уже принято. Ритка, в «Форд»!

– Да рано ещё, – возразила Рита, – девять часов. Во сколько мы начинаем?

– Понятия не имею. Но думаю, что благодаря пробкам приедем вовремя. Ирка, пиши Серёжке, где собираемся.

– Ни за что! – завизжала Ирка, – я утоплюсь! Я повешусь! Я брошусь под самосвал!

Покинув машину, наполненную скандалом с лёгкими элементами мордобития, Рита села в свою. Однако, стояли ещё пятнадцать минут. «Ауди» качалось от выяснения отношений внутри него. Когда оно резко сдало назад, делая крутой разворот, и вошло в поток, двигавшийся к центру, Рита едва успела за ним пристроиться.

Глава третья

Нет, не с Артёмом напилась Женька в кафе, а с тремя подругами – Галькой, Анькой и Зульфией. Был с ними мужик. Он, впрочем, не пил и ел исключительно овощной салат, поскольку являлся кроликом. Его звали Васька. Принадлежал зверёк Зульфие, однако в конце застолья вопрос о том, кому он принадлежит, стал вдруг почему-то открытым. Сошлись на том, что он принадлежит Женьке. Она не спорила. Так, с кроликом на руках, домой и пошла. Но пришла к Артёму. Точнее, к двери его квартиры. Стала стучать, а затем звонить. Никто не открыл. Поняв через полчаса, что, видимо, не откроют, но подолбив ещё минут десять, спустились Женька и её лопухий спутник во двор.

Был уже давно двенадцатый час, но город ещё шумел. Три парня лет по четырнадцать на скамеечке пили пиво. Женька взяла у них закурить, попросила выпить. Они велели показать задницу. Показала. Наглые домогательства пресекла. Высосав бутылку «Охоты», побрела к дому вдоль Вешняковской. Звёздочки над её головой качались и разлетались, как вертолётники. Кролик, которого она согревала своим дыханием, почему-то чувствовал себя плохо. Прохожие оборачивались ей вслед. Машины сигналили.

Со второй попытки открыв подъездную дверь, Женька

поднялась на этаж пешком, потому что в лифте её частенько рвало. На это ушло минут двадцать пять. Оказавшись дома, она пустила кролика бегать, улеглась на пол и позвонила Артёму.

– Да, – сказал тот, мгновенно приняв звонок.

– А ты почему, скотина, мне не открыл? – напала на него Женька, – я все коленки отбила об твою дверь! Это хорошо?

– Женечка! Ты что, напилась?

– Ирка напивается, чтоб ей было не так обидно всяким козлам давать! А я выпиваю, если есть повод.

– Ну, и какой ты повод нашла?

Женька рассмеялась. Потом опять разозлилась.

– Это не твоего ума дело! Ты почему мне дверь не открыл?

– Так я ведь тебе сказал, что меня сегодня не будет дома!

Я на работе.

– Пишешь портрет?

– Да, пишу портрет.

– Мужской или женский?

Артём вздохнул.

– Женечка, я тут вышел на лестницу покурить, и мне уже надо идти работать. Завтра мы с тобой встретимся. Я отвечу на все вопросы.

– А ты меня когда будешь рисовать?

– Когда пойдёт дождь.

– Тебя зовут не Артём! – заорала Женька.

– А как?

– Козёл!

Раздались гудки. Со всего размаху бросив мобильник в комнату, из которой немедленно после этого почему-то донёсся какой-то звон, Женька позвала:

– Васька, Васька! Иди ко мне! Я тебя хочу!

Но кролик не соблазнился. Женька заплакала. А потом её стало рвать.

Глава четвёртая

Ирка была очень благодарна своим коллегам за то, что те не подсаживались на колени к Серёже, хоть он подмигивал им, чтоб её позлить, и не предлагали приватный танец. Серёжа также вёл себя адекватно – на полуголых красавиц, конечно, пялился, и не только украдкой, однако деньги им в трусики не совал, по попкам не хлопал. Все остальные, включая девушек, это делали. Рита – тоже. Откуда вдруг у неё появились деньги, для Ирки с Марой так и осталось загадкой. Мальчишки все поуединялись со стриптизёршами за портьерами, где танцовщицы полностью раздевались и позволяли трогать себя за все части тела, кроме половых органов. Руслан, впрочем, уединился только отчасти, так как за ним попёрлась Карина – его невеста. Эта знойная девушка начала состязаться со стриптизёршей в красоте танца и раздевания. Но затмить профессионалку, к тому же трезвую, оказалось ей не под силу, и она в гнев чуть не убила всех. Её успокоили двойной порцией вермута. Отличилась также и Ирка. Еле уже держась на ногах, она взобралась на сцену, и, всех с неё разогнав, полезла на шест. Взвившись по нему до самого верха, стала соскальзывать вниз на попе, с раскинутыми ногами. Но тут её замутило. Хотя от сцены её пришлось отскрести, публика зашлась восторженным рёвом.

Бар был битком. Пришедшие праздновать двадцатидвухлетие сына главы нефтяной компании составляли малую часть толпы – Руслан пригласил лишь избранных, но все прочие вовлеклись в поток их безумия. Девушек заставляли плясать прямо на столах, а бедного именинника заставляли смотреть на это – подарок, мол, принимай! Бедным именинник был потому, что его невеста, больше уж не пытаясь соревноваться со стриптизёршами, хохотала в самое его ухо, громко крича: «Смотри, какая тощая задница!» или что-нибудь в этом роде. Такие танцы стоили дорого. Поздравители то и дело бегали в холл, к банкоматам. Каждый пытался с Русланом выпить. Но он пил мало, так как рассчитывал погонять по ночному городу. Самый экстравагантный подарок преподнесли ему Мара и Зелимхан, его близкий друг. Они вызвали певицу, которая лет пятнадцать назад орала, как говорится, из каждого утюга. Ей было уж за полтос, но песня про День рождения была встречена ликованием. Тем не менее, Рита решительно прогнала со сцены старую курицу, вырвав у неё микрофон, и сказала, что сейчас будет читать стихи.

– Не надо стихов! – запротестовала Мара, – это шантаж!

Руслан велел ей молчать, а Рите – читать. Звукорежиссёр убрал фонограмму, и Рита взялась за дело. На третьем стихотворении она сбилась и покраснела. Но ей похлопали. После этого удалым стритрейсерам бар стал тесен. Взяв по бутылке пива, они, а также Серёжа, Ирка и Рита вышли на улицу.

Ирку, впрочем, вынесли на руках. И сразу засунули в «Гелендваген». Карина всё продолжала орать про тощие задницы. Остальные просили её заткнуться. Было два сорок пять. Блестящий асфальт Садового так и звал пожечь об него резину. Сняв туфли, Мара влезла на крышу своего «Ауди», и, раскинув тонкие руки, запела песню про День рождения. Её стали записывать на смартфоны со всех сторон.

– Русланчик, да я тебя с твоим «Мазератти» в жопу засуну! – вдруг прокричала она, не допев куплета, – давай поспорим на двадцать бутылок «Хеннеси», кто быстрее сделает круг по кольцу! Согласен?

– Давайте лучше я почитаю стихи, – предложила Рита, случайно облившись пивом, – я вроде вспомнила ту строку, на которой сбилась!

Её никто не услышал, так как Карина громко заметила, что у Мары – тощая задница.

– Принимаю вызов! – крикнул Руслан и твёрдой походкой направился к «Мазератти». Надир, его однокурсник, сказал, что он будет третьим, и, сев за руль своего «Рейндж Ровера», завёл двигатель. Рита, пискнув, что также хочет участвовать, села в «Форд», пребольно ударившись головой. Но «Форд» не завёлся. Она расстроилась так, что сразу уснула.

– Её нельзя отпускать одну, – сказал Зелимхан про Мару, которая босиком полезла за руль, – менты все на неё злые! Серёга, сядь рядом с ней.

– Ты думаешь, на меня они очень добрые? – проворчал

Серёжа, но просьбу выполнил. Будто даже и не заметив, что кто-то рядом с ней оказался, Мара вставила ключ в замок зажигания, завела мотор и вывела «Ауди» со стоянки на четырёхполосный простор кольца. Вслед за нею выкатились «Рейндж Ровер» и «Мазератти».

Ночь перешла в свой последний час. Машины ещё неслись по Садовому, но их было так мало, что три участника гонок, заняв позицию и оставив лишь одну полосу, никого ни на одну секунду не задержали. Когда Карина, Ромка и Зелимхан подошли к дороге, Мара, Руслан и Надир помигали фарами, выражая готовность к старту. Достав из смокинга травматический пистолет, Зелимхан поднял его дулом вверх. Прогремел выстрел.

Эхо ещё качалось между домами, а трёх машин уже след простыл – только рёв движков, быстро затихающий, доносился с Садово-Кудринской. «Мазератти», ясное дело, сразу ушло вперёд. Настигнуть его возможности не было: шутка ли – шестьсот пятьдесят лошадок! «Ауди» и «Рейндж Ровер» начали яростную борьбу за второе место. Стрелки спидометров перепрыгнули через двести тридцать. Но, минуя Таганку, Мара вдруг громко вскрикнула.

– Что случилось? – с тревогой спросил Серёжа, видя, что скорость начала резко падать.

– Нога, нога!

Красивое лицо девушки исказилось жестокой болью. «Рейндж Ровер» уже ушёл за линию горизонта и слился с

морем огней, как снова упавшие в воду брызги. Остановив машину напротив площади, Мара страдальчески запрокинула черную голову и вскричала:

– Ой, не могу! Ой, сводит! Ой, сделай что-нибудь, сделай!

– Марочка, сядь ты ко мне лицом-то, – засуетился Серёжа, скидывая с плеча ремень безопасности, – твою мать! Откуда я знаю, что надо делать?

Щёлкнув кнопкой аварийки и кое-как повернувшись, Мара со стоном подняла модельную ногу, обтянутую чулочком. Тот на подошве успел прорваться от ёрзания по педалям газа и тормоза. Аккуратно взяв пленительную конечность левой рукой под пятку, Серёжа правой начал её массировать, ощущая пальцами судорогу. Глаза у Мары закатывались. Но странно – её лицо было розовым, а не бледным. Впрочем, если бы у Серёжи хватило ясности разума обратить на это внимание, он, наверное, объяснил бы румянец крайней досадой из-за проигранного пари.

– Ну что, ещё не прошло? – спросил он, заметив, что Мара уже не стонет.

– Не до конца, – пропищала девушка, закатив глаза ещё выше. Массаж продолжился. Замешательство, охватившее поначалу Серёжу, мало-помалу сошло на нет. Он уже глядел и на ногу, и на её обладательницу, сидевшую с томно откинутой головой, внимательными глазами.

– Ты, может, снимешь с меня чулок? – попросила Мара чуть погодя, – мне было бы ещё лучше, если бы я почувство-

вала тепло твоих пальцев!

Чулоч был снят. Нога оказалась смуглой – видимо, от солария. Не успел Серёжа снова к ней прикоснуться, как рядом с «Ауди» очень резко остановился патрульный «Форд». Его пассажирская дверь открылась. Вышел майор. Постучал в стекло.

– Вот уроды, – вздохнула Мара, нажав на кнопку стеклоподъёмника. Офицер потребовал документы. Серёжа подал ему своё удостоверение. Не водительское. Едва на него взглянув, майор козырнул и, коротко извинившись, вернулся в «Форд». Тот сразу умчался.

– Я вижу, нога у тебя прошла, – негромко сказал Серёжа, заметив очень довольное выражение в глазах девушки, – надевай чулок и поедем.

– Все вы, мужики, хрюндели! – возмутилась Мара, – раздеть разденут, а одевайся сама! Коварные искусители!

Рассмеявшись, Серёжа слишком галантно поцеловал её ножку и взял чулок, чтоб его надеть на неё. Но в этот момент Маре позвонили. Это звонил Руслан, выигравший гонку.

– Сейчас приеду, – сказала Мара, не дав ему вымолвить ни слова, – у меня ногу свело около Таганки, а то бы я тебя сделала!

– Ну, конечно! Мозги у тебя свело, поэтому ты посмела бросить мне вызов. «Хеннесси» покупай на Курской, в «Дубовой бочке». Там сейчас акция на коньяк.

– Да ты просто сука, – очень спокойно и не шутя ответила

Мара, – если бы у тебя свело ногу во время гонки, я не сочла бы возможным тебя унижить.

Швырнув мобильник к стеклу, она вдруг обрушилась на Серёжу:

– Зачем ты мне надеваешь этот чулок? Не видишь ты разве, что на нём – дырка? Я что, по-твоему – дрянь какая-то подзаборная, чтоб носить порванные вещи? Снимай другой!

Конечно, был снят не только второй чулок. Пальцы у Серёжи слегка дрожали. Маре стало смешно.

– Какой впечатлительный ты, однако! – проворковала она, закинув голые ноги ему на плечи, – девственник? Или творческая натура? Или впервые видишь стильную стрижку?

Она, выражаясь сленгом, гнала – Серёжа вполне уверенно продвигался к воротам блаженства, целуя бёдра, с внутренней стороны покрытые незаметным глазу пушком. Он щекотал губы, этот пушок. Он просто сводил с ума.

В стекло опять постучали весьма решительно. На сей раз это был офицер из другой бригады, но с тем же самым желанием.

– Ты, козёл! – заорала Мара, полностью опустив стекло, – ты нарочно, да? Ну признайся честно, нарочно?

– Тише, милая, тише, – пробормотал Серёжа, опять достав удостоверение. Офицер – точнее, два офицера, подхватившие на «Мерине», принесли глубокие извинения и стремительно улетучились.

– А давай твою книжку выложим на капот, чтоб нас не

тревожили, – предложила Мара, взяв из-под ручника пачку сигарет.

– Они – не из тех, кто предпочитает книжки порнухе, – сказал Серёжа. Он не позволил девушке закурить, начав её успокаивать другим способом.

Когда всё было кончено, Мара вновь подняла спинки двух сидений и тихо вымолвила, пустыми глазами глядя вперёд, на пустой асфальт под яркими фонарями:

– Выйди! Девушке надо чуть-чуть одеться.

Серёжа вышел. Но не успел он захлопнуть дверь, как мотор взревел, и чёрное «Ауди» дало старт. В нос ударил запах жжёной резины. С чудовищной быстротой набирая скорость, красивый автомобиль с красавицей за рулём в течение десяти секунд ушёл за пределы видимости.

– Ого! – воскликнул Серёжа, – какая лапочка!

И ему стало очень смешно оттого, что он это понял только сейчас.

Глава пятая

Пришлось вызывать такси, чтоб вернуться к бару за Ирой. Приехав на Триумфальную площадь в пятом часу утра, Серёжа там обнаружил чёрт знает что такое. Около бара толпилось много полиции, и притом из разных подразделений, о чём свидетельствовала раскраска автомобилей. Не меньше там наблюдалось байкеров, да каких! Все были как на подбор – плечистые, бородатые, в чёрной коже с клёпками и цепями. Вкатив свои «Харлеи» и «Хонды» на тротуар, они дружелюбно беседовали с полицией и хлестали пиво – безалкогольное, разумеется. А ещё там была съёмочная группа, да не простая, а одного из трёх федеральных телеканалов. Тонкая девушка в синей курточке с логотипом телекомпании бойко делала репортаж, что-то щебеча в микрофон, а два оператора занимались своей работой. Они снимали не только свою напарницу, но и кое-кого ещё.

Справа от полиции и плечистых бородачей, метрах в двадцати, ровненько лежали на тротуаре Руслан, Зелимхан, Надир, Ромка, Карина, Ирка и Мара. Лежали они ничком, не совсем бок о бок, но рядом. Руки у всех были на затылках. И молодые люди, и девушки сохраняли полную неподвижность, уткнувшись в асфальт носами. Никто из них ни одного звука не издавал. Очень живописно выглядела Карина,

трусики на которой были зачем-то спущены до коленок, а также Мара, лежавшая лицом вниз без обуви и чулок, вытянув ступни, отчего под пятками пролегли глубокие складки. Голые ягодицы одной и голые ноги другой чудесно белели под фонарём. Редкие прохожие с любопытством на них глазили.

Подойдя ближе, Серёжа смог услышать часть речи девушки с микрофоном.

– Итак, полиция пресекла, на этот раз жёстко, очередную наглую выходку молодых стритрейсеров, которые атаковали мотоциклистов из клуба «Ночные белки», – вещала та, указывая рукой на лежащих, – драчливые хулиганы, как видите, обезврежены. Среди них имеются дамы, но и они отличились, так что уложены не напрасно. Байкеры, к счастью, не пострадали, хотя могли бы, так как мажоры располагали холодным и огнестрельным оружием...

– Хватит врать! – вдруг крикнула Мара, не отрывая рук от затылка, но на один сантиметр приподняв голову, – эти конченые, тупые уроды сами на нас набросились! Никакого оружия у нас не было!

– Только что вы слышали голос известной всем Мары Галичьян, которая навлекла на себя справедливый народный гнев своими антипатриотическими высказываниями в интернете, – радостно продолжала корреспондентка, – вон она, эта девушка – лежит слева, босая! А рядом с ней...

– Извините, – сказал Серёжа, приблизившись к одному

из двух операторов, – не могли бы вы убрать камеру? Здесь снимать запрещается.

Оператор съёмку продолжил. Второй, стоявший чуть поодаль, очень быстро переместился в машину. Корреспондентка немедленно подбежала к Серёже и поднесла прямо к его рту микрофон.

– Скажите, кто вы такой? Вы – их покровитель из госструктур? Или вы работаете с отцом Мары Галичьян? Вероятно, он вас сюда прислал? Ну, скажите честно!

– Говорю честно: меня никто прислать никуда не может. Но я могу разбить вашу камеру, повозить вас мордами по асфальту и не прислать за вами Скорую помощь. А если я её не пришлю, она не приедет.

Девушка побежала звать полицейских. Двое из них подошли. Узнав, с кем имеет дело, один велел убрать камеру и послал другого за третьим, имевшим чин подполковника.

– Отпустите их, – попросил Серёжа, крепко пожав офицеру руку, – ведь пострадавших нет.

– Изъят травматический пистолет, – пригладив усы, вяло сообщил подполковник, – за сорок минут до этого из него стреляли.

– Но он ведь зарегистрирован?

– Да, легальный.

– Ну, административка – если удастся установить, что это был не случайный и не оправданный выстрел. Да отпустите вы их! Никто не поверит, что они сами напали на этих дедов

Морозов. Я точно вам говорю – весь мир будет ржать, и тогда начальство вас крайним сделает! А их папы – сами знаете, кто. Охота вам связываться?

– Под вашу ответственность. И пускай немедленно убиваются, – произнёс офицер и снова протянул руку. Серёжа снова пожал её.

– Под мою.

Увидев, что молодые люди встают с асфальта, бородачи заорали, затопали каблуками и зазвенели цепочками. Подполковник что-то им объяснил, и они притихли. Сев на свои «Харлеи» и «Хонды», с треском разъехались. Выполняя условие офицера, освобождённые также незамедлительно рассовались по своим транспортным средствам, причём Карине пришлось напомнить, что у неё спущены трусы – так она была перепугана. Маре подали её туфли. Садясь за руль, она одарила Серёжу взглядом, который мог означать, пожалуй, всё что угодно – от благодарности до иронии.

Оказавшись с возлюбленным в «Гелендвагене», Ирка сперва расплакалась, а потом закурила. Вырулив на Тверскую, Серёжа стал задавать вопросы. Прежде всего он пожелал выяснить, почему Карина лежала с голыми ягодицами.

– Потому, что она ментам решила показать задницу, – объяснила Ирка, закашлявшись, – так её, голой жопой сверху, и положили. А мне велели лечь рядом! Это кошмар! Я до гробовой доски буду помнить, что меня клали мордой в асфальт, как бандитку, и все прохожие на меня смотрели!

– Прохожих было немного. Кстати, а Ритка где?

– Ритка так и спит в своём «Форде». Менты не стали её оттуда вытаскивать. Вероятно, им не пришло на ум, что в такой помойке может быть что-то заслуживающее внимания.

– Всё понятно, – проговорил Серёжа, цепляя зеркало беспокойным и быстрым взглядом. Чёрное «Ауди» следовало за ним и мигало фарами – несомненно, с просьбой остановиться. Миновав Пушкинскую, Серёжа остановился в левом ряду – Тверская была всё ещё пуста. Затормозив рядом и опустив стекло, Мара крикнула:

– А давайте где-нибудь посидим, чего-нибудь выпьем!

– В жопу иди! – психанула Ирка, – хватит с меня твоих приключений! Я хочу спать! Я больна!

Мара засмеялась, и её «Ауди» снова набрало скорость. Домчавшись до Моховой, свернуло направо. Серёжа, чтобы наверняка исключить ещё одну встречу с лихой красавицей, повернул в сторону Лубянки. Он решил выехать на набережную, с неё – на Третье кольцо.

– Это она, сука, стала задирать байкеров, – сообщила Ирка, гася окурочек, – впрочем, они искали её.

– Её?

– Ну, конечно! Как-то внезапно они окружили нас, слезли с байков и спрашивают: «Где эта продажная тварь, Мара Галичьян?» Надир их послал. Тут она сама подъезжает. Как их увидела, так взяла монтировку из-под сиденья, выпрыгнула, и – ну их мочить! Ребята, конечно, ей помогли.

– Но байкеров было гораздо больше!

– В том-то и дело! Нас ведь менты, в сущности, спасли. Они через полминуты со всех сторон понаехали! Не пойму, откуда взялись? Хорошо, что Ритка спала! Иначе без крови не обошлось бы, это уж стопудово.

– Похоже, это была спланированная провокация. И она вполне удалась.

– Да это понятно, – сказала Ирка, опять беря сигареты, – другого я понять не могу – что Мара им сделала, этим байкерам?

– А они что ей сделали? Ты сама ведь сказала – едва она их увидела, как взяла монтировку, и...

– Да, да, да! Хорошо, на них были шлемы. Короче, тайна какая-то!

Предрассветный туман над Москвой-рекой и громада храма над пустым городом многократно утяжелили мрачное ощущение тайны в гудящей Иркиной голове. И не только тайны, но и какой-то невнятной, грозной тоски. Откуда она взялась?

– Ты к нам не заглянешь? – спросила Ирка, когда съезжали на Третье транспортное кольцо, – я тебя с сестрой познакомлю.

– Она, наверное, ещё спит, – возразил Серёжа.

– Проснётся! Невелика госпожа.

– Тогда с удовольствием познакомлюсь.

Было ещё темно, когда «Гелендваген», избежав утреннего

столпотворения на дорогах, въехал во двор Иркиного дома на Молдагуловой. У подъезда стояло чёрное «Ауди» со знакомыми номерами. Остановив внедорожник, Серёжа очень решительно заявил, что с Марой ему ещё раз встречаться незачем.

– Я повешусь, Серёженька! – взвыла Ирка, заломив руки, – ради всего святого, не оставляй меня с ней и с Женькой одну! Ты ведь обещал, что поднимешься!

– Не могу! Я сильно устал! У меня сегодня важное совещание! – отбивался Серёжа. Ирка, однако, не отставала. Выпроводив её из машины силой, он был таков. Проклиная миг своего зачатия, затащилась Ирка в подъезд, доплелась до лифта и поднялась на шестой этаж. Открыв дверь квартиры, остолбенела. Что же она увидела? Босоногая Мара ползала с тряпкой по коридору и тщательно мыла пол. Поглядев на Ирку, она сказала:

– Доброе утро.

– Для кого как, – отозвалась Ирка, – а что ты делаешь?

Тут из кухни выбежал кролик – маленький, серый, с белыми ушками. Будь у Ирки побольше сил, её визг услышал бы весь район. Но уж чего не было того не было, и она только слабо вскрикнула.

– Это кролик, – весело пояснила Мара, – видимо, Женька с ним нажралась. Когда я пришла, она тут захлёбывалась блевотиной, и он тоже чувствовал себя плохо. А сейчас им обоим стало получше, так как я вымыла пол и открыла фор-

точки.

– А где Женька?

– Я уложила её в постель, – ответила Мара и, встав с колен, направилась с тряпкой в ванную. Ещё раз поглядев на кролика, с интересом смотревшего на неё, сняла Ирка туфли и прошла в комнату. Зажгла свет. Женька абсолютно беззвучно спала на правом боку, свесив руку к полу, распустив слюни. Она была очень бледная и во сне казалась тридцатилетней. Но Ирка знала: стоит её сестрёнке открыть глаза, и ей – вновь семнадцать, а то и меньше. Что за кошмарное существо! С кружащейся головой Ирка кое-как стянула с себя одежду, чтоб тоже лечь и не встать до вечера, даже если будет пожар. Но Мара вдруг проорала шёпотом из прихожей:

– Пошли пить кофе!

– Сюда его принеси, – промямлила Ирка, перелезая через бревно интеллектуальное и моральное, тошнотворно похожее на неё. Внезапно оно показалось ей ледяным... Сердце от испуга стало звенеть при каждом ударе. Господи! Кролик! Ведь у неё с ним – одни глаза! Содрогаясь, Ирка просунула руку под одеяло и ущипнула сестру за мягкое место. Женька во сне задвигалась, застонала.

Когда спустя три минуты Мара принесла кофе, её подруга спала, да ещё покрепче своей сестры, что было закономерно – она и выпила больше, и упахалась до этого. Сколько выпила Женька, для Мары не было тайной. Ей посчастливилось это выяснить досконально, с тряпкой в руках. При-

шлось пить кофе одной. Выпив обе чашки, Мара закрыла лицо руками. Она испытывала желание скрючить пальцы и разодрать лицо до крови. По квартире носился кролик. А за окном брезжила заря. И моросил дождь.

Глава шестая

Рита в «Форде» отлично выспалась. Пробудилась она в одиннадцать тридцать. Сообразив, где находится, закурила. Башка болела терпимо. Это обескуражило Риту – раньше она совсем не болела никогда в жизни, сколько бы накануне ни было выпито. По стеклу распластался мелкий, противный дождь. Проверив мобильник, Рита достала из отделения для перчаток зубную пасту и щётку, которые захватила с собой в деревню, и побежала в бар. Ей дали возможность почистить зубы, умыться и выпить кофе, притом за счёт заведения. В идиотскую рожу, которую отразило зеркало, захотелось плюнуть. Просто кикимора! Но сотрудники бара были предельно вежливы.

– Я вам крайне признательна, – поблагодарила Рита администратора, очень милую девушку, – извините, что у меня такое лицо.

– И мы признательны вам за ваши стихи, – улыбнулась девушка, – до свидания.

Уязвлённая тем, что не было возражений насчёт лица, Рита покурила за дверью, меланхолично глядя на мокрый город под грязно-серыми небесами. Садовое и Тверская были забиты транспортом. Пешеходы забавно цеплялись зонтиками.

Опять сев за руль, Рита позвонила лучшей подруге.

– Чего тебе? – пропищала Света, – я, вообще, работаю!

– У тебя перерыв когда?

– Через полчаса.

– Я заеду.

– Ладно. Но не пытайся сюда войти. Ты ведь на машине?

Где-нибудь припаркуйся и терпеливо жди. Я тебя найду.

– Да, искать проблемы ты мастер, – сказала Рита, и разговор на этом закончился. Так как центр почти стоял, нужно было трогаться в путь немедленно. Но проклятый «Форд» не завёлся. Пришлось потратить двадцать минут на то, чтоб прокалить свечи при помощи зажигалки. До Большой Дмитровки удалось добраться за полчаса. Света под зонтом стояла на тротуаре около здания Генеральной прокуратуры, не обращая внимания на ворчание пешеходов, вынужденных её обходить по лужам. В её руке был пакет. Рита посигналила, тормозя.

– Ты сошла с ума! – заметила Света, усевшись в «Форд», – на таких машинах уже лет двадцать никто не ездит!

– Я – не никто, – возразила Рита, пробежав взглядом сотни служебных автомобилей, двумя рядами стоявших вдоль тротуара, – я – нечто. Слушай, здесь где-нибудь паркануться можно?

– За угол поверни, там место найдётся.

Снова расправив зонт, Света разместила его за спинками передних сидений, чтобы сушился. Её подруга, тем временем, повернула за угол. Там, действительно, нашлось место.

– Что у тебя в пакете? – спросила Рита, запарковав машину, – использованные презервативы? Недурно для половины дня!

– Идиотка вы, Маргарита Викторовна! И рожа у вас неумная. И язык – половая тряпка. Ты бы подкрасилась, что ли, дура!

Раскрыв пакет, Света извлекла пластиковую коробочку для продуктов. В ней оказалась целая дюжина бутербродов – с сёмгой, с чёрной икрой, с телятиной, с пармезаном, с чем-то ещё.

– В буфете взяла. Ты какие будешь?

Рита выбрала с сёмгой. Подумав, сразу взяла и с чёрной икрой. Приступили к трапезе.

– У меня осталось минут пятнадцать, – предупредила Света, – что тебе надо?

– История с казино, короче, накрылась, – проговорила Рита, жуя, – если ты не против, детали я уточнять не буду.

– Да я и слушать не стала бы этот бред! Я сразу сказала, что это всё – хрень собачья. Что дальше?

– Ты можешь мне нарыть информацию о загадочных происшествиях, связанных с кладбищами?

У Светы глаза полезли на лоб. Она стала кашлять, заплёвывая машину кусками хлеба и колбасы. Рита терпеливо ждала. Как только её подруга открыла рот, чтобы заорать, она очень быстро заговорила:

– Я не имею в виду ритуальные убийства на кладбищах

или пьяную поножовщину. Найди то, из чего можно снять мистический триллер. Таинственные исчезновения, очень странные суициды. Короче, что-нибудь в этом роде. Сделаешь?

– Обязательно! – заорала Света, – всенепременно! Только шнурки поглажу, и буду рыть жопой кверху! А больше ты ничего не хочешь? Ну, например, опять полечиться?

– Нет, не хочу. Когда меня лечат, вместе с водой выплёскивают ребёнка. А он мне дорог, этот ребёнок. Ты понимаешь, о чём я?

– Нет!

– Ты всё понимаешь. Ты меня знаешь не хуже, чем я сама себя знаю. Кладбищенской земляники крупнее и слаще нет! В Библии не сказано, что Адам и Ева сожрали именно яблоко. Они съели какой-то плод. Какой – неизвестно.

– Мать твою драть! Но ты ведь жрала малину, не землянику! Чёрт! Я опять втянулась в эту дискуссию! Что мне делать?

– Рыть фактологию, потому что я не отстану. Мне угрожает опасность. За мной следят. Я желаю знать, действительно ли погост и рай глобально сопоставимы, что означала надпись на камне и почему эта информация под запретом. Пожалуйста, помоги мне всё это выяснить.

Света шумно вздохнула. Потом взяла второй бутерброд. Сказала:

– Ясное дело, погост и рай глобально сопоставимы. Тот и

другой – пристанище мёртвых.

– Одного признака для глобальной сопоставимости мало. Ад тоже можно назвать пристанищем мёртвых.

– Да, но в аду, если верить Библии – плач и скрежет зубовый. Тебе на кладбище приходилось слышать такие звуки от мертвецов?

Этот довод Риту, что называется, зацепил. Медленно доев бутерброд с икрой, она закурила.

– Ты полагаешь, что кладбище – это рай, созданный людьми для тех, кто им дорог? Да, именно так и есть. Ведь те, кто лежит на кладбище, в большинстве своём не заслуживают гранитных надгробий, а также мраморных. Эти памятники поставлены им из милости. Обитатели рая тоже находятся там из милости, ибо «так возлюбил Бог мир, что отдал сына своего единородного, дабы каждый верующий в него не погиб, но имел жизнь вечную...» Налицо – параллель между человеком и Богом, между Новейшим Заветом, Новым и Ветхим. Великолепная мысль!

– Так что, мне искать страшилки? – спросила Света, умяв второй бутерброд и взявшись за третий. Она была польщена комплиментом так, что не обратила внимание на Новейший Завет, о котором ей – историку, между прочим, ещё ни разу не доводилось слышать.

– Да, поищи. Я так и не поняла, чего от меня хотят и что меня ждёт. Может, ты и это мне объяснишь?

– Легко, – согласилась Света, – все от тебя хотят, чтобы

ты заткнулась, и ничего другого тебя не ждёт.

– Зачем тогда жить?

– Для того, чтоб всех раздражать.

Погасив окурок, Рита достала из отделения для перчаток боекомплект косметики. Повернув к себе салонное зеркало, стала краситься.

– Ты куда наостряешь лыжи? – спросила Света.

– Я хочу съездить к известному психиатру. Он работает в клинике имени Алексеева.

– А ребёнок?

– Какой ребёнок?

– Ну, тот, которого выплёскивают с водой.

– Так я ведь лечиться не собираюсь! Я хочу расспросить, чего можно ждать от чёрта, который буйно сошёл с ума.

– Думаю, что он по сравнению с тобой – ангел, – сказала Света, решительно открыв дверь, – пока!

И быстро ушла со своим контейнером и пакетом. Но вскоре она вернулась на две секунды, поскольку забыла зонт. Кончив наводить марафет, Рита поглядела, который час, и поехала. Но не в клинику Алексеева, а домой. Визит к психиатру она решила перенести, так как настроение не особенно соответствовало затее.

Путь занял час. Машину пришлось оставить чуть ли не за углом. Шипя и плюя на жалкие развалюхи, заполонившие двор, Рита под дождём бежала к подъезду. Возле него она и столкнулась с Женькой. Та выходила с зонтиком-тросточ-

кой. Нарядилась она, как для посещения театра: длинная юбка, туфли на каблуках, коротенькое пальто из крепа, перчатки. Однако, больше всего Риту впечатлил макияж, наложенный очень тщательно, и с холодным прищуром взгляд. Причёска у Женьки, впрочем, была обычная – то есть, чёрт-те какая.

– Куда намылилась, падла? – спросила Рита, взявшись за широко открытую Женькой дверь, – на свиданку, что ли?

– Типа того, – процедила Женька, и, раскрыв зонт, поцокала к улице. Ужас как захотелось Рите с разбегу дать ей пинка по надменной жопе, чтоб макияж с наглой рожи стёрся весь об асфальт! И точно дала бы, однако жаль было пачкать юбку – видимо, Иркину. Проводив задаваку взглядом, поторопилась Рита домой, ибо дождь усиливался.

А Женька, вовсе о ней не думая, перешла дорогу, потом свернула на Вешняковскую и зацокала к остановке. На полпути её обогнал троллейбус с нужным ей номером. Пришлось сделать лицо попроще – скакать по лужам с важным лицом было бы преглупо. Ноги, хоть заплетались, не подвели, и не подвели во всех смыслах – водитель, было похоже, ждал потому, что залюбовался. Под турникет Женька поднырнула, чем вызвала недовольство двух старушенций, сидевших возле дверей, и замороженный взгляд парня, стоявшего у окна. Ответив ему взглядом снисходительным – мол, ещё и не то умею, Женька уселась напротив последней двери. Весь путь она переписывалась с кумиром – с Марочкой

Галичьян, которая убирала за ней блевотину. Жуть как было перед ней стыдно! Парнишка всё продолжал таращиться. Он был милым. Проехав три остановки, Женька ему загадочно подмигнула озорным глазом, оторвав взгляд от смартфона, затем подпрыгнула, будто чуть остановку не проворонила, и – покинула с мимолётной грустью троллейбус. Перебежав Вешняковскую, вошла в парк.

Беседку возле усадьбы знала она прекрасно – столько в ней было откупорено пивных бутылок и распечатано прези-ков, что две трети лиц и имён из памяти стёрлись. Распола-галась она на большой поляне. Рядом рос клён. Идти туда нужно было длинной тропинкой через весь лес. Роскошные ноги Женьку несли стремительно. Иркин зонт она, пройдя полпути, сложила, поскольку он задолбал цепляться за су-чья. Артём уже её ждал, вышвыривая ногой из беседки окур-ки, пробки и прочую дребедень. Мольберт был разложен.

– Ты потрясающе выглядишь, – произнёс Артём, взяв у Женьки зонтик и положив его на скамеечку. Они сдержанно, как герои детского фильма, поцеловались, после чего худож-ник задал довольно странный вопрос:

– Трусы на тебе приличные? Иркины?

– Для чего тебе знать, какие на мне трусы? – звонким голо-сочком и глупым взглядом изобразила Женька Мальвину, – разве я буду позировать только в них?

– Сначала – без них, – дал странный ответ Артём, он же Буратино. Пока Мальвина недоумённо взмахивала реснич-

ками, он её развернул и велел нагнуться. Пока она возмущалась, касаясь пальчиками скамеечки, он задрал на ней юбочку и спустил колготки вместе с трусами ниже колен. От порыва ветра Мальвина сразу растаяла, как Снегурочка, потому что ветер был ледяным.

– Слышь, ты, живописец! Мы так не договаривались! – запротестовала Женька, плотно сжав голые ягодички, – у меня жопа замёрзнет!

– Ты ведь отлично знаешь, что твоей заднице будет жарко, – сказал Артём. Женька усомнилась, но, как всегда, дала ему шанс развеять свои сомнения. И ему, как всегда, это удалось. Попе стало жарко, а самой Женьке – очень приятно. Она визжала. К счастью, благодаря прескверной погоде в Кусковском парке было довольно немногочленно.

– Тёма, а почему ты свою бейсболку носишь всегда козырьком назад? – вдруг спросила Женька, оборвав вой. Художник не удивился. Он уж привык к тому, что эта странная девушка задаёт вопросы всегда, везде и любые.

– Я, вообще, не люблю бейсболки, – ответил он, – это головной убор для дебилов. Когда бейсболка одета так, вид менее глупый.

– Зачем тогда ты носишь бейсболку, если не любишь? – не отставала Женька. Её вопрос прозвучал невнятно, так как она кусала губу.

– Без шапки я себе ещё меньше нравлюсь, – сказал художник, – а все другие шапки – ещё ужаснее.

– Ой-ёй-ёй! – опять взвыла Женька, – я умираю! Мамочка!

А потом он стал её рисовать. Сперва, между прочим, вышел скандал, так как неожиданно оказалось, что портрет будет выполнен никаким не маслом, не на холсте, а чёрт знает чем, чёрт знает на чём – цветными мелками, да на бумаге! Он успокоил её, сказав, что дома перерисует маслом на холст, потому что здесь возиться с холстом и красками нет ни времени, ни условий.

– Ну, хорошо, – согласилась Женька, – поверю тебе опять. Но только попробуй, тварь, не перерисуй!

И она красиво встала с зонтом под клёном. Вокруг неё о чём-то шептались парк и ненастный день. Клён был уже алым.

Глава седьмая

Наличие дома двух неожиданных персонажей – кролика, хоть и миленького, и Мары Галичьян, хоть и спящей, ещё сильнее испортило настроение Риты. Она любила животных, однако кролик уже пытался грызть её туфли, стоявшие в коридоре, а автогонщица почивала не где-нибудь, а в её постели. Дав по ушам обоим, на что обиделась только Мара, Рита разделась и пошла в ванную. Провела она там без малого полчаса, ибо ей казалось, что если тщательно вымыть тело, то и лицо изменится к лучшему. Так оно и произошло.

Выходя из ванной, она увидела, что подружки уже пьют кофе, сидя на кухне. Обе были не веселы. Хмурый день за окном будто отражался на сонных рожах. Ирка зевала. Мара, часто моргая, общалась с кем-то через соцсеть. Кролик грыз сухарь в коридоре. Там для него поставили и тарелку с водой.

– Откуда он взялся? – спросила Рита, надев бельё и подсев к двум сумрачным пианисткам.

– А как ты думаешь? – усмехнулась Ирка, закуривая, – какие могут быть варианты?

– Женька, что ли, припёрла?

– А кто ж ещё? Не знаю теперь, куда его и девать. Попробую отнести в зоомагазин. Может быть, возьмут бесплатно.

– А ты откуда взялась? – обратилась Рита с вопросом к Маре. Та не ответила, но сказала, не отрывая глаз от смартфона:

– Меня прошу отнести в секс-шоп. Я желаю стать резиновой куклой.

– Тебе уже это удалось, моя дорогая, – брызнула ядом Ирка, – таким позорным и жалким образом лечь лицом в тротуар, исполняя наглый приказ ментов, и так неподвижно потом лежать с руками на голове могла только кукла!

– А ты сама-то чем лучше? – взвизгнула автогонщица, – я-то хоть возмутилась ради приличия, а ты сразу бегом помчалась туда, куда тебе предложили лечь кверху задницей! И легла за одну секунду!

– Марочка! Я, в отличие от тебя, не пишу в Фейсбуке, что мне даже президент – не указ!

Мара разозлилась.

– Я и сейчас это повторю! Но мне угрожали пытками, сексуальным насилием и расправой! Я была вынуждена поддаться давлению грубой силы!

– Никто тебе не грубил и не угрожал! И даже не тыкал. И ты лежала как дура, с голыми пятками! И теперь вся страна увидит по зомбоящику, что на правой пятке у тебя вытатуирована свастика! Хорошо, журналистка этого не заметила. Но народ заметит. Ты недовольна количеством упырей, которые на тебя оскалились? Десяти миллионов мало? Получишь сто миллионов! И из консерватории вылетишь! Это

точно.

– Кретинка ты! – заорала Мара, – свастика – это древнеиндийский символ солнцевращения!

– Объясни это упырям.

Мара собиралась что-то ответить, но неожиданно зашлась кашлем. Как будто вдруг подавилась. И это было загадочно – ведь она вообще ничего не ела, а к кофе уже целую минуту не прикасалась. Но, тем не менее, Риту заинтересовал куда больше другой вопрос.

– Это вы о чём говорите-то? – прокричала она, чтоб Ирка её услышала сквозь раскаты хриплого кашля, – вас что, задерживали менты?

– Конечно, и ещё как! – проорала Ирка, поднявшись и через стол колотя подругу по вздрагивающей спине, – на нас ведь напали байкеры! К ним на помощь сразу примчались сотни ментов! Они нас немедленно положили мордами в тротуар. Буквально в ту же секунду откуда-то появилось и телевидение. Да, как будто из-под земли!

– Ого! Обалдеть! И вас сразу отпустили?

– Да хрен бы нас отпустили – ведь эта дура байкеров отхерачила монтировкой! Нас отпустить попросил Серёжа. Он ведь умчался с Марой, но почему-то приехал немного позже. Мара уже сегодня мне объяснила, что он её задолбал советами, и она его выгнала из машины.

– Серёжу?

– Да! Представляешь?

Мара откашлялась. Но дышала она с трудом. Из глаз у неё обильно струились слёзы.

– Откройте форточку, – попросила она, ловя воздухом, – проклятая астма! Внезапный приступ. Чёрт! Ингалятор дома оставила!

– Ты астматик? – спросила Рита, поспешно выполнив просьбу. В кухню ворвался запах мокрой листвы и далёкий шум кольцевой дороги.

– Да, у неё бронхиальная астма почти с рождения, – подтвердила Ирка, – такое с ней частенько случается. И, как правило, неожиданно. Марочка! Может, Скорую тебе вызвать? Или отдышишься?

– Отдышусь, – прошептала Мара, – не надо Скорую! У меня аллергия на все уколы. Девчонки, выведите меня на улицу! Нужен воздух. Здесь его мало. Ты накурила ещё!

– На улице идёт дождь!

– Ну и пусть идёт. Посидим в машине, двери откроем. Может, сгоняем за ингалятором. Здесь аптека есть где-нибудь поблизости?

Ирка с Ритой быстро оделись и помогли это сделать Маре. Ей было очень плохо. Она хрипела.

– На ... ты её злила своими свастиками, овца? – обрушила гнев на бедную Ирку Рита, когда они выводили Мару из лифта, – прекрасно знала ведь, что у человека – астма!

– Я здесь при чём? Это всё, наверное, из-за кролика! Аллергическая реакция.

– На овцу! Ведь надо соображать иногда, что делаешь!

Оказавшись на улице, Мара стала дышать во всю грудь, поддерживаемая под руки двумя спутницами. Прохожие с любопытством на них косились. Кто-то предложил вызвать Скорую.

– Сами вызовем, – отмахнулась Рита, – Мара, дай ключ!

Завладев ключом, она горделиво села за руль прекрасного «Ауди». Ирка с Марой расположились сзади.

– Девочки, мне становится лучше, – пробормотала последняя, – ингалятор не нужен. Здесь есть поблизости лесопарк? Мне бы сейчас чистым лесным воздухом подышать! Тогда оклемаюсь.

– Ну, так поедem в Кусково, – сказала Рита, вставляя ключ в замок зажигания. Запустив мотор, она вывела машину на улицу Молдагуловой, а потом и на Вешняковскую. Ей понадобилось проехать с полкилометра, чтобы привыкнуть к автомобилю, который мощностью почти втрое превосходил её «Форд». Час пик ещё не настал. Дорога была свободна, и на весь путь ушло семь минут. Промчавшись по эстакаде, Рита свернула на двести семьдесят градусов вправо, и, проскочив под этой же эстакадой, въехала в парк.

– Где остановить? – спросила она у Ирки, ведя машину по асфальтированной дороге, пересекавшей лес.

– Я слышала, здесь есть озеро с островком, а на берегу – усадьба какого-то Шереметьева, – подала слабый голосок Мара, – можно туда?

– Ритка, тормози вон на той площадке, рядом с мостом железной дороги, – сказала Ирка, – мы от неё дойдём до пруда пешком! Так будет быстрее.

Мимо маленькой станции, над которой нависал мост, просвистывал поезд. Когда он отгрохотал и вновь воцарилась многозначительная осенняя тишина старинного парка, не только Мара, но и две её спутницы ощутили, как скверно им было там, вне пределов этой возвышенной тишины. К озеру вело несколько тропинок, одна извилистее другой. Золотистый лес под мелким дождём был неопишуем.

– Велик ли парк? – небрежно спросила Мара, уже дыша без хрипения и идя без всякой поддержки.

– Изрядно, мадемуазель, – сделав реверанс, ответила Ирка, – каблучки стопчете, а из края в край не пройдёте.

– Полноте, – возразила Рита, – он незначителен. Я на паре гнедых его объезжаю раньше, чем санитары мне успевают сделать укол!

Студентки консерватории рассмеялись. Им, как и их попутчице, было радостно. Они медленно шли и громко болтали о ерунде, о ней лишь и думая. Дождик им угодил, полностью очистив Кусковский парк от людей. Этим было создано ощущение бесконечности и таинственности его красоты.

Когда лес вдруг расступился и впереди открылась серая гладь огромного пруда с островом, на котором желтела роща, дамы невольно сбавили шаг, продляя очарование. В летний день, наполненный яркой синевой неба, шумом и пестротой

множества людей, оно не смогло бы достичь такой высоты. На берегу не было никого, кроме пары уток, бродивших в вытоптанной траве. С полсотни их плавало и ныряло, пытаюсь добыть себе пропитание, так как их в этот день не кормил никто. По воде, испещрённой крестами дождика, шли круги.

– А где же усадьба? – спросила Мара. Ирка указала рукой. Побрели к усадьбе. Недалеко от тропинки, которая вела к ней, посреди огромной поляны располагалась беседка. В ней был художник. Стоя перед мольбертом, он рисовал пастелью ненастный день и милую девушку. Та с зонтом стояла под алым клёном, очень сильно напоминая одну певицу из девяностых.

– Вот она где! – воскликнула Ирка, сразу узнав эту девушку, – в моей юбке, с моим зонтом! Это она так пошла в колледж! Ох, и зараза! А ну, пойду познакомлюсь с её художником.

И она направилась напрямиком к беседке. Но тут художник вдруг повернулся, и Ирке уж не пришлось никуда спешить.

– Боже мой! – вскричала она, – Серёжа! Что ты здесь делаешь?

Глава восьмая

Четырнадцатого сентября к четырнадцати часам самая несносная дрянь и самая въедливая заноза диапазона FM отправилась в Лужники, решив, по меткому выражению главного редактора, прикоснуться к истории. Событием историческим вся страна сочла матч московского ЦСКА с мадридским Реалом. Матч был отборочным. От его исхода зависело, будет ли ЦСКА играть в Евролиге следующего года. Реал прибыл на стадион прямо с самолёта. Билет в VIP-зону Танечке преподнёс коллектив, в качестве подарка к грядущему юбилею. Ей исполнялось тридцать. Она поехала на метро, так как после матча ей нужно было успеть на семичасовой эфир. Конечно, за три часа успела бы в любом случае, но решила не рисковать – футбол есть футбол, после игры может случиться всякое. Повязала шарф – да притом спартаковский, красный. Это было, по сути, самоубийством, но свою жизнь Танечка ценила гораздо ниже, чем репутацию смелой девушки.

Впрочем, попытка самоубийства не удалась. В толпе перед рамками все косились на привлекательную спартачку с рыжими волосами и изумрудными глазками, но питюкать никто не смел. Во время игры Танечка пила крепкий чёрный кофе, поглядывая на тренера, психовавшего в двух шагах от

неё. Стадион, конечно, был переполнен. Реал разочаровал, ЦСКА – невысказанно удивил, поскольку забили оба. Ничейный счёт армейских фанатов так осчастливил, что и на выходе Таню не придушили её спартаковским шарфиком и ни разу даже не оскорбили. Идя к метро, она любовалась чистым осенним небом и размышляла о том, почему одни погибают на ровном месте, а от других уваливает кирпич, падающий с крыши. Ей было сложно ответить на этот вопрос, так как фатализм её философией не являлся.

Между мостом и метро полиции было больше, чем на любом оппозиционном митинге. Таня уже стояла в толпе перед эскалатором, когда ей вдруг позвонил заместитель главного редактора по информационной политике. Пришлось выйти на улицу, чтобы поговорить без помех.

– Ну, как тебе счёт? – поинтересовался Владимир Викторович.

– Не очень закономерный, – сказала Танечка, – ЦСКА глупо пропустил и глупо забил. У них лажанул вратарь, а у нас – защитник. Какие могут быть танцы перед воротами, если у тебя за спиной Криштиану Роналду стоит?

– Полностью согласен, – явно подлизывался начальник, которого никогда футбол не интересовал, – молодец, что съездила, развлеклась. Куда сейчас собираешься?

– Как – куда? На радиостанцию, разумеется!

– У тебя ещё почти три часа до эфира! Ты можешь сделать доброе дело? Сейчас на Фрунзенской, в МДМ, проходит слёт

музыкантов под лозунгом «Рок-н-ролл – против мракобесия и холуйства». Ты не заедешь к ним? Это ведь тебе по пути.

– Ветка та же самая. Но Сергей Александрович ещё утром Оксанку туда отправил! Она одна там всем надоест. Зачем ещё я?

– Она не доехала. Представляешь? Ей стало плохо. Чем-то опять траванулась. Больше пока послать туда некого. Так что, Танечка, выручай.

– Что она всё жрёт в каких-то подвалах всякую дребедень? – возмутилась Таня, – ладно, заеду, Владимир Викторович.

Пока она разговаривала, толпа перед эскалатором ещё выросла. Внизу также народу было не протолкнуться. Поезд пришлось брать штурмом, и ощущение битвы было очень реальным – ввиду того, что радиожурналистка свой красный шарф так и не сняла. Здесь уже её затолкали, заматерили со всех сторон. Доехав до Фрунзенской, она вырвалась из вагона. Платочком вытерев со лба пот, поднялась на улицу.

К её сильному удивлению, там, как и на Спортивной, шумело людское море. Но не болельщицкое. В огромной, заполонившей все тротуары и всю проезжую часть перед МДМ толпе было очень много известных лиц, а также и Танечкиных коллег, работников прессы. Вход в здание охранялся сотрудниками Росгвардии. На них были бронежилеты. Двое держали на поводках собак. Обходя толпу, Таня обнаружила, что она занимает также проулки, далеко тянется вдоль

проспекта. Кроме того, рыжей журналисткой были замечены пять-шесть лиц не просто известных, а знаменитых, принадлежавших легендам отечественного рока. Как и все остальные, эти ребята – точнее, уже деды, спокойно общались с рядом стоящими и курили. Один из них, как-то раз дававший Танечке интервью, мгновенно её узнал и сам подошёл здороваться.

– Что случилось, Андрей Вадимович? – обратилась за разъяснением к нему Танечка, – почему все стоят на улице?

– Поступил сигнал, что здание заминировано, – ответил солист легендарной группы и предложил своей собеседнице сигарету, которую та взяла, – теперь стоим, ждём, когда завершат проверку.

– А можно взять у вас интервью? Ну, совсем коротенькое?

– Бери.

Достав «Самсунг Гэлакси» и включив диктофон, Таня рассказала, что происходит около МДМ. Представив интервьюируемого, спросила:

– Скажите, Андрей Вадимович, вы на этом слёте успели выступить?

– Не успел, – сказал музыкант, – нас выгнали вскоре после того, как мы вошли в зал. Причиной была угроза теракта. Впрочем, возможно, она была не причиной, а только поводом, очень вовремя подвернувшимся. Это уж я не знаю.

– Не согласитесь ли вы сейчас донести до радиослушателей основную мысль речи, которую собирались произнести?

Ведь никто не знает, дадут ли вам возможность провести слёт.

– Пожалуй, вы правы. Я собирался сказать всем тем, у кого есть совесть и интеллект, что у нас остался только один способ борьбы с холуйством и подлостью, которые обуяли всё наше общество – безразличие. Этот способ, как и любой другой, к успеху не приведёт, но он сэкономит время и защитит лицо от помоев.

– Это цинизм, – заметила Танечка.

– Реализм, – возразил певец, – ведь в концлагере, по словам одного героя-антифашиста, имя которого я не помню, есть только одна свобода – свобода отношения к происходящему.

– Понимаю. Но если всё так ужасно, Андрей Вадимович, почему вы не иммигрируете?

– Потому, что нельзя бросать умирающего, даже если ничем не можешь ему помочь.

– А главное, уезжать от кошмара некуда, – вдруг подошёл к беседующим ещё один Танечкин знакомый, известнейший музыкальный критик Арсений Троицкий, – ведь другого глобуса у нас нет, как в том анекдоте! Мы, как обычно, в первых рядах всего самого помоешного и гнусного, но другие ряды не стоят на месте. Двадцатый век был ярким прощанием человечества с тем, что определило его отличие от всей прочей млекопитающей фауны. Это грустно, но это так.

– Большое спасибо вам, господа, – свернула беседу Танеч-

ка, не имевшая никакого желания контактировать с Троицким, – разговор у нас был печальным, но интересным.

Выключив диктофон, она сразу скинула интервью редакции и пошла к метро. Судя по всему, поиски взрывчатки затягивались. Толпа, потеряв терпение, начала уже расходиться. С воспоминаниями о матче Таня доехала до Арбатской, вышла на улицу, зашагала к радиостанции. Настроение было скверным.

Узнав, что она явилась, главный редактор вызвал её к себе и строго спросил, что её заставило оборвать интервью, в то время как собеседники были явно готовы к долгому и глубокому разговору.

– Но Алексей Алексеевич, я сочла разговор оконченным, – объяснила Таня, – эти ребята сказали мне, что есть труп, и он разлагается. Что ещё было обсуждать?

– Насколько я понял, речь шла об умирающем, – сделал взгляд ещё холоднее главный редактор, – но если даже я и неправ – труп подлежит вскрытию. А при вскрытии иногда обнаруживается, что паталогоанатом – мертвее трупа. Ты что, об этом не знала?

– Но там ещё был Шевчук, – нагло соврала провинившаяся, – и я на него нацеливалась, А он уже уходил! Я бы догнала, если бы не Троицкий со своим отличием от млекопитающей фауны и двадцатым веком! Сами всё слышали.

– Пошла вон, пока я тебя ремнём не отшлёпал, – смягчился шеф. Танечка просить себя не заставила. Вбежав в

студию, она стала готовиться к интервью – то есть пудрить нос, рассказывать шеф-редактору, звукорежиссёру и референтам, как прошёл матч, и читать вопросы, которые поступили по интернету. Ей предстояло общаться сразу с двумя приглашёнными. Ровно в семь они появились, и после выпуска новостей начался эфир.

Тане не пришлось много разговаривать, потому что между гостями – блистательным политологом Станиславом Блинковским и литератором Юрием Пухляковым, вдруг завязалась дискуссия. Спор зашёл о том, нужно ли, развешивая на ёлке игрушки, стирать с них пыль влажной тряпочкой. Станислав Блинковский мягко разубеждал Пухлякова в необходимости это делать, а тот сердился и называл оппонента фашиствующим молодчиком. Этот спор напомнил Танечке матч Реал – ЦСКА: один был хорош, другой – тошнотворен, но забивали оба. Под конец Таня вклинилась в разговор, спросив у Блинковского:

– Станислав Александрович! Вы, побывав сегодня на Фрунзенской, можете мне ответить определённо: рок-н-ролл жив?

– Татьяна Владимировна! Если бы он был жив, мы бы с вами сегодня весь день плясали, – сказал Блинковский, – а мы сидим и ломаем голову, жив ли он!

– Извините, а почему вы не спрашиваете о том, жива ли отечественная литература, живопись, музыка? – спустил пса на Таню писатель, – вас что, волнует прежде всего западная

культура, а на российскую вам начхать?

– Конечно же, нет. Просто к моему вопросу был повод – слёт мастеров рок-н-ролла, каковой слёт по некоторым причинам так и не состоялся. Вдобавок, если судить по тому, как вы, знаменитый русский писатель, себя ведёте – наша родная отечественная культура просто цветёт и пахнет!

– На вашем месте я бы не очень иронизировал, моя девочка. Если я спрошу вас о том, когда был последний слёт мастеров российской поэзии, вы мне вряд ли дадите быстрый ответ на этот вопрос. А ведь если вы не читали Бродского, но берётесь писать стихи, чем и занимаетесь иногда, насколько я знаю – смею заверить, стихи ваши будут дрянь. В моей всем известной пьесе, которая называется «Чемоданчик»...

– Так стало быть, стихи Пушкина, Лермонтова, Цветаевой – дрянь? – изловчилась Танечка всадить шпагу по рукоятку, – я уж не говорю про Роберта Бёрнса! Ведь они все, в отличие от меня, не читали Бродского... Извините, наш звукорежиссёр даёт мне сигнал о конце эфира. Спасибо вам, господа, за очень глубокий и содержательный разговор.

Пошёл блок рекламы. Разгневанный литератор стал обвинять ведущую в вероломстве, но оппонент ему возразил, что красивой женщине всё простительно. Поблагодарив ещё раз обоих, Таня пошла пить кофе с коллегами.

Те – три мальчика и три девочки, уже ждали её, чтобы угостить широко отпраздновать юбилей в ресторане «Прага».

– А не пошли бы вы в задницу? – разозлилась Таня, не в первый раз, да и не в десятый выслушав это скромное пожелание, – вы ведь знаете, что «Фольксваген» я покупала в рассрочку! И за квартиру надо платить! Вы что, совсем идиоты?

– Да мы все скинемся, – посулила Ирочка Кораблёва, – прикинь, человек пятьдесят или шестьдесят дадут по три тысячи! По-моему, это очень даже нормально.

– Аренду зала возьмёт на себя дирекция, – уверял Алёшка Соломенцев, – шеф обещал уладить этот вопрос. Сергей Александрович и Владимир Викторович сегодня сказали, что он уже, в принципе, улажен. Закатим пир на весь мир!

– Пусть лучше все эти деньги отдадут мне, я куплю два торта и пять бутылок вина, – заявила Танечка, – нечего нажираться в кризис! Рок-н-ролл мёртв.

Коллеги обиделись. Тут мобильник Танечки заиграл. Увидев, что звонит Рита, которая никогда не звонила по пустякам, без двух дней тридцатилетняя скупердяйка взяла бокал и с ним пошла к лифтам. Там приняла звонок.

– Это я, – сказала ей Рита, – ну, как тебе моё сообщение во «В контакте»?

– Ничего более увлекательного я лет двадцать пять уже не читала! Да, «Колобок» я прочла примерно в пять лет. Сочувствую вам, четырём обманутым идиоткам. Впрочем, Мару, если я правильно понимаю, он не обманывал – просто трахнул во время гонок. Но как она просекла, что он и художник

– это одно лицо?

– Я тоже сперва не могла этого понять, потом Ирка вспомнила. Ведь за час до того, как я познакомилась с этой Марой, они заехали к нам домой, чтоб Ирка переделась. Когда они подъезжали к дому, этот подлец выходил под видом Артёма. Ирка спала, а Мара его срисовать успела. Видимо, у неё зрительная память отличная.

– Да, наверное, – согласилась Таня, сделав глоток из бокала, – а изначально у него цель какая была?

– Что там у тебя за акустика? Ты на лестницу, что ли, вышла?

– Да, покурить. Чего он хотел-то, спрашиваю?

– Развлечься. Видимо, настоящая Анжелика Варум ему отказала, и он решил помочалить девку, похожую на неё. Ему нашли Ирку. Он всё о ней разузнал – в том числе и то, что есть у неё младшая сестра, и они почти что неотличимы. Вот это уж была песня – вместо одной Анжелики получить двух, молоденькую и юную! Он немедленно снял квартиру на Вешняковской, сделал из неё студию...

– А он что, реально художник? Женька ведь, по твоим словам, эскизы там видела, ещё что-то. И рисовал он её!

– Да, да, он окончил художественную школу, а потом – колледж. Но ты меня перебила... Впрочем, историю с эсэм-эсками пусть расскажет нам сама Женька, когда у неё мозги немножко на место встанут. А я зайду пока что с другого края. Когда мы с ним познакомились, он решил, что свести

с ума Риточку Дроздову ему будет гораздо легче и интереснее другим способом, нежели посылая ей эсэмэски от лица дьявола. Нужно было сыграть в красивое благородство, а затем трахнуть меня, приложив максимум стараний, что он и сделал. И я, действительно, обезумела!

– Это было очень хорошо слышно, – сказала Таня, закуривая, – я чуть не оглохла, когда стояла рядом с машиной! А с ними что сейчас? С Женькой, с Ирккой?

– Младшая пьёт, буйнит. Старшая нюхает героин. Забила и на работу, и на учёбу. Как бы её из консерватории не отчислили! Я и вообразить не могла, что она на это способна. Вчера наркологов вызвала к ним обеим.

– И что наркологи?

– Ничего. Они ведь насильно лечить не могут! А эти гадины не согласны. Орут, царапаются – не надо, мол, мы нормальные! Прикинь? Они ведь воруют у меня деньги! Кролика своего в зоомагазин сдали. Ирка попробовала продать свои драгоценности. Её кинули, и теперь – ни денег, ни цацок. Я с ними сойду с ума! Ты можешь помочь?

– А чем я могу помочь? – удивилась Таня. К ней подошли три её подруги. Они хотели с нею заговорить, но она глазами их прогнала и снова спросила:

– Чем я могу помочь? Съезжай с этой хаты! Эти две девки – конченые.

– Ты что? Они виноваты разве, что их родители умерли в один год? Ирке тогда было семнадцать, как сейчас Женьке.

И ты прикинь – она поступила в консерваторию! И сестру тянула целых семь лет. Сестра, правда, дура, но и её тоже жалко!

– Идеи есть? – перебила Таня, – ты ведь не стала бы звонить попусту.

– Да, конечно. В психиатрической клинике имени Алексеева есть один превосходный, великий врач – Марк Юрьевич Фелитович. Он проверял на вменяемость всех спортсменов, отобранных для Олимпиады в Атланте. Мне про него Наташка рассказывала. Он точно сумел бы вправить мозги этим двум уродинам. Но ведь их на приём к нему не затащишь! Да и приём, наверное, стоит дорого. Ты могла бы организовать его выезд на дом за адекватные деньги?

– Ты что, больная? – взорвалась Таня, – это тебе психиатр нужен, а им – нарколог!

– Нарколог им не поможет. Им надо вправить мозги. Этот Фелитович – не только доктор медицинских наук, светило психиатрии, но и психолог. Я точно знаю, что он сумеет вытащить их.

– Хорошо, допустим. Но каким образом я могу с ним договориться?

– Религиозным. Он, насколько я знаю, ортодоксальный еврей. Ты тоже еврейка – можно сказать, что ортодоксальная. Вы легко с ним договоритесь на этой почве. Евреи рады помочь друг другу. Кроме того, у тебя есть связи. Если руководитель радиостанции обратится к этому врачу с просьбой

приехать на дом к двум погибающим девушкам, он приедет. Пожалуйста, Танька, выручи!

– Ладно, ладно, посмотрим, – сказала Танечка, не любившая слушать долгие уговоры и раздавать обещания. Нажав сброс, она большими глотками допила кофе и погасила окурок. Пару минут постояв, направилась в кабинет главного редактора.

Глава девятая

Света позвонила в одиннадцатом часу утра, разбудив подругу. Проснулась Рита с трудом, потому что сёстры почти всю ночь над ней измывались. Сперва они часа два что-то выясняли между собой, старательно нанося друг другу удары. После того, как одни соседи им пригрозили полицией, а другие – Скорой психиатрической помощью, они вместе ворвались к Рите и попросили у неё денег. Услышав, что денег нет, старшая сестра напала на Риту и заломила ей руку, а её копия начала всё переворачивать кверху дном. Вырваться у Риты не получалось – Ирка была сильнее её гораздо. Не найдя денег, Женька взяла две пары колготок, комплект белья и быстро ушла куда-то, не заперев за собою дверь. Оставалось радоваться тому, что она по причине тупости не додумалась прихватить ещё, например, мобильник. Студентка консерватории назвала квартирантку сукой, и, хорошенько ей врезав, ушла к себе. Легла спать. Словом, голос Риты, который Света слышала в телефоне, был замогильно тоскливым.

– Да, – произнесла жертва ограбления, сев и свесив ноги с постели, – чего тебе?

– Что случилось? – спросила Света, – у тебя зуб болит, что ли?

– Да, ещё как! всю ночь ни одной минуты не давал спать.

Придётся идти к врачу.

Взяв с тумбочки сигарету и зажигалку, Рита подняла ноги, поскольку пол был холодным, села на пятки и закурила. В щель между шторами пробивалось грустное солнце, будто просясь отдохнуть часок в этой комнате, где никто от него ничего не требовал и не ждал.

– Хорошего мало, когда не спишь из-за зуба, – вздохнула Света, – но настроение не улучшу. Тут на тебя шьют дело за экстремизм. Не думаю, что посадят – по двести восемьдесят второй статье за художественное творчество никого ещё не сажали. Но могут присудить штраф, да притом большой. У тебя есть какое-нибудь имущество?

– Старый «Форд».

– Тот самый? Тьфу на него. Только удали стихи из инета. Везде-везде, со всех сайтов.

– Не удалю я стихи! И больше не суйся в эти дела! Ты сделала то, о чём я тебя просила?

– Да, я вчера полдня копала эту пургу, отложив работу! И мне за это влетело. Если ты будешь на меня тявкать, наш разговор продолжится только после того, как ты свой зуб вылечишь.

– Прости, Светка. Я неправа. Ну, что ты нашла? Есть что-нибудь любопытное, на твой взгляд?

– Если интересен мой взгляд, то только одно, – с остатком обиды заговорила работница компетентных органов, – в девяносто втором году молодая женщина и её двенадцати-

летняя дочь в Москве переехали из одной квартиры в другую. В этой квартире остался от прежних хозяев шкаф, полный книг. Однажды зимой, в двадцать один тридцать, девочка позвонила маме, которая работала допоздна, и сказала: «Мамочка, я достала из шкафа книгу, а в ней – письмо. В письме говорится, как отыскать в каком-то дремучем, хвойном лесу какое-то кладбище!» Женщина прервала разговор, сказав, что она сейчас очень занята, но скоро придёт домой – тогда, мол, поговорим. Но, придя домой, она не застала там своего ребёнка. Девочка навсегда бесследно исчезла. Никто её после этого никогда и нигде не видел.

– Вот это да! – выдохнула Рита, сбивая пепел, – и никаких следов похищения?

– Ни малейших. Дверь была заперта. Ключи девочки, её куртка и сапоги остались в квартире.

– А с бедной матерью что случилось?

– Да ничего хорошего. У неё, кроме дочки, никого не было. Она стала болеть, что неудивительно. Через пару лет умерла.

Рита погасила окурок.

– А то письмо, о котором девочка говорила? Его нашли?

– Не нашли. Ой, Ритка, прости, меня вызывают! Потом ещё созвонимся...

– Светка, стоять! Как девочку звали?

– Катя, по-моему. Да, да, Катенька... Всё, бегу, Владимир Георгиевич, бегу!

Рассеянно выслушав полтора десятка гудков, Рита поднялась, и, оглядев комнату, перевёрнутую вверх дном, отправилась умываться. Выйдя из ванной, она решила взглянуть, не пришла ли Женька. Выяснилось, что нет. Старшая сестра спала в гордом одиночестве. На ней были грязные джинсы и порванная ногтями младшей сестры рубашка. Ноги у Ирки имели вид ещё более блистательный. Можно было подумать – она три дня ходила босая по свиноферме. Реально же пианистка три дня вытворяла худшее: увидав из окна какого-нибудь знакомого, босиком выскакивала на улицу, догоняла его и клянчила деньги. Насобирав тысячи две-три, она через интернет заказывала наркотики.

– Ты бы лучше уж проституцией занялась, – сказала ей Рита на третий день. Пианистка гордо вскинула голову, за сверкав чёрными глазами, и объявила, что у неё есть самоуважение, интеллект и склонность заботиться о своём здоровье, поэтому проституткой ей не бывать.

Рита пила кофе, когда ей вдруг позвонила Танечка.

– Через полчаса мы приедем, – быстро проговорила она, – какой у вас адрес?

– С кем ты приедешь? – недоумённо спросила Рита.

– С профессором, с Марком Юрьевичем! Я жду его у подъезда. Вот он, выходит... Ты адрес скажешь мне или нет?

Рита торопливо продиктовала, не сразу вспомнив номер квартиры, так как таблички на двери не было. Мысли путались. Когда Таня ушла со связи, Рита вскочила, выронив те-

лефон, и бросилась будить Ирку. Её пришлось тормошить, трясти, щекотать и бить. Делая всё это в паническом ощущении невозможности растолкать обдолбанную кобылу за полчаса, Рита вдруг заметила, что обманутая невеста на неё смотрит, открыв один правый глаз. От взгляда этого глаза – чёрного, неподвижного, слегка скошенного к виску, стало очень жутко. Рита невольно сделала шаг назад. Открыв и второй, не менее страшный глаз, хозяйка квартиры хрипло спросила:

– Риточка! Ты не вспомнила, где у тебя лежат денежные средства?

– А ты не вспомнила, что твоей сестры до сих пор нет дома? – топнула ногой Рита, – быстро вставай! Надо что-то делать!

Ирка не встала, но делать кое-что начала. Она закатила бешеную истерику, чтобы Рита полностью осознала всю глубину и тяжесть своей вины. Ведь если бы не её преступная жадность, Женька, конечно, легла бы спать, а утром пошла бы в колледж – вместо того, чтоб лежать сейчас под ножами судмедэкспертов! Она так живо представила эти остро отточенные ножи и Женьку под ними, что у неё на глаза навернулись слёзы. Но сердце жадины оказалось не просто каменным, а гранитным. Она стояла посреди комнаты, преспокойно следя за телодвижениями убитой горем сестры малолетней мученицы. Поняв, что кусок гранита не затрепещет ни при каких обстоятельствах, Ирка глотку драть перестала и

потянулась за сигаретами, что лежали на пианино.

– Сделай мне кофе! Без кофе я не могу ничего решить.

Торопливо выполнив просьбу и пригнав Ирку на кухню, Рита ей сообщила, что к ним сейчас придёт врач, чтоб её обследовать.

– У него есть деньги? – спросила Ирка, сделав глоток, – он сможет мне одолжить три тысячи? Я верну, ведь ты меня знаешь!

– Ирка, если бы ему нужен был образец для докторской диссертации на тему немедленного и полного исчезновения мозга, он бы тебя деньгами засыпал, – сказала Рита, – но, к сожалению, он уже двадцать лет как доктор наук и профессор.

– Профессор, ты говоришь? – вздрогнула от радости ученица целой команды профессоров, один из которых катал её иногда на своём «Линкольне», – так это ведь замечательно! Ритка! Он чёрта с два отсюда уйдёт, пока десять косарей мне не перекинет!

– Ирка, что ты несёшь? Ну хоть на секунду вдумайся! Если бы доктора платили больным за свои визиты, то человечество вымерло бы за месяц! Люди просто жрали бы гвозди и запивали их ацетоном, прыгали с пятого этажа и бегали по морозу голые!

– Но ведь я ничего такого не вытворяю, – пожала плечами Ирка, – и я сюда его не звала. Уж если припрётся, то пусть с паршивой овцы будет шерсти клочок! Нет, пять косарей я из

него выну.

Телефон снова подал сигнал. Это была Таня.

– Всё отменяется, – сообщила радиожурналистка под шум мотора, – профессора срочно вызвали в клинику, и мы с ним сейчас туда едем. Марк Юрьевич очень просит тебя его извинить и быть дома завтра, в десять утра.

– Да иди ты в задницу! – взвывла Рита, – я ещё сутки не проживу! Ты можешь хотя бы одна приехать?

– Чтобы помочь тебе собрать вещи?

– Да! Больше не могу! Мне плохо, я вешаюсь!

– Хорошо, приеду часа через полтора. Но имей в виду: я очень подробно всё объяснила профессору, и Марк Юрьевич мне сказал, что их стоит выпороть. Иногда, на начальной стадии наркомании, это здорово помогает. А при подростковом алкоголизме – почти всегда. Это нужно сделать.

– Да кто их выпорет? С ними пять мужиков не справятся! Это две взбесившиеся кобылы!

– Ну, жди меня, – ответила Танечка и ушла со связи. Вытерев слёзы, повисшие на ресницах, Рита закрыла лицо руками. И тут её осенило. Да осенило так, что чуть не раздался радостный вопль. Опять взяв мобильник, она вскочила и со всех ног понеслась к балкону.

– Ритка, ты про каких кобыл говорила? – крикнула Ирка ей вслед, допивая кофе, – надеюсь, не про нас с Женькой?

– Нет, – ответила Рита уже с балкона, прежде чем закрыть дверь, – про других кобыл.

Она пожалела, что не оделась более основательно – на балконе было прохладно. Но возвращаться, чтобы опять услышать какие-нибудь вопросы или претензии, не хотелось. Присев на самый краешек кресла, Рита прижала одну голую коленку к другой и набрала номер. Глядя во двор, безлюдный и оглашаемый лишь тоскливым вороньим криком, она заметила, что берёзки и клёны стоят уже совсем голые. Грусть клещами стиснула сердце. Ужас как не хотелось прощаться с этим двором, именно сейчас почему-то тихим, что с ним нечасто бывало даже и по ночам. Как было расстаться со всеми его пьянчугами от четырнадцати и старше, буйными идиотками вроде Женьки, кошками и собаками, малышняй, воронами и деревьями? Но уж как получится.

– Здравствуйте, Мастер и Маргарита в одном лице, – сказала Наташа, стуча по улице каблучками явно уже других ботиночек, не имеющих отношения к Рите, – вы, я надеюсь, у Сатаны?

– Если бы! Ты где?

– А это смотря зачем я тебе нужна.

Рита в двух словах объяснила. Её рассказ длился минут пять. Чемпионка, слушая, постоянно куда-то шла.

– Я недалеко, – сказала она, когда Рита упомянула в конце про совет профессора, – занимательная история! Сатана оказался дервишем. Этот парень ходил по краю. А впрочем, чем рисковал? Ведь вы же его около беседки не разорвали! Так тебе нужно, чтоб я приехала?

– Да! Я очень хочу, чтобы ты приехала.

– Хорошо. Ты в Выхино? Скинь мне адрес по СМС. Минут через двадцать буду.

СМС Рита набрала в комнате, потому что зубы уже стучали. Из другой комнаты на весь дом грохотала музыка. Заглянув туда, Рита обнаружила Ирку танцующей перед зеркалом под «Роксетт». Не залюбоваться было нельзя. Но минуты шли, трэк из ноутбука звучал нон-стопом, и Ирка была, казалось, готова до бесконечности танцевать.

– Уже репетируешь, как я вижу? – спросила Рита, войдя и закрыв программу, – напрасный труд. Ведь профессор – женщина.

Ирка была раздавлена этой новостью.

– Что за бред? – взвизгнула она, упав на диван, – мне деньги нужны!

– Так она с деньгами приедет! Твоя задача – их у неё отобрать. Это для тебя труда не составит, руки выламывать ты умеешь великолепно.

Ирка немедленно успокоилась и опять стала танцевать, но уже без музыки.

Глава десятая

Наташка и Женька одновременно, хотя и с разных сторон, подошли к подъезду. Вместе вошли, вместе поднялись на этаж. У Женьки была компания – два весьма здоровенных парня. От всех троих разило спиртным. Наташка ещё на улице поняла, кто эта девчонка, действительно очень сильно похожая на одну из звёзд российской эстрады конца минувшего века. Женька, наоборот, пыталась припомнить, где она могла видеть эту блондинку лет тридцати, с зелёными пронизательными глазами. Ведь где-то видела! Но в тот раз та, кажется, была рыжей. В лифте два парня пялились на блондинку и ухмылялись. Женьку это бесило, и она хмыкала, громко топая каблучком. Ведь ей много раз приходилось слышать, что парни любят высоких девушек! Её рост и без каблучков был под метр восемьдесят, в то время как незнакомка даже на каблучках и на метр семьдесят пять не тянула. Когда она также подошла к двери её, Женькиной, квартиры, младшая копия Анжелики Варум задала вопрос:

– А ты к Ритке, что ли?

– Не только, – дала ответ незнакомка и улыбнулась, чем-то напомнив лису Алису из фильма, который Женька пересмотрела не так давно. Дверь была с трёх ночи не заперта. Вчетвером вошли. Увидев в прихожей Ирку и Риту, Женька

прямо с порога им объявила, что это её друзья, что она съезжает и что пришла забрать вещи. Рита в ответ пожала плечами, а Ирка вдруг отколола номер. Вместо того, чтоб устроить младшей сестре скандал, она подошла к блондиночке и взяла её за запястье, намереваясь ловким приёмом, против которого не могли устоять ни Женька, ни Рита, выкрутить руку. Однако, странное дело – рука каким-то непостижимым образом оказалась вывернутой у Ирки! Да и не только вывернутой, но и круто заломленной назад, за спину. Ирка, ясное дело, жалобно вскрикнула и согнулась, после чего получила очень хороший удар коленом под жопу.

Глядя на то, как сестра пропахивает пол носом вдоль всей прихожей, сбивая правым плечом столик с телефоном и табуретку, Женька испытывала весьма противоречивые ощущения. Ей, с одной стороны, было очень радостно, с другой – страшно. Где-то посередине возникло и любопытство – что, ..., творится-то? Ирка же, влетев в комнату, громко врезалась в пианино, с которого полетели ноты, и успокоилась. А загадочная блондинка, подойдя к Женьке, сказала ей:

– Сеньорита, ваш переезд отменяется. Выпровоживайте друзей и снимайте штаны. Вас велено выпороть.

– Парни, вышвырните её отсюда, – приказала Женька друзьям. Те взялись за блондинку. А той, как выяснилось, того лишь и надо было. Она вдруг стала играючи двух здоровых парней швырять – то через бедро, то с помощью их инерции нападения, то подножками, то подсечками. Оба парня

упрямо вскакивали и вновь на неё бросались, чтоб потом снова полететь на пол. Когда блондинке всё это надоело, она их так припечатала, что они уж сами встать не смогли. Под их стоны Ирка поднялась на ноги. Угрожающе поглядев на Риту, она её отстранила со своего пути и прошла на кухню. Сев там за стол, она закурила. У неё было скверное настроение. Рита сразу к ней присоединилась, перешагнув через двух бойцов.

Они оба были вскоре блондинкой подняты и усажены в комнате на диван. Женька в это время уже стояла около шкафа и выбирала самый широкий брючный ремень. Блондинка ей помогла остановить выбор на самом узком, который затем взяла и сложила вдвое.

– Дебилы, – свирепо глянула Женька на пацанов, расстёгивая штаны, – быстро отвернулись!

Но белокурая стерва дала пацанам приказ внимательно наблюдать за происходящим. И они оба в течение следующих пяти минут внимательно наблюдали за поркой Женьки. Она стояла к ним задом, демонстративно спустив джинсы и трусы до ботинок, с тем же посылом расставив длинные ноги и стиснув колени пальцами. Это всё было призвано подчеркнуть надменное безразличие и готовность урыть любого, кто станет потом трепаться о том, что видел. Да, хладнокровия Женьке было не занимать. Яркими глазами глядя вперёд, она вслух отсчитывала тугие хлопки ремня по собственным голым ягодицам. Спортсменка лупила её нещад-

но, да приговаривала:

– Вот это тебе за алкоголизм! Вот это – за воровство! Вот это – за бурную половую жизнь, вот это – за двойки! А вот ещё за прогулы тебе, за драки, за хамское поведение с квартиранткой и остальными соседями!

– Двадцать три! – восклицала Женька тоном ленивого одолжения и сарказма, хоть её попа, занятая попытками увильнуть от ремня, при каждом его шлепке по ней сильно вздрагивала, – моя половая жизнь – это моё дело! Двадцать четыре! Я никого не насилую! Двадцать пять! Мне уже семнадцать!

– Всё верно ты говоришь, – кивала Наташа, стегая справа и слева, – но некоторые твои подруги, оставшиеся без мальчиков, очень сильно огорчены твоим поведением. Я надеюсь, они узнают о том, что целая половина этой паскудной задницы была надрана за их слёзы. Они ведь точно узнают об этом, парни?

Только когда паскудная задница стала полностью красной, как два огромных сросшихся помидора, мстительница за слёзы несчастных девочек разрешила Женьке одеться. Женька неторопливо, с подчёркнутым наплевательством, натянула трусы и джинсы. Затем она повернулась. Её лицо не особенно отличалось цветом от тех частей, по которым хлопал ремень. Показав таким же красным мальчишкам длинный язык, Женька застегнула другой ремень – на штанах, и пошла на кухню. Наташка с первым ремнём последовала за

нею.

– Меня, пожалуйста, не при мальчиках, – с холодком вымолвила Ирка, поднявшись навстречу им, – я всё-таки старше их на семь лет! И не забывайте о том, что я – музыкант.

После этих слов Ирка рассмеялась не без натянутости и встала носом к стене, чтобы приготовиться к процедуре, назначенной Марком Юрьевичем. Она ещё несколько минут назад полностью признала необходимость и справедливость этого назначения. Рита, которая объяснила ей, что к чему, вновь удостоверилась, что притихшая безобразница обладает острым умом и совестливой душой. Правда, вслед за тем Ирка повела хитрую политику. Например, она как бы невзначай сообщила Рите, что завтра – целых три пары, весь день предстоит сидеть. Также намекнула с оттенком шалости, что весьма завидует Женьке, которую сейчас бьют за бурную половую жизнь – мне бы, мол, такую! И рассказала, пользуясь поводом, анекдот про скромную девушку. Недурной оказалась эта политика. Собеседница Ирки, молча сидевшая за столом, слушала её без видимой благосклонности. Но, когда подготовка к психотерапевтической процедуре была осуществлена, Рита поглядела на голый зад старшей хулиганки с досадой. Она не знала, что делать. Ведь если с Женькой было всё очевидно, то Ирку приводить в чувство таким же образом, да тем более при её знакомых парнях, очень не хотелось. Она, действительно, была взрослой девушкой и неглупой. Кроме того, бесспорно талантливой. Ну а Женька при

виде старшей сестры в покаянном виде начала ржать. Впрочем, она сразу же прекратила это занятие, ибо вспомнила, что сама минуту назад имела примерно такой же облик.

– Женька, исчезни! – рассерженно предложила Ирка, скомкав рубашку выше пупка и повернув голову с волосами, торчащими во все стороны, – я глядела, как драли жопу тебе, паскуда ты наглая?

– Не уйду, – оскорбилась Женька, – буду смотреть внимательно. Ритка, кстати! Ты вот не слышала, а она вчера про тебя мне здесь говорила всякие гадости.

– Надевайте штаны, Ирина Николаевна, – обратилась Рита к старшей из двух паскуд, младшую обидно проигнорировав, – я не вижу необходимости вас пороть. Если уж вы вспомнили про свою основную специальность – значит, ваши мозги вернулись на место.

– Я ей дала по заднице так, что не поумнеть шансов не было, – подтвердила Наташа, отдав ремень приунывшей Женьке, которая его сразу бросила на пол, – завтра мадемуазель вернётся к учёбе, а через два с половиной года получит красный диплом Московской консерватории имени Петра Ильича Чайковского. Правда, Ирочка?

Ирка полностью согласилась. Предметы её одежды, развеселившие Женьку своим отсутствием, а точнее – перемещением, были вмиг перемещены обратно. Тут же усевшись опять за стол, студентка консерватории горделиво закинула ногу на ногу. Торопясь окончательно уничтожить бедную

Женьку, она воскликнула:

– Колька, Вовка! Вы можете быть свободны! Быстренько, вон!

Оба джентльмена, само собой разумеется, очень поторопились откланяться. Дверь за ними закрыла Женька. Она хотела выйти с ними на лестничную площадку, чтобы предостеречь их насчёт излишней болтливости, но её позвали обратно. Она сейчас же вернулась и встала в гордую позу перед сестрой, Наташей и Ритой, сидевшими за столом.

– Мы поступим так, – произнесла Рита, взяв сигарету, – я буду говорить, а ты будешь подтверждать и опровергать. Либо уточнять. Поняла?

– Конечно, – сказала Женька. Рита кивнула, и, закурив, начала:

– Когда я в торговом центре после покупки зелёного пиджака примеряла платье, ты, тварь, заметила на моих трусах сбоку дырку. Так?

– Совершенно верно.

– Отлично. В машине ты, притворяясь спящей, подслушала мой разговор с подругой о казино, крышуемых трёхговым драконом, и догадалась, что это за дракон такой трёхголовый. Так?

– Так. Но я не нарочно! Наушник сполз, и я всё услышала...

– Замечательно. На литературных дебатах ты также великолепным образом уловила главную мысль разговора, кото-

рый свёлся к тому, что Цветаева обладала способностью проповедовать мёртвым, как Иисус Христос. И ты сразу вспомнила, дрянь, о том, как я сравнивала себя с Цветаевой и рассказывала тебе, что встречаюсь с мёртвыми. Так?

– Да, именно так.

– Пока я после опрокидывания стола была без сознания, ты, воспользовавшись сумятицей, позвонила своему долбаному художнику и подробнейшим образом всё ему рассказала – и о трусах, и о казино, и о разговоре в «Ватрушках». Ты обожала, гадина, всё ему обо всём подробно рассказывать. Так?

– Да, примерно так.

– Ну вот вам и первая эсэмэска от лица дьявола, – обратилась Рита к Ирке с Наташкой, – ясное дело, Серёже – он же Артём, ничего не стоило засекретить номер. И со второй эсэмэской также всё ясно. Эта овца увидела, как я делаю Ирке массаж ступней, и уже минут через пять докладывала об этом своему сраному Рафаэлю. Он, мочаливший Ирку утром и, соответственно, видевший её голые ноги, немедленно пишет мне: «На двух пальцах правой ноги у Ирочки лак немножко облез, не правда ли?»

– Замолчи, – простионала Ирка, прикладывая ладонь ко лбу, – ты ведь понимаешь, что мне противно и тягостно это слушать!

– Он таким образом попытался меня засунуть в психушку, чтобы я там раскручивала историю с казино, – продол-

жала Рита, – ещё бы! Ведь из-за этой истории его папа мог полететь с поста, как и остальной генералитет. Но когда мы с ним...

Тут Рита резким движением осадила коней, поняв, что если она продолжит мчаться дорогой хвастовства, никакой Марк Юрьевич Ирку в чувство не приведёт. Сёстры на рассказчицу поглядели недоумённо.

– Что ж ты заткнулась-то? – иронично поторопила её Наташа, – мы тебя слушаем с упоением!

– Я забыла упомянуть об одной детали. Знаете, когда у меня возникло первое подозрение? Когда Женька сказала мне, что её художнику очки были бы к лицу. У меня была такая же мысль, когда я смотрела в глаза Серёжи. Глаза у него – пустые, невыразительные, бесцветные. Правда, Ирка?

– Нет, это ложь, – чуть слышно ответила пианистка, – наглая, злая ложь!

– Нашла кого спрашивать, – усмехнулась Женька, – дура она! А знаешь, почему я не хотела дарить ему твой пиджак? Мне было неловко. Ведь ты для него купила такой дорогой подарок, а он тебя вроде как разыгрывал как-то очень жестоко! Мне сильно это не нравилось. Ты мне веришь?

– Верю, Женечка, верю. В одном романе Дюма – не помню, в каком, есть реплика: «Таким тоном не врут!» Её можно перефразировать следующим образом: «С такой жопой не врут!»

Всем стало смешно. У Риты лицо опять сделалось серьёз-

ным раньше, чем у других. Она выжидательно поглядела в глаза Натальи Лиховской. Но та, поймав её взгляд, решительно поднялась.

– Вы знаете, мне пора. С вами было классно, девчонки, но я в гостях, как правило, не засиживаюсь. До встречи!

Рита сопровождала её в прихожую. Табуретка, столик и телефон всё ещё валялись. Кроме того, на полу виднелось широкое пятно крови. Кто-то из пацанов приложился носом.

– Ты не сдержала слово, – сказала Рита, следя за тем, как Наташка затягивает шнурок на правом ботинке, – ведь ты мне пообещала всё рассказать! Это просто свинство.

– Не спорю, – весело согласилась зеленоглазая чемпионка, – но с тобой, Риточка, поросёнком быть хорошо. Пока, моя дорогая!

Ласково щёлкнув Риту по тонкому, с чуть заметной горбинкой носу, спортсменка открыла дверь и ушла. Рита побежала к окну на кухне, чтоб ещё раз увидеть её. Выйдя из подъезда, Наташка быстро направилась к Вешняковской. Прежде чем свернуть за угол, она вдруг повернулась и помахала рукой. А потом исчезла. Видимо, навсегда.

– Кто она такая? – спросила Ирка, пристально глядя на побледневшее, изменившееся лицо своей квартирантки.

– Смерть, – ответила Рита и побежала к себе, чтоб собирать вещи. Её душили рыдания. Две сестры, поняв, что она затеяла, также начали плакать и умолять её не бросать их, противных дур. Она истерично крыла их матом и соби-

ралась. Они активно мешались. Вещи вываливались из рук, омоченные слезами.

Дверь не была заперта. Внезапное появление Тани – такой же зеленоглазой, как белокурая инквизиторша, положило конец сопливым переживаниям двух сестёр. Они поспешили спрятаться в своей комнате.

– Не пори горячку, – сказала Таня, выслушав торопливый рассказ о том, что произошло, – комната отличная. И девочки, кажется, ничего. Поехали, покатаемся!

– А куда? – вытирая слёзы, спросила Рита.

– Куда-нибудь. Морду проститутскую нарисуй.

Рита хорошенько умылась, потом оделась. Пока она, сев с грудой косметики перед зеркалом, выполняла поставленную задачу, Танечка пообщалась с двумя хозяйками. Разговор за стеной проходил вполголоса, но до Риты время от времени доносился смех – то Иркин, то Женькин.

– Погром они уберут, – сообщила Таня, вернувшись, – с ними реально всё хорошо. Кто бы мог подумать! Марк Юрьевич оказался прав – ум надо вколачивать через задницу. Ты готова?

– К вколачиванию ума?

– Нет, к прочим радостям жизни. Она ведь вся состоит из радостей! Ты согласна?

– Да, – согласилась Рита и, отложив губную помаду, встала, очень красивая. Они вышли.

Двор был опять наполнен его обычными обитателями –

большими и маленькими, двуногими и четвероногими, у которых нашлось на улице много дел. Более других этими делами загружен был самый маленький – месячный щенок мопса, впервые выведенный на улицу. Два десятка детей прямо не давали ему покоя, а он считал своим долгом всё изучить, обнюхать, обляять. Особенно возмущал его яркий розовый круг на небе, который грел и слепил глаза. «Фольксваген» стоял неблизко к подъезду. Рита открыла было красивый рот, чтобы предложить поехать на «Форде», однако вовремя вспомнила, что тот может не завестись. Пришлось примириться с ролью глубокомысленной пассажирки. Впрочем, «Фольксваген» и его рыжая шоферюга, мастерски управлявшая им, доставили удовольствие.

– Тот малюсенький дервиш, который себя выдавал за дьявола, уличён, – произнесла Рита, когда уже подъезжали к центру, – займёмся теперь настоящим дьяволом. Если я расшифрую надпись, у него тоже жопа зачесется!

Глава одиннадцатая

Когда Рита узнала, куда приехали, её пришлось выволакивать из машины силой.

– Я сто миллиардов раз тебе говорила, что ненавижу всю эту эзотерическую восточную херотень! – вопила она, цепляясь за спинку кресла, – как же я сразу не догадалась, что тебе здесь понадобилось! Ведь я почти целый год жила на Таганке!

– Здесь вкусно кормят, – увещевала Танечка, – такой веганской вкуснотищи я за границей нигде не ела!

– Да подавись ты своими вялеными червями! Я ради них не нырну в колодец невежества и безумия!

Но пришлось нырнуть, потому что Танечка начала уже обижаться, и не хватало только одного слова, чтобы она обиделась окончательно. А столкнуться лоб в лоб с обиженной Танечкой Рита не порекомендовала бы самосвалу.

Клуб занимал пару этажей. На нижнем располагались кафе, торговый отдел и маленький зал для занятий йогой, а на втором – зал побольше, где проходили чайные церемонии и концерты восточной музыки. В холле Риту и Таню встретили две монголоидные девицы без обуви. Очень вежливо поздоровавшись с Ритой и по-приятельски – с Таней, они сказали ей, что Анвар Рахимович будет только минут через двадцать

пять.

– Очень хорошо, – ответила Таня, снимая обувь, что пришлось сделать и Рите, – мы тут найдём, чем заняться.

И потащила она подругу глядеть на ароматические курительницы, благовония, амулеты, бубны, кальяны, книги – бесспорно, столь же глубокие, сколь и толстые. Всё это, как ни странно, притягивало к себе, поскольку было овеяно сильной магией, как старинное кладбище или свалка. И всё это можно было приобрести.

– А кто он, этот Анвар Рахимович? – поинтересовалась Рита, приглядываясь к глазам других посетителей, чтоб понять, насколько глубок колодец, в котором она барахталась, – шаман? Маг? Гуру? Сенсей? Или заклинатель червей?

– Нет, он мастер йоги, – сказала Таня, прервав беседу с девушкой-консультантом – также разутой и монголоидной, о каком-то засушенном пауке, которого та пыталась продать за семьсот рублей, – и великолепный целитель. Правда, Оксана?

– Он сверхъестественный диагност, – уточнила девушка, – как-то раз у меня болела спина, и Анвар Рахимович это понял, когда мы с ним общались по телефону. Вы представляете? Он ведь даже меня не видел, и говорили мы о другом, но он вдруг сказал: «Приезжай, я вправлю тебе второй позвонок!»

– Неужели вправил? – спросила Рита.

– Конечно! За две секунды! Анвар Рахимович на каком-то невероятном уровне чувствует биополе. Ему достаточно будет просто на вас взглянуть, чтоб сказать вам всё о ваших болезнях!

К беседе вдруг подключились две покупательницы весьма молодого возраста. Они с привизгом понесли такое, что даже Тане стало нерадостно. Догнав Риту, взявшую на прицел кафе, она ей сказала:

– Тебе сейчас пока есть ничего нельзя! Для точности постановки диагноза твой желудок должен быть пуст.

– Никто, твою мать, никакие долбанные диагнозы мне здесь ставить не будет, ясно?

– Но ведь мне будут ставить диагноз! Поголодай со мной за компанию!

– Хорошо, – согласилась Рита, и две подруги отправились на второй этаж, чтоб послушать музыку, доносившуюся оттуда. Рита в колготках чувствовала себя менее уютно, нежели Танечка, хотя та вообще была босиком. Голые ступни очень гармонировали с дырявыми на коленках джинсами и хип-хоповской кофточкой с капюшоном. Шпана шпаной поднималась с Ритой по лестнице, а не знаменитая журналистка!

Зал был окутан зыбкой, мистической полутьмой. Две очень красивые кларнетистки и гитарист играли на сцене медленную этническую мелодию. Две другие красавицы подносили слушателям напитки различной степени крепости,

главным образом – чай. Большую часть публики составляли совсем ещё молодые парни и девушки. Они парами-тройками восседали и возлежали на небольших кожаных диванчиках, хаотично расставленных. Рита, впрочем, немедленно заподозрила, что хаотичность эта обманчива, без духовного смысла не обошлось. Она поделилась этой идеей с Танечкой. Та ответила:

– Да, конечно. Ты очень сообразительная. Всё схватываешь мгновенно и на лету.

– Я, видишь ли, приловчилась схватывать на лету любое дерьмо, которым в меня бросаются высокодуховные люди, и возвращать его с большей меткостью.

– Всё ты врёшь, – заявила Таня, – у тебя руки пахнут ватрушками.

Выбрав самый дальний от музыкантов диванчик, расположились. Таня легла, разметав по чёрной подушке рыжие волосы, и, беря пример с большинства присутствующих, слилась с интернетом. Рита уселась и начала щекотать ей пятки. Реакции не последовало, поскольку радиожурналистка вынула из кармана мобильник вовсе не для того, чтобы убить время, а для серьёзной и напряжённой работы. Она готовилась к интервью с известным политиком. От напитков и сладостей две подруги, сглотив слюну, отказались. Тем временем, кларнетисток сменил на сцене флейтист. Он начал тянуть под аккомпанемент гитары такую же канитель.

– Всё, хватит дурачиться! – неожиданно разозлилась Та-

ня, дёрнув ногами, – не видишь, я занята серьёзной работой! Уж лучше сделай мне массаж ног, как Ирке.

– Этого ты от меня не жди, – заявила Рита. Таня подняла бровь.

– Ого! Почему?

– Потому, что я перестала быть извращенкой даже отчасти.

– Вот это да! – воскликнула Таня, убрав мобильник, – а что тебя изменило? Впрочем, я поняла. Сочувствую! Неужели до позапрошлой недели тебе совсем не везло с нормальными мужиками?

– «Ибо раз голос тебе, поэт, дан, остальное – взято!» – дали ответ и Рита, и та, которая даже лучше неё умела встречаться с мёртвыми. Танечка цокнула языком и дёрнулась было вытащить из кармана брюк сигареты, однако вспомнила, что нельзя. Гитарист с флейтистом её немислимо раздражали.

– Но для тебя я сделаю исключение, – продолжала Рита. Вымазав палец помадой со своих губ, она что-то начертила на голых подошвах Танечки, выше пяток. Подняв затем её ноги, она внимательно осмотрела оба своих рисунка, кивнула – дескать, ништяк, и полюбопытствовала, довольна ли журналистка. Та неожиданно разозлилась ещё сильнее.

– Нет! Иди в задницу! Я нормальная! Я не Светка! Мне надоело здесь! Пошли вниз!

Рита удивилась. Но предложение ей понравилось, потому

что она была голодна.

На первом этаже выяснилось, что Анвар Рахимович уже прибыл, и даже больше того – проводит занятие. Танечка пожелала принять участие. Мельком оглядев зал, в который она вбежала, Рита увидела десятка два худых баб. Сидя в позе лотоса на циновке, они внимали бритоголовому мужику, который негромко что-то им объяснял, и слегка покачивались. Смотреть на всё это было мучительно. Закрыв дверь, Рита устремилась в кафе.

Оно оказалось веганским. Несмотря на это, а также на тошнотворность музыки и соседей по столикам, обсуждавших вздор, Рита умудрилась наесться досыта. Пирог, салаты, роллы, грибы влетали в неё, как в мусоропровод. Когда она пила кофе, официантка ей предложила кальян. Рита поглядела с недоумением.

– У вас разве можно курить?

– А у нас кальяны безникотиновые, – сказала официантка, и, оглядевшись по сторонам, наклонилась к самому уху Риты, – но за пятьсот рублей табачок заправим.

– Давайте!

Кальянщик принёс кальян через две минуты. Пока он его раскуривал, Рита думала, что, наверное, лучше было бы всё же выйти на улицу покурить – погода была отличная. Но кальян пришёлся ей по душе. Она уже докурила, когда кафе наполнилось женщинами, сидевшими на циновке. Они вели себя очень тихо и заказали один лишь чай. Танечка вошла с

лысым мужиком. Он был некрасив. Она подвела его прямо к Рите.

– Пожалуйста, протяните руки ногтями вверх, – властно сказал он, ощупав последнюю взглядом узеньких, серых глаз. Кроя про себя журналистку матом, Рита исполнила эту просьбу. Если бы не «пожалуйста», мат бы точно прозвучал вслух, притом в адрес мужика.

– Давно у вас одна почка? – осведомился Анвар Рахимович, поглядев на ноги.

– Пять лет, – ответила Рита, до крайности изумлённая. Уж кому-кому, а Тане она ни разу не говорила про удаление почки, которая перестала функционировать ввиду травмы. Из всех подруг одна только Света знала об этом. Рыжая журналистка, стоявшая рядом с лысым целителем, округлила глаза.

– Значит, у тебя, Марго, одна почка? С ума сойти! Как же так?

– Милая моя, вы позволите прикоснуться к вашим вискам? – опять обратился к Рите Анвар Рахимович, – я хочу прочувствовать биополе.

– Да, разумеется. Прикоснитесь.

Несколько учениц Анвара Рахимовича, услышав про одну почку, встали из-за столов и подошли ближе. Пальцы мастера йоги были холодными, как у трупа. Но почему-то у Риты возникло вдруг ощущение, что её взял в лапы не труп, а невероятный паук. Ей до смерти захотелось отчаянно за-

мотать головой, вскочить и послать всех к чёрту. Анвар Рахимович, вероятно, тоже что-то почувствовал сродни этому, потому что вдруг побелел и грохнулся навзничь.

Глава двенадцатая

Рита решила выйти на свежий воздух, ибо дурдом для буйнопомешанных, да ещё и припадочных, из неё самой почти сделал дуру. Но радиожурналистка, покинув клуб через полчаса, когда уехала Скорая, не застала свою подругу на улице. Она с ней связалась по телефону.

– Ритка, ты где?

– Я в баре, – важно сказала Рита сквозь звуки блюза и вполне трезвые голоса.

– Твою мать! В каком?

– Который напротив твоего клуба! Здесь охренительно! Здесь бильярд!

Таня это знала. Бар «Синяя борода» входил в сотню её любимейших мест в Москве, поскольку там можно было не только отлично выпить и пообщаться, но и повисить уровень бильярдного мастерства, недорого взяв занятие у инструктора. Этих самых инструкторов было трое. Один из них – пожилой грузин Мишико, дышал к Танечке неровно. Она однажды даже с ним целовалась, сильно напившись на Дне рождения Ирочки Кораблёвой, который праздновали два года назад в том баре. Ей до сих пор об этом напоминали, когда хотели взбесить.

В компании этого Мишико и застала Таня подругу, ко-

гда пришла за ней в бар. Хитроумный горец помогал Рите обыграть даму с белыми волосами, которая уступала ей возрастом, но не игровым мастерством. Кроме того, позы юной блондинки над бильярдным столом были поэффектнее. Это Риту смущало больше, чем отставание по очкам, так как за игрой внимательно наблюдали очень солидные господа, сидевшие перед барной стойкой. Барменша наливала им из тысячедолларовой бутылки. За остальными столами мерились мастерством профессионалы. Старый грузин подбадривал Риту, то поднося ей рюмочку коньяку, то нежно поглаживая по попе, когда она старательно задирала её, чтоб наставить кий для удара. Заметив Танечку, Мишико оторвался от попы Риты. Приблизившись к журналистке, чмокнул ей руку.

– Здравствуйте, Танечка! Рад вас видеть. Будем играть?

– Нет, будем ругаться, – тихо сказала Танечка, наблюдая за белокурой девушкой, принявшей великолепную позу с кием после очередной неудачи Риты, – эта брюнетка – моя подруга! Понял, ты, сводник? Думаешь, если она проиграет все свои деньги, то сразу даст одному из этих козлов? Нет, она их всех сразу обворует! Прошу тебя – сделай так, чтобы она поскорее выиграла у этой минетчицы и немедленно шла ко мне! Я в машине жду.

– Сделаем, дорогая, – пообещал Мишико, приняв важный вид. Танечка ушла, так и не замеченная подругой. Через пятнадцать минут та с очень довольным видом села в машину.

– Танька, я выиграла!

– Отлично, – сказала Танечка, запуская двигатель, – много?

– Два косаря! Могла бы и больше, но стало жалко девчонку, мою противницу. Там такой отличный грузин работает! Он давал мне советы. И коньяком поил.

– Замечательно.

Вырулив на Таганскую улицу, по которой машины еле ползли, Танечка включила лёгкую музыку. Закурила.

– Надеюсь, с твоим шаманом всё хорошо? – поинтересовалась Рита, считая мелкие деньги. Её попутчица, вероятно, ждала вопроса этого с нетерпением, потому что быстро заговорила:

– Да, безусловно. К нему вернулось сознание сразу после того, как ты вышла. Его легко удивить, но не раздавить. Он – великий гуру! Ты знаешь, что он сказал нам, когда уехала Скорая?

– Танечка, дорогая! – взмолилась Рита, – скажи, что ты надо мной стебёшься! Если не скажешь – клянусь, я выпрыгну и башку себе разобью! Ведь ты же здоровая, ты же умная! Очень умная!

– А, поверила? – рассмеялась Танечка, – испугалась? Да, я люблю эзотерику, но к Анвару Рахимовичу хожу только потому, что мне нужен материал для большой программы о шарлатанах. И вот сегодня ты мне подкидываешь сюрприз! Как быть с одной почкой? Ты можешь мне это объяснить?

– Конечно, могу. Светка растрепала тебе, ты – ему. Устраивает тебя такой вариант?

– Совсем не устраивает. Со Светой я без тебя ни разу не разговаривала. Какие у меня с ней могут быть дела?

Рита закурила. За Абельмановкой пробка более-менее рассосалась. Включив четвёртую передачу, Таня спросила:

– Ну так тебе интересно, что он сказал?

– Действительно, ну какие же у тебя могут быть дела с мешком информации из Тверского суда и из Генеральной прокуратуры, мать твою драть! – ответила Рита на предыдущий вопрос, – очень легко верится, что вы с ней не чешете языками – я уж не буду говорить, что! Ой, ой, не ори! Это была шутка. Что он сказал?

– Я не собиралась орать, – возразила Танечка, – бред оставлю без комментариев. Он сказал: «Только одна личность в истории обладала подобной силой!»

Рите стало смешно.

– Не одна, а две, – вскрикнула она, погасив окурок, – и объясни мне, пожалуйста – почему это мастер йоги вдруг признаёт божественную природу Христа?

– Да не признаёт он её! Он ведь не назвал тебя Богом. Он не согласен ни с Христианами, для которых Иисус – Бог, от начала сущий, ни с мусульманами, для которых Иса – всего лишь пророк, да притом не главный. Анвар Рахимович полагает, что Иисус, не будучи Богом, всё-таки был наделён миссией спасения. И успешно осуществил её. Понимаешь?

– Короче, каша в башке, – поморщилась Рита, – а вывод?

– Вывод предельно прост: ты также наделена миссией спасения.

– И кого я должна спасти?

– Весь род человеческий. Либо что-то сопоставимое с ним.

Давая этот ответ, Танечка сворачивала на Третье транспортное кольцо.

– А куда мы едем? – спросила Рита, когда «Фольксваген» уже всю разогнался.

– На Полежаевскую, в медцентр. Анвар Рахимович, не догадываясь о том, что я диктофон включила, диагностировал у меня проблему с прямой кишкой. Когда он был без сознания, я через интернет записалась к пяти часам на приём к проктологу, кандидату наук. Сейчас – половина пятого. Успеем.

– Танька, зачем тебе это надо?

– Для передачи! Я смогу предъявить диагноз мастера йоги и заключение от врача, доказывающее, что диагноз – чушь. У меня ведь нет проблем с задницей!

– Ты уверена?

– Да, конечно! Что я была бы за журналистка, если бы у моей собственной задницы от меня имелись секреты?

До Полежаевской долетели минут за двадцать. Припарковав машину около клиники, Танечка торопливо подкрасилась и сказала Рите, что та должна идти с ней.

– Зачем? – испугалась Рита, – я ненавижу больницы!

– Думаешь, я их очень люблю? Мы не развлекаться туда идём, а вести борьбу с сектантством и шарлатанством! Твоя задача – делать видеозапись осмотра, да притом так, чтобы моя голая попа в кадр не попала, но достоверность была полнейшая, стопроцентная, потому что монтаж её обнулит. Твоя операторская работа будет размещена на сайте радиостанции, так что сделай всё хорошо. Задача ясна?

– Танька, ты больная? Я не пойду!

Но пришлось пойти, потому что Танечка начала опять обижаться и даже стиснула кулаки, чтоб дать Рите по лбу. Девушка на ресепшне попросила минуты три подождать – проктолог, мол, позовёт. Две подруги стали бродить по холлу и задавать глупые вопросы охранникам, так как все диваны и кресла перед огромным плазменным телевизором были заняты ожидающими. Бродить уже надоело, когда к ресепшену вышел из коридора врач – молодой, смазливый и белобрысый. Блестя очками, он в стиле конференса провозгласил:

– Татьяна Владимировна!

– Я здесь, – отозвалась Танечка и приблизилась вместе с Ритой. Конференсье мгновенно исчез, да и доктор тоже. Остался только растерянный молодой человек, который спросил, с видимым трудом цепляясь за мысли:

– А ваша спутница... Она нам составит компанию?

– Совершенно верно, – ответила журналистка, – мне с ней спокойнее.

– Ну, как знаете.

Доктор ростом был вровень с Танечкой, соответственно – ниже Риты. Он их повёл по длинному коридору, мимо бесчисленных кабинетов. Когда приблизились к нужному, дверь открылась навстречу. Выскочила красивая медсестра.

– Вадим Николаевич! – завизжала она не очень красивым голосом, – вы меня не отпустите на пятнадцать минут? Там мою машину эвакуируют!

– Беги быстро! – снова разволновался врач и даже легонечко подтолкнул свою незадачливую помощницу, – если вдруг уже погрузили – прыгай за руль и не вылезай, покуда не снимут! Совсем уже охамели, сволочи!

Кабинет был выложен кафелем, будто ванная. Дальнюю его часть отделяла ширма. Вне этого пространства располагались стол, два стеклянных шкафа, кушетка. На ней, стоявшей около раковины, лежала большая клизма со шлангом. Очень большая. Танечка на неё взглянула с такой же большой тревогой.

Предложив девушкам сесть за стол, Вадим Николаевич сел напротив, к компьютеру. Чрезвычайно быстро молотя пальцами по клавиатуре, стал задавать Танечке вопросы – имя, фамилия, год рождения, адрес, место работы. Когда прозвучал ответ на его последний вопрос, он приподнял брови.

– Вы журналистка?

– Да, – подтвердила Танечка, – и отличная. Про меня го-

ворят, что я за одну минуту без мыла в любую задницу влезу. Так что мы с вами, можно сказать, коллеги. Вы не находите?

Доктор полностью согласился. Ещё некоторое время молча понажимав на клавиши, он достал из стола резиновые перчатки и предложил пациентке перейти к сути.

– А вы не будете против, если моя подруга снимет на камеру нашу с вами беседу? – спросила Танечка, – я боюсь позабыть какую-нибудь вашу рекомендацию.

– Я подробно всё напишу, – возразил Вадим Николаевич, – но у вас есть полное право вести во время приёма видеосъёмку, и вы, бесспорно, можете им воспользоваться, уж если вам так угодно.

Рита, чувствуя себя полной дурой, вынула телефон и включила камеру. Танечка, вовсе дурой себя не чувствуя, сообщила, что гинеколог ей порекомендовал нанести визит проктологу с большим опытом.

– Вы, надеюсь, являетесь таковым? – спросила она, – мне кажется, вам ещё не перевалило за тридцать!

– Перевалило, и ещё как, Татьяна Владимировна, – опять засмушался доктор, – мне уже тридцать пять.

– Тридцать пять? – стала подтверждать свой проктологический талант Таня, – я в шоке! Видимо, вы не курите и не пьёте. Впрочем, моя подруга – вот эта самая, Ритка, курит и пьёт, но выглядит всё равно на двадцать пять лет, тридцать из которых прошли на полях сражений с врачами и санитарями. А вот я почему-то выгляжу на свой возраст. Чем это

объяснить?

Рита продолжала снимать.

– Так вам – восемнадцать? – пошутил врач, натягивая перчатки. Танечка встала, расстёгивая ремень.

– Доктор, вы уже обманываете меня, – с грустью закатила она глаза, – что будет потом? Мне страшно представить! Скажите, вы – врач высшей категории?

– Да, конечно. И кандидат наук. Для вас этого достаточно?

– Даже более чем! Ведь ваша помощница убежала, и вам придётся заняться её работой. Если бы мне ставил клизму не кандидат, а доктор наук, я бы возомнила себя фигурой, равной Наполеону. А два совершенно трезвых Наполеона – это слегка уже перебор для обычной клиники!

Рите этот разговор надоел. И голые жопы тоже осточертели с утра. Убрав телефон, она поднялась и вышла – не только из кабинета, но и из клиники. Солнце скрылось за большим облаком, но дождя не предвиделось. Рита медленно прогулялась к метро в надежде на то, что там сохранился киоск с мороженым. Оказалось, что его стёрли с лица земли, как и почти все другие киоски. Возле «М-Видео» на другой стороне шоссе стояло штук пять реанимобилей. Море людей, готовых порвать друг друга на части, ломилось в здание. Поинтересовавшись у полицейских, что происходит, Рита узнала, что магазин снизил цены на ноутбуки. Вернувшись к клинике, она села на ещё тёплый капот «Фольксвагена» и досадливо предалась табакокурению. На второй сигарете из клини-

ки вышла Танечка. У неё в руке было заключение. Сойдя с лестницы, журналистка его досадливо порвала. Клочки развеяла по ветру. Достав пульт, открыла машину.

– Он у тебя нашёл геморрой? – догадалась Рита, спрыгнув с капота.

– Типа того, – процедила Танечка. Она явно не была склонна распространяться на эту тему. Когда уселись в машину, Рита спросила, какой ещё сумасшедший дом будет достоин чести их посещения.

– Клуб, – ответила журналистка, запустив двигатель.

– Тот же самый?

– Нет.

– А где он находится?

– Рядом с Театром российской Армии.

– Ну а если я откажусь туда с тобой ехать?

– Послушай, Риточка, – обратила Таня к подруге злое лицо, – как только ты вышла, вернулась глупая медсестра. Она поинтересовалась, правда ли я – та самая Танечка Шельгенгауэр. А когда я легла на клизменную кушетку, эта овца сообщила мне, что на моих пятках выведены помадой красные треугольнички. И спросила, какого хрена не розовые! В ближайшие два часа, судя по всему, с этим же вопросом ко мне обратятся несколько сотен тысяч людей в соцсетях. Тебе сейчас очень надо меня бесить?

Рита промолчала. Вновь обратив к ней профиль, Танечка закурила. Потом дала резкий старт.

Глава тринадцатая

В тот вечер рокерский клуб «План Б» был внутри увешан портретами Танечки Шельгенгауэр и огромными поздравительными плакатами. Рыжая журналистка – большая фанатка рока и всякой-разной альтернативщины, попросила своих друзей-музыкантов поздравить её заранее, накануне официального юбилея. Это событие собрало в «Плане Б» полтора десятка подвальных групп и примерно столько же сольных альтернативщиков, рокеров и блюзменов. Почтила своим присутствием клуб и самая близкая Танечкина подруга – скрипачка Вера Салей, умевшая покорить любую аудиторию. Но она заявила, что будет играть в конце, чтобы все ужравшиеся вскочили и разбежались. Сама она пила только кофе, так как была, по её словам, за рулём.

Танечка и Рита прибыли в десять сорок, когда на сцене уже выступала первая группа, которая называлась «Трипперный пчеловод». У её солистки был голос невыносимой, режущей высоты. Когда она, наконец, заткнулась, все, уже вырывавшие друг у друга Танечку для объятий, стали её хором поздравлять и дарить подарки.

– Что вы так поздно припёрлись-то? – возмутилась Верка Салей, всучив ей какого-то медвежонка, – ведь договаривались на десять! Ритка, привет.

– Да мы на радиостанцию заезжали, – сказала Танечка, бросив зверя на столик, – там меня уломали всё-таки погулять завтра в «Праге». Пришлось разные организационные вопросы решать, хотя зал, оказывается, был арендован ещё неделю назад.

– О, в «Праге»! – с восторгом взвизгнула Верка издали, отеснённая «муравьями». Так называли ребят из группы «Муравьиный геноцид». Они подарили охапку роз. Вообще, цветами Танечку завалили. Также дарили духи, конфеты, напитки. Бас-гитарист и ударник группы «Дохлая королева» всё это относили в «Фольксваген». Когда багажник заполнился, они стали класть подарки в салон. Самый нереальный подарок Танечке преподнёс виртуозный блюзовый гитарист-самоучка, Рома Чигринов. Он подарил ей не что иное, как самогонный аппарат своего умершего от цирроза печени деда, заверив, что аппарат – отличный, так как и у него, у Ромы, печень загублена.

– Зашибись! – подпрыгнула от восторга Танечка, передав губителя печени королевичам, – наконец-то на Верку нашлась управа!

– При чём здесь я? – удивилась Верка.

– При том, что ты у меня в печёнках сидишь, моя ненаглядная!

Когда отдарились все, на сцену вошла со своим оборудованием панк-группа «Беглые каторжники». Установив звук, три парня и девушка так запели и заиграли, что осталь-

ным осталось только бухать, столпившись во втором зале, где были кожаные диваны, столы и барная стойка с блондинкой-барменшей. Налегли на пиво. Рыжая шевелюра Тани мелькала по всем углам. Бегая по залу с кружкой и с Веркой, весёлая именинница спрашивала у всех, кто ей подарил эту обезьяну со скрипкой. Никто признаться не захотел, но все утверждали, что это подарок даже поинтереснее самогонного аппарата. И, разумеется, поздравляли, поздравляли и поздравляли.

Рита сидела за столом с Ромой Чигриновым и с тремя какими-то панками. Рома нравился ей – высокий, длинноволосый, с правильными чертами лица, серьгой в одном ухе и хриплым голосом. Он, как выяснилось, играл в хард-рокерской группе, также сотрудничал с рок-н-рольной, но в «Плани Б» выступал всегда только сольно. Панки тут же заметили, что понятное дело – такие группы даже из «Плана Б» спровадили бы пинками!

– Ты рок-н-рольщик? – спросила Рита, опорожнив одну кружку и заказав вторую.

– Скорее, да, – ответил Чигринов, – ведь рок-н-ролл и блюз – примерно одно и то же.

– Ну, и мудака!

– Это почему? – удивился Рома под хохот панков, очень согласных с Ритой.

– Да потому! Однажды я ехала в трамвае. Там были два пацана с такими же длинными волосами, только ещё в коль-

чугах и при мечах. Они возвращались с какого-то там турнира любителей средневекового боя. Но эти два дурака ехали в трамвае, не на конях. Ещё бы, в трамвае-то – и быстрее, и комфортабельнее!

– И что? – поторопил Рома, так как его собеседница прервалась, чтоб отхлебнуть пива из принесённой барменшей кружки.

– Да ничего! Играть рок-н-ролл, а потом сидеть в соцсетях – это тоже самое, что сражаться копьями и мечами, а потом ехать домой в троллейбусе!

– Ты в трамвае ехала, если не ошибаюсь.

– Не придирайся! Рок-н-ролл сделал ещё более прекрасным двадцатый век с его нереальной жадой освобождения, но поганый нынешний век с его жадой рабства он не зажжёт! Какой рок-н-ролл? Все – давно покойники, но всемлень об этом задуматься! Общество потребления – это мёртвое общество, и могила для него вырыта. Ночь пройдёт, и на утро – похороны! Привет! Какой рок-н-ролл?

– Ну, это ты Троицкого наслушалась, – понимающе усмехнулся Рома, – я с ним, кстати, знаком. Но ни он, ни ты себя мертвецами, кажется, не считаете! Вот и слушайте рок-н-ролл, а также панкуху. Правильно, пацаны?

Панки одобрительно закивали, очень довольные. После «Беглых каторжников», которые надрывались на сцене час, никто выступать уж не захотел, потому что делать это без публики было глупо, а публика нажиралась. Фоном включи-

ли Элвиса Пресли. Рита пила уже третью кружку баварского, когда рядом вдруг оказалась с целой толпой молодёжи Танечка. Её ноги подкашивались.

– Чигринов! – выкрикнула она, хреново ворочая языком, – не обижай Ритку! Она хорошая, хоть и сука!

– Хороших сук не бывает, – возразил Рома, который умел заставить любое женское сердце биться быстрее, – суки бывают сносными, отвратительными и рыжими!

– Где гитара этого дурака? – поинтересовалась Танечка, оглядевшись по сторонам, – дайте её мне, я его немедленно трахну этой гитарой!

Гитару Танечке дали – правда, не Ромкину, а другую, вкопец убитую. Именинница начала сгрызать с неё погнутые колки, давая этим понять, что она относится к оскорбителю далеко не так плохо, как стоило бы к нему относиться. Трое парней и Верка её схватили.

– Зубы сломаешь, овца дебильная! – заорала скрипачка, отняв гитару, – трахни его чем-нибудь другим!

– Несносная обезьяна! – взревела Танечка, – ты меня предала! Я пошла топиться!

И побежала она блевать, действительно утопая в своих слезах, так как, кроме пива, жахнула ещё сто грамм коньяку, бутылку шампанского и пивную кружку ликёра. Когда она приползла назад, уже зеленея не только своими сказочными глазами, но и лицом, Чигринов играл «Кометы», подключив к комбику электрогитару «Джексон». Девочки тан-

цевали, и Верка – лучше других, поскольку была полностью трезва. Рита же примкнула к парням. Они улюлюкали и свистели. Сидя у одного из них на плечах, она занималась тем же, а когда Рома закладывал совершенно невероятные рифы – дико визжала, стуча по бедному парню пятками.

После адского рок-н-ролла Риту ссадили, а Танечку усадили – но не на парня, а на диван, и дали ей соку. Она маленько опомнилась. Можно даже сказать, чуть-чуть.

– Зачем ты так нажралась? – ругались три Верки, иногда, впрочем, сливавшиеся то в две, то в одну, – совсем, что ли, дура? Домой ты пойдёшь пешком! Не повезу, ясно?

Таня молчала. С Веркой ей говорить сейчас было не о чем. Её разум отказывался понимать, как все остальные ребята могут продолжать пить, притом не без удовольствия. Если бы ей самой сейчас предложили выбор – смерть на костре или небольшая порция алкоголя, она предпочла бы первое. Кто-то к ней присоседился, попытался обнять. Она оттолкнула. Вдруг перед ней появилась Рита. Сначала, то есть, их было, как Верки, три, но Танечка напряглась, и две отвалили. Осталась только одна, с мобильником.

– Танька, – проговорила она, – гляди, что он пишет! – и поднесла телефон поближе к глазам, – «Пожалуйста, выйди! Нужно поговорить!»

Танечка молчала.

– Какого хера молчишь? – разозлилась Рита, – что мне ответить ему?

– Кому?

– Ты что, идиотка? Ну тебя на ...!

– Ну меня на ..., – с готовностью согласилась Таня, вдруг завалившись на правый бок, – я тоже так думаю. Мне ужасно.

Закрыв глаза, она отрубилась. Рита взволнованно огляделась по сторонам. Вдруг заметив Рому, который весело разговаривал с двумя девушками из группы «Шизофрения», она к нему подошла.

– Рома, ты мне нужен!

Очень внимательно на неё взглянув, гитарист сказал своим собеседницам:

– Извините, дамы. Дело серьёзное.

Девушки понимающе улыбнулись. Рита очень спешила. Проследовав за ней в холл, Чигринов спросил, что произошло. Она к нему повернулась. Её лицо было очень бледным.

– Рома, ты можешь выйти со мной на улицу?

– Разумеется. Но зачем?

– Я пока не знаю. Вполне возможно – затем, чтобы умереть.

Рома улыбнулся, и они вышли на улицу.

Глава четырнадцатая

Стояла уже глубокая ночь – ближе к трём, чем к двум. Небо над Москвой, вскинувшей к нему багряное зарево, пламенело. Холод осенних звёзд – более пронзительных, чем июньские, делал душу невосприимчивой ни к чему, кроме зова вечности. Он тоскующе доносился из бесконечного далека, как звук трубы викингов. Город спал.

Из большого джипа, стоявшего на парковке, среди нескольких десятков других машин, вышел молодой человек. На нём был костюм. Приблизившись к Рите и гитаристу, которые закурили возле дверей, выходец из джипа сухо, но вежливо поздоровался.

– О, Артём! – улыбнулась Рита, красиво выдохнув дым, – как вы респектабельно выглядите! Костюмчик, часики. А откуда у вас такая машина? Ведь вы – несчастный художник, и ваша нужда столь тягостна, что вы даже не отказались увековечить кого-то там из Росгвардии! А бейсболка где? Потеряли?

– Я и сутулиться перестал, – прибавил владелец большой машины, – а заодно и кашлять. Бросил курить – и вот результат. Ну, хватит дурачиться! У меня, точнее сказать – у нас, не так много времени. Ты сейчас не очень пьяна?

– Не очень, так что в машину к тебе не сяду. Как ты узнал,

что я здесь?

Серёжа очень внимательно посмотрел на Чигринова. Тот курил, совсем на него не глядя. Чёрный асфальт пустого проспекта, блестящий под фонарями, ему казался гораздо более интересным.

– Ромочка, – обратилась Рита к новому своему приятелю, – познакомься, это Серёжа. Он – сын высокопоставленного сотрудника основной силовой структуры нашей страны.

– Ну, тогда понятно, как он узнал, что ты здесь, – заметил Чигринов, сплюнув на тротуар, – они очень бдительно контролируют неформальные клубы. Боятся, что экстремизм в какой-нибудь песенке просочится! Тебе охота с ним разговаривать?

– Вы неправы, – сказал Серёжа, – точнее, правы, но не совсем. Я ведь не имею касательства к силовым структурам – по крайней мере, прямого. Я буду полностью откровенен с вами, поскольку Рита откажется говорить со мною наедине, а вы, судя по всему, её близкий друг. Она мне не безразлична. Ей угрожает опасность, предотвратить которую я уже не могу.

– Ого! – рассмеялась Рита, бросив окуроч, – вот это номер! А, впрочем, я ожидала этого. Ожидала. Но как же так, Серёженька? Ты ведь мне говорил совершенно твёрдо, что всё берёшь на себя, что ты устранишь любую угрозу! Ты гарантировал неприкосновенность моих стихов и жизни моей!

– Стихи никуда не денутся, – заявил Серёжа, – уничто-

жать их бессмысленно, потому что они застряли в мозгах у чересчур многих людей. А с тобой дело обстоит не так замечательно. Ирка мне говорила, что ты сначала пишешь чернилами. Ну так вот – даже если ты сожжёшь все свои тетрадки на Красной площади и осыплешь голову пеплом, это тебя уже не спасёт. Ты перешла грань. Ты слишком заметна. Обратного хода нет. Но у тебя есть возможность уехать. Я скажу больше – тебе дают такую возможность. Она может существовать всего два-три дня. Понимаешь?

– А если я не уеду, что тогда будет? – пожала плечами Рита, – сначала быдло потопчет меня ногами, потом – три года за экстремизм, кощунство и разжигание ненависти? Я правильно поняла тебя?

– Быдло может случайно и растоптать. Завтра его спустят с цепи. Точнее, сегодня. Случайности бывают разных сортов, как ты сама знаешь. Всё то, что было до этого – ерунда. Им нужно, чтоб ты уехала. Очень нужно. Но долго ждать твоего отъезда они не будут.

– Но ведь они наверняка знают, что уезжать мне некуда, да и не на что! Неужели они дошли уже до того, что готовы мне подействовать? Интересно. Весело. Но ведь это глупость с их стороны – выдвинуть такого посредника! Они что, совсем идиоты там? А, Серёженька?

– Разрешите поинтересоваться, – вмешался Рома, – вы разрешаете? Хорошо. Почему вы думаете, что если она признает себя обдолбанной мразью, это её уже не спасёт? Для

вас – я не лично вас имею в виду, костёрчик на Красной площади был бы очень даже неплох. Вы только представьте, сколько в него можно будет кинуть её руками всякой прозападной идеологической наркоты, согласно программе самоочищения нации! Штук пятнадцать томов Акунина, например, да пару десятков томов Толстого...

– Я повторяю – рукописи не горят, особенно в наши дни, – перебил Серёжа, – впрочем, не двадцать, но два-три тома Толстого всё же не застрахованы. Понимаете мою мысль? Но вернёмся к сути. У неё – три варианта: либо тюрьма, либо заграница, либо, простите, автомобильная катастрофа. Первое, как и третье, даст ей ореол мученицы. А вот эмиграция перед угрозой тюрьмы заставит других задуматься. Не у всех ведь есть перспектива безбедной жизни в Европе, как у неё, ловкой аферистки и...

– Ах, безбедной? И прямо-таки в Европе? – вскричала Рита, – да, разумеется, аферистка не может жить как-нибудь иначе и в другом месте! Соединённые Штаты для аферистки нехороши. Что, уже готово конкретное предложение?

У Серёжи вырвался вздох. И внезапно он, Серёжа, исчез, а на его месте возник Артём – правда, без бейсболки, в костюме. Застенчивый портретист улыбнулся так, как сын пресс-секретаря ФСБ не мог улыбаться, и произнёс совсем другим голосом:

– Ты права. Конкретное предложение есть. Но оно исходит от меня лично. Я предлагаю тебе безбедную жизнь в Ев-

ропе вместе со мной. Я тебя люблю.

Всё вдруг поменялось местами. Звёзды посыпались дождём вниз, фонари взлетели. И это было загадочно, потому что Рита только качнулась. Рома не дал ей грохнуться, подержав за талию.

– Ты? – воскликнула Рита, грубо сорвав с себя его руку, – ты меня любишь? Тварь! Да как у тебя язык повернулся сказать мне это после того, что произошло? Ты знаешь, что Ирка подседа на героин? Ты знаешь, что Женька...

– Я знаю всё, – негромко сказал художник, делая шаг вперёд, благодаря чему Рита смогла взглядеться в его глаза до самого дна, – и Ирке, и Женьке я говорил о своей любви. Обоих обманывал. Да, с моей стороны очень глупо думать, что ты сейчас мне поверишь, Ритка! Но у меня нет выбора. Я безумно тебя люблю.

Вот это уж было слишком. Стиснув руками голову, Рита бросилась назад, в клуб. За ней вошёл Рома.

Что было бы, если б Верка именно в ту минуту не начала играть Паганини, заставив всех охренеть? Наверное, только это могло спасти несчастную Риту от специфической Скорой помощи. И спасло. Дьявольская музыка, слетающая со струн двухсотлетней тирольской скрипки в руках недурной скрипачки, била наотмашь. Рита застыла, как и все прочие, и не двигалась до тех пор, пока Верка не опустила смычок и скрипку, мрачно сопя своим большим носом. Потом разразилась буря. Пока блюзмены, панки, альтернативщики и

хард-рокеры отбивали себе ладони, глядя на Верку в ошеломлении, Рита выпила бокал виски, кем-то не выпитый, и легла на мягкий диван. Ей было отлично.

Домой её везла Верка на своей новой машине. На «Киа Спортэйдж». Было четыре часа утра. Пустая Москва под россыпью звёзд казалась загадочной и прекрасной. Рита сидела спереди, сонно всасывая глазами мчащиеся навстречу здания, фонари, витрины. Танечка продолжала спать сзади, а рядом с ней сидел Рома. Он жил поблизости от неё, поэтому его взяли. Когда скрипачка сворачивала во двор, чтоб высадить Риту, Рома вдруг проронил, впервые за всю дорогу прервав молчание:

– Замечательный артистизм. Огромный талант.

– Спасибо, – смутилась Верка, затормозив напротив подъезда. Разве могла она знать, что речь – не о ней?

На лавочке у подъезда сидели трое. Рита их видела в первый раз.

– Верка, подождёшь меня? – спросил Рома, распахнув дверь, чтобы выйти с нею, – мне эти рожи очень не нравятся.

– Да, конечно, Ромочка! Проводи её до квартиры, прошу тебя.

Когда Рита и её спутник, державший руку в кармане куртки, шли мимо лавки, три здоровенных гопника на них пялились, поворачивая за ними короткостриженные, торчащие из высоких воротников дорогущих кожаных курток головы, но не двигались с места. Неудивительно – Рома был парень рос-

лый, взгляд имел смелый. Рите, конечно, было не по себе.

Поднявшись с ней на этаж, гитарист притиснул её к ободранной двери квартиры двух скандальных сестёр.

– Рома, не сейчас, – прошептала Рита, дав ему насосаться своим прокуренным языком, – тебя Верка ждёт!

– Она поймёт всё, – возразил Чигринов, задрав её короткую юбку и торопливо стягивая под ней колготки с трусами, – Танька – тем более.

Одна туфелька покатила вниз по ступенькам лестницы. Обхватив рокера ногами, Рита сопела и чувствовала себя неловко. Дверь за её спиной размеренно содрогалась. Замки очень громко лязгали. Представляя себе, что сейчас испытывают несчастные Ирка с Женькой, Рита решила, что они вправе задать ей взбучку. Впрочем, за что? Во всём виноват этот рок-н-рольщик. Ох, только б не заорать, а то ведь соседи ещё проснутся! Ну, и пускай. Благодаря той же скотине-Женьке они давно привыкли и не к такому. Лифт иногда гудел, но, к счастью, не останавливался.

Чигринов принёс ей туфельку. Сообщив, что он ни разу ещё не драл такой классной тёлки, помчался вниз. Рита очень тихо отперла дверь, и, войдя с вещами в руках, прислушалась. Сёстры делали вид, что спят. Конечно, они ментально поняли, кто там трахается за дверью! С улицы доносился насмешливый шум мотора. Машина трогалась. Значит, Верка и Танечка Рому всё-таки дождались. Рыжая проныра, конечно, давно проснулась. Она всё делает вовремя.

Вот сейчас, наверное, ржут! Гопники вели себя тихо. Ополоснувшись под душем, Рита легла и сразу уснула.

Глава пятнадцатая

Разбудил её звонок Танечки. Впрочем, если бы даже он и не прозвучал, Рита бы проснулась в ближайшие полчаса, потому что выспалась замечательно. И проснулась бы с удовольствием – ведь в окно, как и накануне, светило солнце, столь драгоценное в разгар осени. Со двора доносился весёлый шум – малышня, собаки, пивной галдёж пятнадцатилетних. Но у тридцатилетней Танечки настроение было скверное, даже очень.

– Ритка, тебя в инете травят по-взрослому, – сообщила она, – целый шквал угроз в соцсетях и на разных сайтах! Ты в курсе?

– Нет, – ответила Рита, сев на постели и закурив, – да мне наплевать. Кстати, с Днём рождения, дорогая! Желаю счастья.

– Спасибо. Плевать на это нельзя, потому что сайты – патриотические, националистические и православные. Вполне могут и покалечить, а то и грохнуть. И это ещё не всё. На тебя, по-моему, шьётся дело по двести восемьдесят второй. А эта статейка предполагает тюремный срок от двух до пяти. С одной почкой выдержишь?

– Знаю, слышала! Ты звонишь испортить мне настроение?

– Идиотка! Слушай внимательно. Ты должна исчезнуть,

благо тебя ещё не уведомили о том, что дело заведено. Тебя ведь за экстремизм могут моментально под стражу взять! Пока ты будешь в бегах, мы поднимем шум, и этот маразм, даст Бог, рассосётся. Короче, делаем так. В «Праге» собираемся в семь. Водитель за тобой приедет к шести. Ты за полтора часа успеешь почистить зубы после того, что сделала Ромке?

– Да что он вам набрехал? У нас с ним такое было бы невозможно при всём желании, потому что мой нос – несколько длиннее!

– Это не повод для гордости. Если у тебя рот не был занят – стало быть, ты ещё и орала на весь подъезд! Мне за тебя стыдно. До вечера. Жди машину.

– Договорились, – сказала Рита, – до вечера.

Отложив телефон, она поднялась, чтоб пройтись по комнате. В ней царили порядок и чистота. Пол был вымыт так, что блестел. От трёх кружек пива печень у Риты вроде и не болела, но ощущалась. За дверью слышались голоса обеих хозяек. Они опять были недовольны одна другой, но уже без мата и без ударов. Докурив, Рита вышла из комнаты и увидела их на кухне. Женька в бюстгальтере и штанах сидела на стуле и пялилась в телефон. При этом её правая нога, босая и грязная, возлежала на бедре Ирки, сидевшей на табуретке. Кроме того, Женька свинским образом грызла семечки. Шелуха от них иногда летела даже за порог кухни. Ирка, не переодевшаяся после консерватории, маникюрными ножница-

ми старательно стригла младшей сестре ногти на ноге, раздувая нос и шипя сквозь зубы:

– Свинья! Как ты задолбала! Мне на тебя противно смотреть! Ты что, сама себе ногти постричь не можешь?

– А на хер мне это надо? – фыркала Женька, сплёвывая на стол шелуху, – мне ведь запретили бурную половую жизнь! Если тебе, тварь, противно на них смотреть, ты их и стриги!

– Вот сука какая! Другую ногу давай.

Женька опустила правую ногу и дала левую. Тут сестрицы заметили квартирантку, которая наблюдала за ними из коридора. Они улыбнулись ей.

– Добрый день, – произнесла Рита, войдя, чтоб заварить чай, – как у вас тут мило! Женька, ты что, кретинка? Тебе не стыдно?

– Ни капельки, – был ответ вместе с шелухой, которая полетела на газовую плиту, – в колледж я ходила и получила четвёрку по информатике. Знаешь, Ритка, что про тебя в интернете пишут? Нет, я тебе не буду это читать, а то разозлишься! И на двери – твоя фотка. Огромная, вот такая!

Женька развела руки, едва не выронив свой мобильник. Воспламенив под чайником газ, Рита опустилась на стул.

– На какой двери?

– На подъездной, – сказала Ирка, тщательно состригая Женьке излишек ногтя с большого пальца, – твоё лицо во всю дверь! Точнее, не только одно лицо. И ещё там надпись. Но я не буду её цитировать, она гадкая. Я пыталась это со-

дочь. Два ногтя сломала. Вообще никак не сдвигается.

– Я ключом соскоблить пыталась, потом ещё и ножом, – прибавила Женька, – без толку! Что за твари всё это делают?

– Надеюсь, я получу удовольствие от знакомства с ними, – сказала Рита, чуть помолчав, – вот только не знаю, будет ли это моральный мазохизм гения, как выразилась одна моя подружка, или солнце Аустерлица.

– Чего? – не поняла Женька, – какое солнце?

– Моё.

Чайник очень быстро вскипел. Закончив стрижку ногтей на левой ноге сестры и сердито шлёпнув её по пятке, Ирка пошла переодеваться. Но, лишь раздевшись, она уселась за фортепьяно и стала играть Рахманинова, прелюдию соль минор. Сестрица её свинячила и смеялась, не отрывая глаз от смартфона.

– Женька, прости меня, – вдруг сказала Рита, начав пить чай. Женька удивлённо скосила на неё взгляд.

– За что мне тебя простить?

– Хоть за что-нибудь! Знаешь, как обидно не зацепить никого ничем?

Женька покрутила у виска пальцем. Сделав пару глотков, Рита начала собираться. По-быстрому вымыв голову и ещё быстрее ополоснувшись под душем, она надела чулки, бельё, голубое платье и пошла к Ирке, чтоб та ей сделала маникюр. Сама она не была мастерицей этого дела. Усталая, но довольная состоявшимися в тот день семинарами пианистка,

бросив играть Бетховена, маникюром не ограничилась. Пока ногти у Риты сохли, Ирка, болтая с нею о новом фильме Бессона, сделала ей укладку и макияж, пожертвовав частью своей профессиональной косметики. На последнем этапе в комнату приплелась с гнусной рожей Женька.

– Фу, лесбиянки! – скорчила она рожу ещё противнее, и, поскольку ей было скучно, взяла гитару. Улёгшись с ней на диван, она стала играть музыку, автор коей талантом несколько уступал Бетховену, исполнитель – Ирке.

– Женечка, у меня сегодня непростой вечер, – сказала Рита, которой Ирка в эту минуту пудрила щёки, – не надо мне натягивать нервы, тварь! Скоро я уйду, и тогда бесись.

– Опять я всем помешала, – хныкнула Женька, откладывая гитару. Затем она повернулась носом к стене и вскоре уснула, распустив слюни. Её сестра справилась со своей работой блестяще. Рита вышла во двор совсем не похожая на свою фотографию, приклеенную к двери подъезда. Это была, как выяснилось, фотография топлес десятилетней давности, взятая из соцсети. Надпись под ней гласила: «Американская соска!» Игравшие во дворе ребяташки, подойдя к Рите, также сказали ей, что пытались содрать наклейку, да без толку. Старушонки, занявшие место гопников, промолчали. Родители малышни на детской площадке издали улынулись Рите сочувственно.

Поблагодарив ребяташек, Рита зацокала каблучками к «своему «Форду». Она решила не ждать машину с ра-

диостанции. Но, приблизившись, обнаружила, что стекло несчастного «Форда» также заклеено её фоткой с голыми сиськами и паскудным лицом. Из пары микроавтобусов, припаркованных рядом, вывалилась толпа журналистов с аппаратурой. Ответить на их вопрос, действительно ли она не пишет свои шедевры, а получает их прямиком из Госдепартамента США, Рита не успела, ибо к подъезду вдруг подкатил простенький «Ниссан» с логотипом «Лихо Москвы». Рита подбежала к нему. Сев рядом с водителем, попросила гнать во весь дух. Водитель не смог исполнить её желание, потому что город стоял в заторах. Погони, впрочем, и не было – вероятно, с «Лихом» связываться побаивались.

Всё время пути Рита занималась чтением СМС, которые вдруг посыпались. Было странно, что её номер узнали только сию минуту. Её торжественно обещали повесить, сжечь, изнасиловать, утопить. Шли также звонки, но Рита убрала звук и не отвечала. В соцсети она решила даже и не заглядывать.

К «Праге» подъехали с получасовым опозданием. Около ресторана стояло много машин. Кастрированный Собянинский центр Москвы, окутанный сумерками, мерцал красиво и ненавистно. «Где ты, Арбат?» – мысленно воскликнула Рита, захлопнув дверцу машины и оглядевшись по сторонам, – «Вернёшься ли? Вряд ли!»

– Вы не переживайте, – сказал водитель, прощаясь с ней на ступеньках, – они ещё, наверное, и не начали. А вы что подарите Танечке?

– Золотое кольцо с шестью бриллиантами и сапфиром посередине, – соврала Рита, с ужасом вспомнив, что не купила подарок, – спасибо вам! До свидания.

Два швейцара, стоявшие у дверей, так подобострастно ответили на её кивок, что ей сделалось неловко за свою сдержанность. Вестибюльный швейцар – статный, пожилой, с бакенбардами, сообщил ей, что её ждут, и ждут с нетерпением. Покрутившись перед громадным зеркалом, Рита звонко прошествовала под звуки венского вальса в банкетный зал, приятно знакомый ей. С того дня, как она и Света впервые его украсили юными, озорными своими рожами, пролетело почти одиннадцать лет.

Вальс в зале играл пока ещё не для танца, совсем негромко. К моменту прихода Риты банкет успел уже стать отчасти фуршетом, хоть продолжался всего лишь сорок минут. За столом сидели лишь самые ненасытные, и их можно было понять – закусочка того стоила. Остальные в большом количестве разбрелись по залу с бокалами, поминутно требуя от официантов их наполнения. Это были, по преимуществу, журналисты до тридцати или чуть за тридцать. Но к ним приккнули главный редактор радиостанции – Алексей Алексеевич, погоняло которого было Веник, и Дмитрий Львович, с радостью отложивший свои дела ради юбилея близкой приятельницы. Такой порядок празднеству задала сама именинница, не любившая длительные застольные церемонии. На ней было красное платье. Как накануне с кружкой и с Вер-

кой, она прогуливалась по залу с бокалом «Бейлиса» и шестью-семью молодыми людьми, коллегами по эфиру. Они смешили виновницу торжества, а она – всех тех, кто пытался её поздравить с ноткой серьёзности. Таких, впрочем, нашлось немного, поскольку Танечкин нрав был известен всем.

– Танечка, прости, – пропищала Рита, перехватив именинницу с её свитой около сцены, – я без подарка! Прикинь – забыла купить! Это потому, что ты мне взвинтила нервы с утра...

– Танька, ты зачем нервируешь девушку? – напустился на юбиляршу, подойдя слева с бокалом «Хеннесси», Алексей Алексеевич, – тебе мало, сволочь такая, что от тебя вся Госдума, весь Совет Федераций, Верховный суд и Администрация президента быются в конвульсиях? А ну, быстро бокал вина для успокоения нервов!

Приказ, конечно, был адресован официантам. Пока они наливали Рите шампанское, Таня, поцеловавшись с нею, дала ответ своему начальнику:

– Алексей Алексеевич, все эти господа на моих эфирах быются в конвульсиях потому, что нервы у них – стальные. Ведь атмосфера на нашей радиостанции благодаря вам наэлектризована до предела! Их и колотит.

– Но на других эфирах они спокойно себя ведут, – не упустил случая грудью встать на защиту шефа Лёшка Соломенцев, – ты, Танюха, просто к розетке их подключаешь!

– И как же мне это удаётся? – спросила Танечка, – ведь в

розетку надо засовывать два конца!

– Так ведь у тебя, по твоим словам, после водочки всё двоится!

Эта гипотеза всем пришлась по душе, кроме самой Тани.

– Тройся! – под общий хохот взвизгнула она так обиженно, будто ей заявили, что у неё – два высших образования, а не три, – и тётеньки на моих эфирах тоже беснуются! Это как объяснить?

– С ними ты используешь батарейки, – объяснил Саша Пьющев, её напарник по утреннему эфиру, – впрочем, возможна другая версия. Может быть, эти граждане конвульсируют оттого, что Таня из них изгоняет бесов? Ах, чёрт! Ошибочка. Разве могут быть бесы в тех, кто молится на портреты Сталина и Ивана Грозного? Она ангелов изгоняет!

Рита фыркнула так, что «Вдова Клико», которым наполнился её рот, вышло через нос. Ей дали салфеточку, а затем, исполняя её желание – бокал виски.

– Выпьем за инженерный и бесогонный талант этой рыжей девочки! – разразился тостом главный редактор. Многозначительно поглядев на Риту, прибавил, – ну, и за то, чтоб все были счастливы! И здоровы.

Опорожнив свой бокал, он быстро направился к другой группе празднующих, в которой преобладали дамы. Весёлые журналисты, обступив Риту, мгновенно стали серьёзными и заговорили все разом. А у неё, напротив, улучшилось настроение, потому что виски был суперским. Она молча и

снисходительно улыбалась, глядя на лица двадцатипятилетних парней и двадцатилетнюю озабоченную мордашку тридцатилетней Танечки.

– Уезжай, Дроздова, – дал совет Пьющев, велев, как самый бывалый из молодых, остальным заткнуться хоть на минуту, – ещё два года назад я бы тебе твёрдо сказал: забей и не обращай внимания! Но сейчас им уже, похоже, на всё плевать. Ты видишь сама, что и не таких убирают.

– Куда ей ехать-то? – возмутилась Таня, – ты что, дурак? У неё – ни денег, ни связей, ни мировой известности, ни здоровья. Стихи – особый вид творчества, на который за рубежом почти всем плевать, и на раз-два-три её не раскрутишь. Она известной станет только после того, как её посадят! Или убьют.

– Я очень голодная, – заявила Рита, выпив второй бокал, – где мне сесть?

Танечка дала знак метрдотелю, и тот, приблизившись, церемонно проводил Риту к столу, где её изысканно обслужили. Сидя между двумя журналистками, голоса которых были ей хорошо знакомы – Ирой и Олей, и очень мило с ними общаясь, Рита под коньячок скушала бефстроганов, два салата, намешанных из какой-то японской дряни, и умопомрачительный кусок осетра. Она уже запивала соком третий бокал, когда Дмитрий Львович, проходя мимо, остановился с ней поздороваться.

– Добрый вечер, сударыня, – сказал он, положив ладонь

на её плечо, – приятного аппетита. Как поживаете?

– Замечательно, – пробубнила Рита, вытерев рот салфеточкой, – вы идёте на сцену, читать стихи?

– Да, хочу поздравить нашу красавицу. Следующее поздравление – за тобой.

– Я вам его уступаю, – сказала Рита, – голос из-под земли поздравлять не должен.

Взойдя на сцену, Бликов потребовал тишины. Когда стихло всё, кроме вальса, поэт прочёл наизусть целую поэму про Танечку. Несмотря на объём читаемого, никто ни разу, ни на одну секунду не заскучал. Более того – все, особенно героиня произведения, хохотали на каждом четверостишии. Декламация подходила уже к концу, когда в зал вошли ещё трое – известный блогер, разоблачитель коррупции Алексей Новальный со своей женой Юленькой и скрипачка Вера со скрипкой.

– Какого хрена? – злобно шепнула Танечка, когда Верка к ней подошла.

– Что – какого хрена?

– Да ни хрена!

На том разговор и кончился. Надув губы, Верка уселась к столу, положив футляр с инструментом на рядом стоящий стул, и отдала должное крылу рябчика. А Новальный, усадив Юлю, подошёл к Рите и двум её собеседницам. С Ирой он поздоровался фамильярно, с Олей – прохладно, а с Ритой – очень галантно. Она растерянно закивала, поскольку рот у

неё был занят куском лосося.

– Меня зовут Алексей Новальный, – сообщил блогер, в то время как Дмитрий Львович срывал овалцию, громко выделив завершающую строфу поэмы, – сейчас, по-моему, будет танго. Позвольте вас пригласить.

– Откуда вы знаете? – удивилась Рита. Но в этот миг Дмитрий Львович, нетерпеливо взмахнув рукой – дескать, хватит хлопать, провозгласил:

– А сейчас, согласно желанию именинницы – аргентинское танго! Это не белый танец, поэтому – кавалеры, будьте активны!

Сойдя со сцены, он напрямиком направился к имениннице. Вальс, действительно, смолк, и грянуло танго. Десятки пар закружились. Танечка отказала многим своим коллегам – видимо, у неё был уговор с Бликовым. Он её пригласил. Она положила ладонь на его большую, сильную руку. А Рита стала танцевать с блогером, о котором была наслышана и которого уже года три травили ещё нещаднее, чем её – несколько часов. Но сейчас ей было плевать на всё – виски и коньяк отлично сработались.

– За тебя взялись, – сказал ей Новальный, бросая взгляд на жену, которую пригласил совсем юный журналист, – я тебе сочувствую. Ты не хочешь взяться за них? По полной программе?

– А я давно это сделала, – возразила Рита, – я не могу работать иначе, как на износ.

– Я не про стихи. Они весьма сильные, но ведь ты сама понимаешь – это не то, что может сейчас заинтересовать миллионы. Тысячи – да, но этого недостаточно. Ты не могла бы мне дать двадцатиминутное интервью для ютуба? Я его сделаю так, что оно взорвёт интернет.

– Новальный, – проговорила Рита, – ты очень странный. Стихи – это идеальная форма соединения чувств и мыслей. Если она не трогает, то любая другая точно будет бессильна.

– Да ничего подобного! Ведь в неё вольюсь ещё я, как интервьюер. А это, поверь мне, кое-что значит.

– Нет, нет и нет, – пьяно замотала головой Рита, создав в глазах своих целый вихрь предметов и лиц, – я категорически не играю в такие игры! Отстань, Новальный, отстань!

Когда танец кончился, он её опять усадил за стол, и она продолжила пить коньяк. С ней несколько раз пытались заговорить. Она лишь кивала и улыбалась, видя перед собой что-то очень расплывчатое, туманное. Спустя некоторое время Верка со скрипкой взошла на сцену и начала играть Сарасате. Взгляд Риты не прояснился. Но у неё из глаз побежали слёзы. Реакция остальных, в том числе Новального и по непонятной причине взбешённой на Верку Тани, была немногим менее бурной.

Часа через полтора Танечка и Верка, взяв Риту под руки, повели её к туалету, прося людей с бокалами расступиться. Потом они потащили её на улицу. Она слабо сопротивлялась и чувствовала тоску по невозвратимому, потому что рядом

не было Светы. Рите очень сильно хотелось увидеть её сейчас. Она даже попыталась изобразить на лице печаль осознания абсолютной несбыточности мечты. Но произошло чудо. Света ждала на улице, открыв правую дверь своего прекрасного «Мерседеса». Сама она – в мокасынах, джинсах и лёгком свитере, с гордо поднятой головой, на фоне сияющего Арбата также была прекрасна.

– Вы её проблевали? – строго спросила она, когда две подруги сажали Риту в машину.

– Да, ещё как, – ответила Танечка, закрыв дверь, – пожалуйста, глаз с неё не спускай! Особенно – в полнолуние, когда трудно противодействовать силам зла.

– Пошла она в жопу! – крикнула Света, целуясь с Веркой, которую целый год не видела, – с Днём рождения, Танечка! Всё, поедem мы. До свидания.

Сев за руль, она завела мотор, и, дав задний ход, вывела машину с парковки на Гоголевский бульвар. Танечка и Верка смотрели вслед «Мерседесу», покуда тот не скрылся за поворотом. Потом они вернулись к гостям.

Огромная скорость, с которой «Мерседес» мчался по ночным улицам, выполняя весьма рискованные обгоны и повороты без указателя, Риту так впечатлила, что она стала быстро трезветь.

– Да ты прямо лётчицей стала – почти такой же, как я, – заметила Рита, взяв сигареты, – но в зеркала иногда поглядывай! Ко мне могут хвост прицепить.

– Тупая ты задница, – процедила Света, ударив по тормозам, чтоб свернуть с заносом на Маросейку, – рожу свою назад поверни!

Рита повернула, и – чуть не выронила «Парламент». За «Мерседесом» нёсся «Порше Кайен» с дальним светом. Сердце у Риты заколотилось звонко и жалобно.

– Оторвись! – вскричала она, одним движением пальцев скомкав целую дюжину сигарет, – у тебя под задницей – «Мерс»!

– Не твякай ты, тварь!

Промчавшись по Маросейке, Света пересекла Садовое и взяла зигзагообразный курс на Сокольники. На отчаянных поворотах Риту мотало вправо и влево. Перед глазами взвивались целые вихри огня, каждый из которых мог означать мгновенную смерть. Спортивный автомобиль за спиной рычал, будто зверь, хватаящий жертву. И всё-таки «Мерседес» ушёл от погони. Рита до конца так и не поняла, как её подруге удалось выскользнуть из лучей галогенных фар, свернув со Стромынки в какие-то лабиринтные переулки и заметавшись по ним с очень большим риском куда-нибудь не вписаться на дикой скорости. Но случилось второе чудо за эту ночь. Когда зеркала внезапно погасли, перестав схватывать дальний свет спорткара, Света мгновенно и ювелирно втиснула «Мерседес» в узкий промежуток между двумя машинами на парковке в каком-то тёмном дворе. Заглушив мотор и выключив фары, она воскликнула:

– На пол! Не то – конец тебе!

И сама нырнула под руль. Через две секунды из-за угла вылетел тот самый «Порше Кайен». Он промчался мимо, после чего свернул за другое здание. Его злобный рёв звучал ещё долго по всем окрестным проулкам, то удаляясь весьма значительно, то слегка приближаясь. Но, наконец, он пропал совсем, влившись в шум слабенького транспортного потока на большой улице. Лишь тогда две подруги выпрямились.

– Светлана Дмитриевна! – на выдохе прошептала Рита, взяв из-под ручника сигареты и закурив, – как вам это удалось? Вы ведь дура конченная, совсем без мозгов!

– Это «Мерседес», – объяснила Света, так же взволнованно щёлкая зажигалкой, – ничего лучшего человеком пока не создано. Плюс к тому – специальные курсы, которые называются «Делаем из водителя автогонщика».

– Ты их кончила, эти курсы?

– Я их окончила, вместе с курсами каратэ. Поэтому, сука, знай: ещё один камень в мой огород – и ты вылетаешь из «Мерседеса» с разбитой мордой.

Реальность этой угрозы Рита решила не проверять. Но и благодарить Свету ей расхотелось. Она поэтому промолчала.

– Деньги, ключи, документы, смартфон с собой? – поинтересовалась Света, вырулив на Стромынку и разогнав машину до пятой.

– С собой.

– Отлично. Значит, к тебе домой заезжать не будем. Кста-

ти, наверняка нас там поджидают.

Рита кивнула, и, дотянувшись пальцем до магнитолы, включила радио. «Мерседес» наполнился нежным, тоненьким голосочком, певшим про сумасшедшую. Так она с ней, с Ритой, простилась.

Глава шестнадцатая

Конец сентября, плавно перешедший в октябрь, был тёплым. Рита и Света всего лишь дважды в неделю на ночь топили печку. Дров по заказу им привезли полный грузовик, да и напилили, и накололи, и отнесли в сарай, где жил поросёнок. Его жилплощадь вследствие этого сократилась, но всё равно на ней вполне можно было бы поселить ещё пару-тройку ему подобных. Свете очень понравилось ходить в лес, за рыжиками. Их было полно. Готовить грибы Света не умела, но тётя Маша ей объяснила, как это делается, и Рита вынуждена была признать наличие в голове подруги одной извилины. Обьедалась Света грибами так, что несколько раз у неё случалось расстройство – не то желудка, не то кишечника, не то сразу всего на свете, включая психику, потому что однажды она увидела в туалете крысу и чуть не спряталась от неё туда, откуда бы вылезла в неприглядном виде, если бы вовсе не утонула. К слову сказать, в этом туалете теоретически можно было увидеть кого угодно, даже ежей. Он стоял на дальнем конце участка, за тремя сливами, а ежи ошивались по всему саду.

В лес Свету сопровождал всегда Сфинкс, подросший и разжиревший. Все те, кто встречался с ними, неторопливо идущими по селу, оглядывались им вслед и смотрели дол-

го, до двадцати минут. Условия местности и особенности рельефа давали эту возможность. В лесу Сфинкс очень любил топтаться под ёлками, разгребая землю копытцами. Поисками грибов он не занимался. Его вполне удовлетворял комбикорм. Вдобавок, ему иногда давали картошку. Рита ходила время от времени на рыбалку с удочками Ивана Яковлевича, которым лет было даже больше, чем ей самой. Один раз сходила со спиннингом, но запутала леску и возвратилась ни с чем. Спиннинг ей не нравился, потому что линь, как известно, к хищникам не относится. Да, она не теряла надежду поймать линя. Но ей попадались, по преимуществу, окуньки. Света научилась жарить и их. Однажды, когда улов составил пятнадцать штук да плюс два подлещика и плотвичка, она обожралась так, что полторы рыбины отдала серому коту, который очень любил приходить к двум подругам в гости с другого конца деревни.

Мылись подруги в отличной рубленой бане у соседей напротив, которые до сих пор вспоминали Ивана Яковлевича, чинившего им цветной телевизор, и Риту в возрасте школьницы, воровавшую у них яблоки. В этой-то самой бане и приключился однажды очень большой скандал. Когда уже парились, айфон Светы, который лежал в предбаннике, заиграл. Отбросив мочалку, Света к нему пришлёпала и всего лишь одну минуту поговорила с Танечкой. Та ей в бешенстве сообщила, что Рита вновь публикует на разных сайтах свои стихи, притом уже новые. Подбежав к подруге, которая, накло-

нившись, ковшом смывала с волос шампунь, Света изо всей силы врезала ей по жопе и завопила:

– Дура! Ты – в розыске! На тебя заведено дело! Официально! Сюда за тобой не едут лишь потому, что никто не хочет делать из тебя мученицу, понятно тебе? Но если ты будешь лезть на рожон, тебя моментально отсюда вытащат и возьмут под стражу! Кретинка!

– Я не могу не писать стихи! – заорала Рита, сразу сообщив, о чём идёт речь, – что мне ещё делать на берегу, когда не клюёт? Ты отлично знаешь – я ненавижу всякие игры и, вообще, развлечения! Убивание времени – это именно то, что я ненавижу!

– Ну и пиши ты свои стихи! Зачем их выкладывать? На... я, вообще, тут с тобой мудохаюсь?

– Твою мать! Мой голос – это единственное, что у меня осталось! Как не звучать ему?

– Ты свой телефон теперь хрен возьмёшь с собой на рыбалку! – бесилась Света, – убью!

За ужином помирились. Включили «Лихо Москвы». Оно сообщало в новостных выпусках, что поэт Рита Дроздова, которой инкриминируется активное разжигание ненависти и экстремизма, выложила в Фейсбуке и на двух сайтах четыре новых стихотворения. Прозвучал комментарий главы пресс-службы Следственного комитета – дескать, разыскиваем и скоро найдём, никуда не денется, и экспертный взгляд известного литературоведа Дмитрия Бликова – дескать, даже

Цветаеву за её стихи про Белую гвардию в годы массового террора не репрессировали, и если вы ставите вне закона Риту Дроздову, тогда сжигайте и весь Серебряный век российской поэзии.

За окном уже полтора часа было непроглядно. В печной трубе грохотал леденящий ветер. Он прилеплял к мокрому стеклу последние листья, сорванные с кустов. По крыше то барабанил, то едва слышно шелестел дождь.

– Налимья погода, – сказала Рита, выключив радио, – я пойду на рыбалку.

– Ритка, – внезапно оторвалась от гречневой каши с тушёной Света, не обратив внимания на слова подруги, – а почему он это сказал? Ну, типа, если вы ставите вне закона Риту Дроздову, тогда сжигайте и весь Серебряный век? Что, разве Мандельштам, Ахматова и Цветаева были ещё худшими экстремистами?

Рита молча допила чай, а потом сказала:

– Не знаю. Это тебе должно быть виднее, ты ведь у нас юрист!

– Но я не филолог! Я не читала этих поэтов! Ты можешь мне объяснить без своего ... выпендрёжа, что он имел в виду?

– Гадать, что имел в виду Дмитрий Львович, я не берусь, – зевая, сказала Рита и тут же стала гадать, – ну да, Мандельштам написал один очень меткий стишок про Сталина, и за это его сгноили. Но, полагаю, Бликов говорил о другом. Се-

ребряный век – это ведь на самом деле век бриллиантовый. Золотому веку – ну, то есть Пушкину с Лермонтовым, до той же самой Цветаевой далеко.

– За что же её сжигать?

– За то, что она глобально безжалостна к любой лжи, к любой подлости, к любой серости. А всё это – качества любой власти. Этой – особенно. Вот, послушай!

Закурив, Рита прочла на память «Тоску по Родине». Обе долго потом молчали.

– Это отлично, – сказала, наконец, Света, также взяв сигареты, – ей, значит, всё равно, на каком языке быть никем не понятой? Я вполне её понимаю!

– Ты ещё можешь её понять, – согласилась Рита, – но понимающих делается всё меньше. Это, заметь, написано про начало тридцатых годов двадцатого века. Не рок-н-рольное было времечко, несмотря на Булгакова и Набокова! Ну, и Стефана Цвейга с Ремарком. Всех остальных не люблю. Кажется бы – всё, конец! Но ведь через тридцать лет – Элвис Пресли, «Битлз», Высоцкий! Я сразу остановлюсь, чтобы не потратить всю ночь на перечисление тех, кто спас век двадцатый, сделав его блистательнейшим. Конечно, о каждом из направлений музыки и поэзии можно спорить, но каков взрыв? Вот именно это вселяет в меня надежду.

– Ты думаешь, в двадцать первом также прогремит взрыв? – усомнилась Света, прикуривая, – какой-нибудь, кроме ядерного?

– Не знаю, – несколько раз мотнула головой Рита, – чёрт его знает! Хотелось бы. Но пока всё очень тоскливо. Я – на рыбалку, Светка!

И встала. Лицо её было злым.

– Ты что, долбанулась с десятого этажа башкой? – заорала Света, – какая на хер рыбалка? Ночь за окном! Вдобавок, ещё гроза!

– Налим именно в такую погоду очень активен. Черви у меня есть – вчера накопала, да не пошла. У деда в столе, по моему, лежат донки. Пойду, взгляну.

Света побежала за Ритой в нижнюю комнату, продолжая визжать про ночь и грозу. Рита отвечала, что молодой налим – рыба очень вкусная. Открыв стол, она отыскала в одном из ящичков пару донок со звонкими колокольчиками, слегка тронутыми ржавчиной. Снасти были намотаны на дощечки с пропилами. Положив их в пакет, Рита присоединила к ним складной ножик, мощный фонарь и банку с червями, стоявшую возле лестницы в коридоре. Потом она надела штаны, старые ботинки, помнившие её пятнадцатилетние ноги, тёплую куртку, дедовскую фуражку с лётной кокардой и пошла на реку, хлопнув дверью перед взбешённой Светой. К слову сказать, именно она, Света, и откопала среди чердачного хлама эти ботинки Риты, что, разумеется, следовало сделать Наташке месяц назад.

Приближалась полночь. Дождь оказался сильнее, а ветер – резче и холоднее, чем ожидала Рита. Дойдя деревней и полем

до перекрёстка дорог, она через буераки и луг направилась к заводу, где всегда водился налим. Плакучие ивы склонялись над этой заводью, свесив тонкие свои ветви к самой воде с обратным течением, точно так же, как двадцать, да и, наверное, семьдесят лет назад. Кусты рядом с ними, не в пример им, видоизменились, став почти дебрями. По крутому откосу соскользнув к берегу, Рита вынула нож и наощупь срезала у кустарника один ствол, чтоб сделать два колышка. Хорошенько воткнув их в берег возле воды, она размотала донки, и, прикрепив их к колышкам, наживила. Потом забросила. Колокольчики, двадцать лет безмолвствовавшие, звякнули.

Без малого два часа просидела Рита на берегу, под деревом, ожидая поклёвки. Но сумасбродный налим почему-то не был активен в налимью ночь. Голая ветла, само собой разумеется, от дождя почти не спасала. Лётчицкая фуражка на голове промокла насквозь, так как её внутренняя подкладка была протёрта. Отправив вниз по реке десяток окурков и до костей ощутив прелести налимьей погоды, Рита решила больше не ждать. При этом домой возвращаться ей не хотелось, и донки сматывать – тоже. Встав, она взяла нож с фонарём, вскарабкалась на откос и пошла к мосту, почти развалившемуся.

Фонарь помог ей перейти реку по гнилым брёвнам, ни разу не оступившись, не соскользнув, затем – одолеть подъём. И вот перед ней раскинулся большой луг, окутанный темнотой. А за ним был лес. К нему Рита и направилась, глядя

вдаль – на белые пятнышки фонарей, стоявших над большим. Она уж прошла половину пути до них, когда вдруг позвонила Света.

– Ты на реке? – спросила она.

– Нет, не на реке. Я там вся продрогла. Рыба совсем не клюёт! Я иду на кладбище.

– Твою мать! На какое кладбище, дура чёртова?

– Не на то, которое на горе. На то, где моё надгробие. Моё с Димкой. Ну, там, в Заречном лесу.

– Да как ты найдёшь его в темноте? Ведь там лес дремучий!

– У меня есть отличный фонарь. Часа через три уже рассветёт. Как-нибудь найду.

– Зачем тебе туда надо? – вскричала Света, громко затопав пятками, – ну скажи, зачем?

– Я хочу узнать, какую такую глобальную тайну хранит Эдем, что ради её сбережения надо было забрать у матери дочку. Ведь вряд ли это случилось из-за надгробия, на котором было написано «Ты, 2013»! Никакой новой расшифровке надпись не поддаётся, сколько я ни ломала голову.

– Ты что, бредишь? Какую дочку? У какой матери?

– Светка, ты мне сама рассказывала, что девочка по имени Катя по телефону сказала матери про письмо, в котором указывалось местоположение кладбища в глухом хвойном лесу, и что после этого девочка навсегда бесследно исчезла вместе с письмом.

Света разъярённо вздохнула.

– Риточка! Твою мать! Ты меня достала. Больше я не могу.

Если не придёшь домой в восемь – всему настанет конец. Конец! Поняла?

– Да почему в восемь? – с досадой спросила Рита, – я до восьми могу не успеть вернуться домой!

– Я сказала, в восемь! Или – конец! – отрезала Света и моментально ушла со связи. Убрав мобильник в карман и застегнув куртку, Рита пустилась дальше бегом. Бег её согрел основательно. Через десять минут она перешла большак и спустилась в лес. По её прикидкам, был уж четвёртый час.

Фонарь, разумеется, не помог. Какой там фонарь в дремучем лесу, под сильным дождём! Пройдя наугад пару сотен метров, Рита наткнулась на густой ельник и поняла, что лучше ей ждать зари. Встав на четвереньки, она пролезла под ёлку. Там было сухо. Вот бы уснуть, пока ещё жарко от энергичного бега! Взяв в руку нож, Рита улеглась левым боком на очень толстый слой хвои, спиной прижалась к стволу. Фуражка упала. Надев её кое-как, Рита вмиг уснула.

В седьмом часу, когда незначительно просветлело, холод заставил её подняться и идти дальше. Дождь прекратился, однако небо было затянуто. Лес стоял насупившийся, противный. Стоило задеть ветку, и с неё лился ледяной душ – хорошо, если не за шиворот! От такого почти всегда спасала фуражка.

Рита помнила путь, поскольку множество раз преодолева-

ла его во сне. Часа через полтора она уже двигалась вдоль ложины, заросшей ёлками, а потом входила в малинник – колючий, голый, без ягод. Ей повстречалась девочка лет восьми. Она шла с пустым лукошком.

– Здравствуйте, – сказала она, поглядев на Риту. Та ей кивнула. Потом встревожилась.

– Здравствуй, девочка. Ты что, заблудилась?

– Нет, я от мамы с папой отстала. Но скоро их догоню.

Так и разошлись. Впрочем, через пару шагов Рита обернулась. Девочки не было. Просто как не бывало.

Древнее кладбище сквозь кусты показалось издали. Очувтившись на краю поля с надгробиями, со всех сторон окружённого мрачным лесом, Рита вдруг призадумалась. Стоит ли игра свеч? Но, взглянув на камень, расстрелянный двадцать лет назад Димкой и уже снова поросший мхом, она спохватилась: терять-то нечего, на дворе – тринадцатый год! А ради того, чтоб проникнуть в тайну, не жалко было бы многое потерять. Раскрыв ножик, Рита присела перед ближайшим камнем на корточки и взялась за работу. Ей всё казалось, что рядом бегают Сфинксы. Она даже оглянулась несколько раз, соскребая ножиком с камня мох. Но нет: один Сфинкс был дома, другой – на небе.

Камень оказался бессодержательным, века надпись не пощадили. Следующие пять камней также ничего не сказали Рите. Но, отскоблив седьмой, она вдруг увидела на нём дату, и весьма близкую. Разумеется, между цифрами пролегла

ли значительные пустоты, возникшие в результате исчезновения других цифр. Тем не менее, всё было недвусмысленно. Рита даже оторопела. Сидя на корточках, она вслух произнесла дату, указанную на камне. Что бы она могла означать? Ведь ни одной буквы-то не осталось!

Мобильник в кармане куртки подал сигнал эсэмэски. Достав его машинально, Рита прочла короткое сообщение от подруги. Текст его был таков: «Конец. Света».

Из груди Риты вырвался смех. Она поглядела опять на камень, потом – опять на мобильник. Ей стало ещё смешнее. Да, неисповедимы пути Господни! Глобальнее не придумаешь. Было восемь часов сорок пять минут.

Глава семнадцатая

Домой Рита вернулась после полудня, с двумя налимами килограмма по полтора. Они попались на донки, которые не поленилась она проверить, когда шла из лесу. Света сладко спала, свернувшись под одеялом. Рядом с диваном стояли пустая бутылка из-под ликёра, также пустая рюмочка и соседка – не тётя Маша. Она зашла, как выяснилось, посплетничать. Рите было не до того. Культурненько выпроводив соседку, которая принялась бурно восторгаться большими рыбами, она сдёрнула с пьяницы одеяло. Та заморгала, не понимая, что происходит и где она оказалась. Тогда рыбачка протяжно и громко свистнула, зная, что этот звук для её подруги невыносим. Подруга, действительно, пришла в бешенство и во все остальные чувства. Но, когда Рита продемонстрировала улов, она моментально ей всё простила, про всё забыла – даже про то, что надо надеть штаны, и сразу же начала налимов разделять на терраске, схватив охотничий нож с рукояткой, вырезанной из рога оленя. Рита разделась и улеглась в тёплую постель. Ей было нерадостно.

– Ритка! Знаешь, кто приходил? – крикнула ей Света с терраски, тщательно соскребая с налима мелкую чешую, – ты мне не поверишь!

– Плевать мне, кто приходил, – отозвалась Рита, зевая, –

ты покормила Сфинкса?

– А ты как думаешь? Этот чёрт сожрал бы меня саму и не подавился, если бы я хоть одну минуту промедлила с этим делом... Ритка, а Ритка! Вот хочешь верь а хочешь не верь, но я сразу поняла, что ты наврала про кладбище – ну, что, типа, туда идёшь! Ты бы побоялась ночью туда тащиться!

– Да почему? – удивилась Рита, – ведь я двадцать лет назад пошла туда ночью.

– С тобой был Сфинкс! А сегодня ночью он был со мной. Он даже гулял по саду. В ливень! Прикинь? Тебя, должно быть, искал. Еле загнала. Нет, без поросёнка ты бы пойти туда не рискнула.

– Рискнула я!

– Да не ври! Ты очень трусливая. Слушай, Ритка! Я после отпуска Сфинкса возьму в Москву. Пускай он живёт у меня в квартире! Ты мне его отдашь? Он ведь приучился делать свои дела на улице, как собака!

– Об этом ты даже и не мечтай, – отрезала Рита.

– Но почему?

– Потому, что ты сделаешь из него цепную собаку, какой стала сама.

– Да нет, я – охотничья! – возразила Света, явно обидевшись, – я – отлично выдрессированная такса.

– Это не повод для гордости. Всё, заткнись! Я хочу поспать один час.

Ровно через час Света разбудила Риту обедать. Один на-

лим был уже пожарен в двух сковородках, с нужным количеством чеснока, лука и сметаны, а из другого варился суп в двух кастрюлях. Соседка – не тётя Маша, опять явилась, чтобы вручить банку малосольных огурчиков, кабачок и два патиссона. Сразу ушла, пожелав приятного аппетита. Света, до крайности осчастливленная налимами, была так любезна с подругой, что натянула ей на ноги шерстяные носочки, сказав, что пол – ледяной.

– Надо топить печь, – проворчала Рита, садясь за стол, – ты после обеда куда-нибудь собираешься?

– Да, конечно, я пойду в лес со Сфинксом, – сказала Света, вилкой скovyривая с костей налима порядочный кусок мяса, – а что? Ты одна не справишься с печкой?

– Справлюсь, иди.

Они ели рыбу прямо из сковородки. Опустошив одну, взялись за другую. Налим был сказочно изумителен.

– А на ужин будет уха, – объявила Света, старательно соскребая со сковородки самую вкуснотищу, – а завтра я кабачок в сметане пожарю. И патиссоны.

– Кто приходил-то? – спросила Рита, внезапно вспомнив первые слова Светы после того, как она схватила налимов. Света задумалась, на секунду перестав есть. Потом улыбнулась.

– Точно! Припёрлись два упыря из Сельхознадзора. Ваша свинья, говорят, подлежит осмотру и регистрации! Это, говорят, будет стоить три с половиной тысячи! Я, конечно, их

послала.

– А они что сделали?

– Как ты думаешь, Ритка, что можно сделать после того, как я посылаю? Ясное дело, сгинули. Пригрозили прислать полицию.

– Зря ты их послала, – с досадой сказала Рита, облизав вилку, – что, если правда менты приедут?

– Я и ментов пошлю. И они уедут. Ты что, меня плохо знаешь, пустая твоя башка?

– Ментов не пошлешь.

– Ещё как пошлю! У моего «Мерса» очень красивые номера. С такими хоть генерала посылать можно.

Съев рыбу, выпили водочки под огурчики. Потом Рита опять легла, а её подруга, вымыв посуду и доварив уху, ушла с поросёнком в лес.

Как только калитка за ней закрылась, Рита взяла мобильник и набрала два стихотворения, которые сочинила, когда шла по лесу с кладбища. Сразу их опубликовав, она начала обдумывать свой поступок. Он ей казался не вполне правильным, и она решила выпить ещё. Это было сделано. Одной рюмочки оказалось мало. Опорожнив вторую, Рита стала метаться из угла в угол, сердито хрумкая огурцом. Цветаева бы несколько не сомневалась, казалось ей. Впрочем, Иисус сомневался, да ещё как! Если верить Марку с Матфеем, кровавый пот у него на лбу выступал. Но он себя всё же преодолел с помощью молитвы Отцу. Ведь он сиротой-то не

был! А она, Ритка, сильно отстала от мамы с папой.

– Хозяева! – раздалось вдруг с улицы, – отворяйте!

С тоскливо бьющимся сердцем надев штаны, Рита подбежала к окну. Около забора стоял «Уазик», а рядом с ним – полицейский. Второй сидел за рулём. Лицо у стоявшего было очень широким и нагловатым. На нём во всю ширину разлеглось присущее таким лицам рядом с такими машинами земноводное хладнокровие. Тот, что был за рулём, выпускал наружу табачный дым. Рита поняла – тьфу на них. Если бы они приехали её брать, вели бы себя иначе. Да и потом, кто таких за нею отправит?

– Что вам угодно? – полюбопытствовала она, распахнув окно.

– Вы хозяйка? – скучно взглянул на неё мордастый, за чем-то положив руки на автомат, который висел у него на шее.

– Да, я. Что случилось-то?

– Вы прекрасно знаете, что случилось, мадам, – сказал правоохранитель, устремив взгляд на стоявший с другой стороны ворот «Мерседес», будто обращался к нему, – сотрудники государственного учреждения к вам приехали поросёнка вашего инспектировать, а вы матом их посылаете! За отказ представить животное к регистрации полагается штраф, а само животное подлежит изъятию и забою через судебную процедуру.

– Так вот пускай суд и разбирается, – возразила Рита, –

вы-то зачем приехали? Вам что, делать нечего – из райцентра сюда мотаться?

Офицер сплюнул и поглядел опять на неё.

– Судебные органы должны знать, есть у вас свинья или нет. Соседка даёт сигналы, что держите поросёнка. А нарушать неприкосновенность жилища вправе только полиция.

– Да, но только в связи с особыми обстоятельствами, как то – убийство, теракт или вынесенное судом решение. Поросянок на всё это не похож. Но я снисходительна. Суньте руку между прутками калитки, сдвиньте щеколду и проходите.

Мордастый прошёл один, секретно посоветовавшись с напарником. Когда он поднимался по трём ступенькам крыльца, они, впервые принявшие такой вес, жалобно скрипели. Рита с плохо скрываемым раздражением провела его по всем комнатам, а затем показала ему сарай, где жил поросёнок.

– Это последнее помещение. Остаётся сад. Там есть туалет. Он вам интересен?

– Спасибо, нет, – сказал офицер, предприняв попытку изобразить на лице любезность, – простите, что потревожили. Всего доброго.

Проводив его до калитки, Рита вернулась в дом. Под шум отъезжающего «Уазика» позвонила Свете.

– Вы где? В лесу?

– Какое в лесу? Мы даже ещё до кладбища не дошли, только из деревни выходим! К нам по дороге местные мужики какие-то прицепились, стали тобой интересоваться. Чего зво-

нишь-то?

– Пожалуйста, не гуляйте долго! Мне здесь тревожно. Прикинь, только что полиция приезжала!

– Ого! Так быстро? И что?

– Они поглядели, есть ли свинья. Не очень понравились мне их рожи.

– Ты телевизор иногда смотришь? – спросила Света, за-чем-то подозревая Сфинкса – видимо, приближалась машина.

– Нет, никогда. А что?

– Да нет, ничего. Просто вот такие рожи теперь в Госдуме. Короче, скоро придём.

Но они пришли через три часа, когда уже были сумерки. Принесли корзинку грибов. В комнате валялась груда поленьев и сажа висела облаком, потому что Рита топила печь. Было очень жарко. Покормив Сфинкса, Света уселась перебирать грибы. Рита наблюдала за ней, сидя за столом, и гадала: как бы сложилась судьба этой сексапильной блондинки и её собственная судьба, если бы не встреча в метро одиннадцать лет назад, в разгар зимних праздников? И она пришла к выводу, что, наверное, почти так же. Света ведь всё равно пошла по стопам отца, которого ненавидела, а её Марго как была воровкой, так и осталась. Не было бы лишь одного. Не главного ли? Возможно.

После обильного ужина была баня. Потом они два часа курили на лавочке, среди голых яблонь, неутолимо вглядываясь в чарующую безбрежность созвездий, раскинувшихся

над их головами от горизонта до горизонта, и отбиваясь ногами от поросёнка, который лез целоваться. Он не желал наслаждаться звёздами и безмолвием, потому что печаль ни под каким соусом не была ему по душе.

Было уже за полночь, когда Рите вдруг позвонила Танечка.

– Идиотка, – произнесла она так спокойно, будто смотрела на то же самое небо и отбивалась пятками от того же самого поросёнка, – тебе вконец надоело жить?

– Татьяна Владимировна! – воскликнула Рита так, что по всему саду и по соседним кубарем прокатилось эхо, – вопрос не в том, насколько мне надоело это занятие, а в другом. Я узнала год Конца света!

Танечка помолчала. Потом сказала:

– Ну, и коза. Теперь ты уже не Наполеон никакой, а Сфинкс.

– Почему я Сфинкс? – удивилась Рита, – при чём здесь, вообще, Сфинкс?

– Один египтолог мне говорил, что, согласно древнеегипетским верованиям, Сфинкс знает, когда он бросится на пришельцев с далёких звёзд, которые захотят нарушить покой Хеопса. День его битвы с ними будет последним, ибо от его рёва Вселенная вся развалится на куски.

– Красота какая! Так значит, он, в принципе, бесполезен? К чему тогда такой пафос?

– Ритка! Уж от тебя я такого вопроса не ожидала услы-

шать. Как может быть бесполезным чувство собственного достоинства, даже если оно ведёт тебя к смерти?

– Спасибо, Танечка, – прошептала Рита, косо взглянув на Свету, которая не прислушивалась к беседе, дерясь со Сфинксом, как беспардонный пришелец с далёких звёзд, – я очень тебя люблю!

Танечка, смеясь, нажала на сброс. Выкурив ещё по одной, подруги загнали в дом поросёнка и пошли спать. Несмотря на то, что в комнате было жарко, Света, большая любительница давать храпака на печке, осталась себе верна. Через полчаса она с печи слезла, чтобы открыть все окна и дверь. Рите на диване сделалось зябко. Устроив Свете скандал, она вынула из шкафа ещё одно одеяло.

Глава восемнадцатая

Проснувшись первой, Света рассеяно покурила, бродя по дому. Потом спустилась в нижнюю комнату. Целый час она там сидела, глядя на кепку Ивана Яковлевича, висевшую на крючке. Кепка провисела так двадцать лет. Никто к ней не прикасался. Света пыталась представить её владельца, который прожил необычайно яркую и достойную жизнь, сделав очень много добра очень многим людям, и о котором уж много лет не помнил никто, кроме его внучки с таким же горбатым носом и двух состарившихся соседей. Рита оторвала печальную Свету от её мыслей, велев ей заняться завтраком. После завтрака и скандала по поводу пересоленных патиссонов две обитательницы столетнего дома отправились на прогулку, взяв с собой Сфинкса. Они решили сходить на верхнее кладбище, чтобы положить цветы на могилу Таньки. Два георгина им подарила соседка – не тётя Маша. Она прекрасно помнила Таньку и даже плакала всякий раз, когда о ней говорили.

Было прохладно. По небу плыли серые облака. Выйдя за деревню, Рита и Света залюбовались раздольем сжатых полей, синеющим вдали лесом и всё ещё сохраняющими листву раскидистыми дубами возле оврага, что примыкал к околице. Поросёнок также вполне себе очарованно семенил по

краю дороги. Во всяком случае, он молчал. Так дошли до кладбища.

Под раздетыми, едва слышно поскрипывающими при сильных порывах ветра берёзками фотографии на могильных плитах смотрели как-то потерянно.

– Симпатяшка, – сказала Света, увидев Таньку, нахальство взгляда которой также ослабло, – чем-то похожа на твою рыжую журналистку.

– Точно, – задумчиво согласилась Рита, – одно лицо. У той и другой – два уха, два глаза, нос, рот и волосы.

Две подружки сели на лавочку, грубо выставив поросёнка, который также хотел пройти внутрь ограды. Сев на листву около калитки, он заскучал. На ветвях берёз разнервничались вороны.

– А у неё детей не осталось? – спросила Света, закуривая.

– Осталась у неё дочка. Её зовут, между прочим, Катя. Не то зовут, не то звали – мне тётя Нина сказала, что она месяц назад исчезла. Сгинула без следа.

Света удивилась.

– Надеюсь, это никак не связано с кладбищем?

– Вряд ли. Она шальная была. Наверное, подцепила такого же дурака и с ним отрывается. Её сильно никто не ищет – близкой родни-то у неё нет, остальным плевать. Слушай, Светка!

Тут Рита вдруг осеклась, бросив взгляд на Сфинкса, как будто тот мог ей дать совет. Но Сфинкс на неё даже не смот-

рел. Он пялился на ворон, накренивших дерево своим множеством. Они каркали так, будто увидали еду, к которой не подобраться.

– Что ты мне хочешь сказать? – с досадой спросила Света, – что ты всё-таки ходила ночью на то старинное кладбище и раскрыла некую тайну? Лучше молчи! Я ведь всё равно тебе не поверю.

– Ты мне раскрыла её, – уточнила Рита. Достав мобильник, она нашла эсэмэску Светы, полученную во время обнаружения на надгробии странной даты, и показала её подруге.

– Ну, и что дальше? – пожалала плечами та, погасив окурок, – я ведь предупредила, что если ты не вернёшься домой к восьми, то всему – конец. В восемь сорок пять я распахнулась и написала тебе: «Конец!» Потом я решила тебя простить.

– Спасибо тебе за оба этих поступка, – сказала Рита, – и главная благодарность тебе – за то, что ты подписалась. Этого я никогда за тобою раньше не замечала. А теперь слушай меня внимательно...

И она рассказала Свете об обстоятельствах, при которых была получена эсэмэска. Света её ни разу не перебила. Ей было ясно, что рассказ Риты правдив. Несмотря на это, её лицо стало ещё более раздражённым.

– Какая чушь! – фыркнула она, разглядывая свои облезшие ногти, – опять ты, дура, нашла на каком-то камне какую-то ерунду и радуешься! Меня ещё приплела! Ты реаль-

но думаешь, что на этом надгробии был указан год Конца света?

– Именно так. Наташка ошиблась. Надпись на первом камне касалась только меня и Димки. В реальную тайну космического масштаба мне удалось проникнуть только вчера. Да, на том надгробии был указан год Конца света. А чем ещё объяснить загадочное исчезновение той несчастной девочки Кати вместе с письмом? Какую другую тайну можно охранять так старательно? Иисус ведь сказал: «Не будете знать ни дня, ни часа!» Это он про своё Второе пришествие говорил.

– Но ведь это бред! Зачем, вообще, было создавать ключ к этой тайне и помещать его там, на каком-то кладбище, среди леса? Логика где?

– Откуда я знаю? Помыслы Бога неизмеримо выше помыслов человеческих. Зачем Бог посадил в Эдемском саду дерево познания добра и зла, строго запретив Адаму и Еве вкушать плоды с него? Ведь прекрасно знал, что вкусят – запретный плод сладок! А что касается кладбища – вы с Наташенькой умудрились на пальцах мне объяснить, что кладбище – это и есть Эдем! Ведь было такое?

– Было, – признала Света, – чёрт возьми! Было.

Она задумалась. Проследив, как Рита закуривает, спросила:

– Сколько же там ещё таких штук-то, на этом кладбище?

– Вряд ли много. Я с большинства камней так или иначе счистила мох. Думаю, что там больше ничего нет.

Света поглядела на Сфинкса, совсем как Рита некоторое время назад. Он всё не сводил глаз с ворон, которые бесновались.

– Ритка! А ты мне скажешь год Конца света?

– Светочка, ты в уме? Я что, тебе враг? Я все эти цифры ножичком скovyрнула, чтоб их никто не увидел! К счастью, они легко раскрошились.

– Ритка! – снова заговорила Света через минуту, взглянув теперь уж на Таньку, которая улыбалась ей ободряюще, – чем, скажи мне, я заслужила такое подлое отношение? Это просто какой-то благодостный сволочизм! Зачем вообще начинать о чём-то рассказывать, если самое главное ты намерена утаить? Ты что, идиотка? Какого взрыва ждёшь ты от двадцать первого века, если надеешься, что сейчас от меня не получишь в рыло?

– О! Женское любопытство – это рычаг, которым можно перевернуть Вселенную, – улыбнулась Рита. Света вскочила с намерением уйти навеки, но вечность ей улыбнулась примерно так же. Танька и Сфинкс наблюдали молча. Вороны каркали. С полей дул пронизывающий ветер.

– Чёрт меня дёрнул послать эту эсэмэску, – вздохнула Света после того, как Рита всё-таки назвала ей дату, решив, что так оно будет лучше, – как ни крути, а всё это очень странно! Звучит, конечно же, убедительно, но ведь первое предсказание не сбывается! Твой тринадцатый год почти пролетел, а ты всё ещё жива.

– Да, я всё ещё жива, – согласилась Рита, бесцельно щёлкая зажигалкой, – и даже больше того – до сих пор не сделала то, для чего пришла в этот мир.

Света испугалась.

– Марго, у меня стынет в жилах кровь! Какую херовину ты ещё не успела сделать?

– Самую главную. Я ещё не успела спасти весь род человеческий или что-то очень похожее на него.

– Ну, это ещё нормально, – вздохнула Света, – это терпимо. А кто тебя наделил такой странной миссией?

– Я сама себя наделила этой прекрасной миссией, – неохотно призналась Рита, – но я узнала об этом не так давно.

– О, как интересно! А кто тебе открыл эту тайну? Камень?

– Нет, мастер йоги. Он прикоснулся ко мне, потерял сознание, а потом сказал, что только одна-единственная личность в истории обладала подобной силой. А если сопоставимы силы – сопоставимы и миссии, потому что иначе всё, вообще, бессмысленно. Понимаешь?

– Да, – с серьёзным лицом кивнула головой Света, – очень хорошо понимаю. Я бы на его месте ещё и мыло в рот положила, чтоб была пена.

– Что бы тебе это дало? – поморщилась Рита, – думаю, после этого происшествия многие перестали к нему ходить на занятия. И напрасно. Дар ясновидения у него, безусловно, есть. Он мгновенно понял, что у меня – одна почка.

– И он сказал, что тебе предстоит спасти весь род человеческий? Или что-то очень похожее на него?

– Да, весь род человеческий или что-то очень похожее на него, – повторила Рита. Чуть помолчав, она вдруг спросила, – а хочешь, я прочитаю тебе стихи?

– А как ты себе это представляешь?

– Что? Чтение стихов?

– Нет, спасение! Ведь если ты обладаешь огромной силой, то, получается, ты должна обладать и знанием, потому что иначе кирдык всем будет, а не спасение!

– Да, конечно, – запальчиво согласилась Рита, – но ты не хочешь слушать мои стихи, и при этом требуешь от меня объяснений! Это примерно то же, что сбрасывать со стола роскошные блюда и просить есть! Ведь стихотворение – это идеальное сочетание чувств и мыслей, дура ты чёртова!

– Риточка, да куда ещё идеальнее? – заорала Света, опять вскочив. На этот раз Рите пришлось её догонять, поскольку она была взбешена и очень стремительна. Завершилась погоня только на краю кладбища, в узком месте между двумя оградами. Если бы кто-нибудь, кроме Сфинкса, всё это видел, точно подумал бы, что одна покойница погналась за другой – так были бледны их лица и странны действия. Сфинкс, конечно, так не подумал. Он уже знал обеих своих подруг вполне хорошо.

Домой они шли под усилившийся вой ветра и под стихи. Читала не только Рита, но и вторая кладбищенская мегера.

Поскольку та никаких стихов никогда не знала, кроме есенинских, всю дорогу звучали только они. Рита неожиданно тоже прониклась ими. Было приятно идти под серым осенним небом среди полей, а затем – по тихой деревне, громко читая о ней стихи, пахнущие клевером и ромашками. Сфинкс, вероятно, также любил Есенина, потому что бежал довольный.

– Вино закончилось, – объявила Света, когда вернулись домой, – а коньяк и водка – почти. Сгоняю в Кремёнки, куплю хотя бы бутылок десять.

– Сгоняй, – согласилась Рита. Поставив на плиту чайник, она готовилась к маникюру и педикюру. Этой фигнёй, по мнению Светы, она занималась всегда только на терраске, поскольку там было посветлее. Света никак не могла понять, зачем нужен маникюр, если потом будешь копать червей, кормить поросёнка и топить печку. Но, так как ей надоело уже выпытывать у могильной шизофренички ответ на этот вопрос, она лишь вздохнула и начала собираться в путь – то есть, искать в комнате документы, а также ключ от машины. Кремёнками назывался большой посёлок, который располагался с другой стороны реки, в восьми километрах. За дорогими напитками Света всегда моталась туда, в деревне возможно было приобрести лишь водку и пиво.

– Покорми Сфинкса! – крикнула Рита, делая себе кофе, – он, вероятно, проголодался!

– Приеду и покормлю, – отозвалась Света из комнаты, –

пусть пока гуляет по саду... Чёрт! Ну где ключ?

– Я его в последний раз видела под диваном, – вспомнила Рита.

– Как под диваном? Что он там делает? Да, он здесь. А ключ от ворот ты куда засунула?

– Он, по-моему, на буфете лежит.

Когда Света вышла, Рита сидела на стуле, вооружившись пилочкой, и старательно занималась ногтями левой ноги. При этом она умудрялась делать ещё три дела – курить, пить кофе, беря со столика чашечку, и кусать язык, как будто он ей мешал. Наблюдать за нею было очень смешно.

– Ритка, я поехала, – сообщила Света, коснувшись пальцем кончика носа подруги, – вернусь минут через сорок. Будь так любезна, ворота за мной закрой!

– А на хер их закрывать, если ты уже через три с половиной часа вернёшься?

Света сказала, что лучше всё же закрыть, чтобы Сфинкс не выбежал, и ушла. Мотор «Мерседеса» зарокотал деловито, радостно, стосковавшись, видимо, по работе. Потом раздался шорох колёс по гравию, шелест яростной пробуксовки, сопровождаемый усилением оборотов восьмицилиндрового мотора, и – уносящийся вдаль, быстро затихающий рёв его. А потом опять наступила грустная, неуютная тишина. Только иногда на чьём-то дворе вскрикивала курица. Допив кофе, Рита взяла телефон и громко включила песню «Одна звезда на небе голубом», чтоб стало ещё грустнее. Без этой

песни было сейчас никак невозможно.

Из-за неё Рита не услышала, как подъехал к дому автомобиль, как хлопнули дверцы, как поднялись на крылечко, пройдя воротами, двое. Другие двое направились к задней стороне дома, где гулял Сфинкс. С грохотом открыв дверь терраски, первые двое крикнули:

– На пол, уродина! Лицом вниз! Руки на затылок! Работает ФСБ!

– Пускай уже отдохнёт, – предложила Рита, взяв со стола охотничий нож с рукояткой, вырезанной из рога оленя. Когда раздалась стрельба и другие двое ворвались в дом, испуганный поросёнок ринулся через сад туда, где наполовину сгнивший забор примыкал к оврагу. Проломив доски, Сфинкс убежал. Да, он был спасён – от жалкой и глупой свиньячьей смерти. Его ждала смерть хорошая. Но к ней нужно было бежать, бежать во весь дух! Он бежал оврагом, полем, берегом, лесом. Бежал и хрюкал от счастья, радуясь своему спасению, не догадываясь о том, что ради него, этого спасения, были прожиты целых тридцать пять лет весьма яркой жизни.

Когда чёрный «Мерседес», преодолев мост через реку, выехал на хороший асфальт, с его тормозами внезапно что-то произошло. Он не уступил дорогу грузовику. Поэтому две подруги мгновенно встретились. На руках у Светы был рыжий смешной котёнок, у Риты – маленький лопухий бульдог. Ещё за ней шла тощая корова. Встав рядом, Рита и Све-

та с радостью поглядели, как бежит Сфинкс. И больше они уж не расставались. Они узнали, о чём, а главное – для чего Спаситель говорит с умершими. Но это – уже совсем другая история. А к почти оконченной семикнижной истории остаётся прибавить одну-единственную деталь: её героиням стало понятно, что сопоставить чью-либо силу с силой Христа можно только в шутку.

Почти конец

(Продолжение – в пьесе «Штопор»)

Август – ноябрь 2016 года.

Авторские права нотариально заверены